

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

М. И. БЛУМ

ДЕЙСТВИЕ
СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
В ПРОСТРАНСТВЕ

Учебное пособие
Латвийскому государственному
университету им. П. Стучки
С. И. Блум
на авторские права
от автора
Рига, 26.11.74

Данная работа посвящена наиболее актуальным и мало разработанным в теории советского уголовного права проблемам пределов действия уголовного закона. В ней дается анализ принципов действия уголовного закона в пространстве, показывается исторический путь их развития и служебная роль, а также перспективы развития советского уголовного законодательства в этой области. В работе освещается важный для следственно-прокурорской и судебной правоприменительной деятельности вопрос об определении места совершения преступления для различных категорий преступных деяний, обосновывается необходимость создания системы внутритерриториальных коллизионных норм и др.

Настоящий труд является итогом многолетней научной деятельности автора в связи с подготовкой и совершенствованием спецкурса «Советский уголовный закон и пределы его действия», читаемого студентам старших курсов юридического факультета в течение ряда лет. Работа рассчитана на слушателей спецкурса и прочих студентов, интересующихся рассматриваемой проблематикой, аспирантов, преподавателей юридических высших учебных заведений, научных работников, а также на практических работников суда, следствия и прокуратуры.

Ответств. ред. — докт. юрид. наук, проф. А. А. Лиеде

© Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки, 1974

Б 1-10-2-127у 73
MS12(11)-74

ВВЕДЕНИЕ

Четкая законодательная регламентация пределов действия советского уголовного закона в пространстве имеет большое теоретическое значение для развития советской науки уголовного права, а также огромное практическое значение для правоприменительной деятельности следственно-прокурорских и судебных органов. Проблема определения пределов действия советского уголовного закона в пространстве является разноплановой и весьма сложной. Каждый из ее аспектов требует самостоятельного подхода и решения. Однако, в такой плоскости она до сих пор не ставилась и не решалась ни в советской науке уголовного права, ни в науке международного права. Только отдельные вопросы проблемы освещены в монографиях А. Н. Трайвина, М. Д. Шаргородского, Н. Д. Дурманова, Я. М. Брайнина, А. А. Тилле, В. Н. Кудрявцева, И. И. Горелюка, М. А. Шнейдера, И. И. Солодкина, Л. Н. Галенской и др.

Необходимо отметить, что в современный период возросло международно-правовое значение вопросов пределов действия советского уголовного закона в пространстве, относящихся преимущественно к области внутрисударственного права. Это объясняется расширившимися контактами Союза ССР с зарубежными странами, массовыми посещениями иностранцами Союза ССР и советскими гражданами — зарубежных государств, длительным проживанием иностранцев в СССР и советских граждан за границей (учеба в вузах, аспирантуре, обмен специалистами, оказание помощи развивающимся странам и т. д.) и др. Поэтому изучение проблемы действия советского уголовного закона в пространстве приобретает в настоящее время все большее значение, в особенности те аспекты этой проблемы (независимо от подхода отдельных ученых к их оценке), которые начиная со времен Бенгта принято называть «интернациональным уголовным правом» («internationales Strafrecht», «droit pénal international», «derecho penal internacional»). Это те вопросы действия национального уголовного закона в пространстве, которые связаны с «иностраным элементом», соприкасаются в какой-то мере с интересами ино-

странных государств в связи с применением национального уголовного закона к преступлениям, совершенным за границей (экстерриториальное действие уголовного закона), с применением национального уголовного закона к иностранцам, на которых не распространяется национальная уголовная юрисдикция и, наконец, вопросы выдачи преступников и права убежища.

Советская наука уголовного права, как и наука международного права не пользуются в этом смысле понятием «международное уголовное право» (См. М. Д. Шаргородский. Некоторые вопросы международного уголовного права. — «Советское государство и право», 1947, № 3, с. 24—32; Л. Н. Галенская. О понятии международного уголовного права. — «Советский ежегодник международного права 1969». М., 1970, с. 241—260), ибо речь идет о совокупности положений национального законодательства, назначение которых заключается в том, чтобы очертить пределы действия материального уголовного права Советского государства, оградить и ограничить установленный им правопорядок от правопорядка, установленного уголовным правом других государств.

Эти вопросы должны решаться совместными усилиями ученых, работающих в области различных правовых наук и в первую очередь — в области материального и процессуального уголовного права и международного права. Такое сотрудничество уже известно советской правовой науке. Так вопросы борьбы с международными преступлениями и уголовными преступлениями, посягающими на международный правопорядок, как и вопросы выдачи военных преступников уже в течение нескольких десятилетий успешно решают советские ученые — криминалисты, процессуалисты и международники (А. Н. Трайнин, Н. Н. Полянский, Н. С. Алексеев, М. Д. Шаргородский, П. С. Ромашкин, А. Н. Полторак, М. Н. Андрохин, Л. Н. Галенская и др.). По вопросам экстерриториального действия советского уголовного закона и применения его к лицам, пользующимся дипломатическим или консульским иммунитетом, как и по вопросам выдачи невоенных преступников сотрудничество ученых различных областей правовой науки недостаточно. Это не может не сказаться отрицательно на результатах исследований. Только учитывая достижения науки советского уголовного права и международного права, можно найти правильный методологический подход к оценке принципов действия уголовного закона в пространстве, вскрыть внутреннее политическое содержание добуржуазных и буржуазных теорий по вопросам применения национального уголовного закона в пространстве, выявить те политические цели, которым они служили и служат, разоб-

лечь их реакционное содержание в определенный исторический период, выявить возможности для сотрудничества государств в области международной борьбы с преступностью.

В. И. Ленин учил правильному методологическому подходу ко всем явлениям социальной жизни. Он указывал: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставая в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобратся во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанными с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства, и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 71, 72).

Решение отдельных проблем территориального и экстерриториального действия советских уголовных законов в пространстве, как и вопросов применения уголовных законов к иностранцам, неподсудным советским судебным учреждениям, в теории советского уголовного права представляется спорным именно с позиции советской науки международного права. Это относится к распространению советских уголовных законов на принадлежащие СССР объекты и зоны вне пределов СССР, к применению советских уголовных законов в соответствии с принципами гражданства, в особенности в отношении лиц без гражданства, и др.

Только объединенными усилиями ученых в области советского уголовного права и международного права можно правильно оценить также весьма спорный вопрос о приемлемости для советского законодательства положений реального принципа действия уголовного закона в пространстве и пассивного персонального принципа, как и разработать законодательные положения, отражающие требования принципа социалистического интернационализма и универсального принципа.

Усилиями советских ученых в области уголовного права,

уголовного процесса и международного права должны быть решены и вопросы выдачи преступников, в том числе разработанная *de lege ferenda* система уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, соответствующих принципам советского национального законодательства и принципам международного права. Изучение некоторых аспектов действия национального уголовного закона в пространстве и выдачи преступников должно быть также предметом науки международного уголовного права, хотя речь и идет, безусловно, о применении совокупности норм национального законодательства, в том числе и трансформированных норм международного права.

По многим основополагающим вопросам желательна единая позиция в законодательстве стран социалистического содружества, использование опыта всех социалистических государств. «Мировой социализм вбирает в себя все богатство и многообразие революционных традиций и опыта, порождаемого творчеством трудящихся разных стран, — говорил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году. — В этой связи я хочу сказать, что наша партия постоянно изучает этот опыт, использует все ценное, что может быть применено в условиях Советского Союза, все то, что действительно способствует укреплению социалистического строя, воплощает в себе проверенные на международном опыте общие закономерности его строительства.» (Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». М., 1969, с. 54, 55).

Правильное решение всех перечисленных вопросов будет способствовать наилучшему обеспечению охраны интересов Советского государства, укреплению братского содружества социалистических государств, а также осуществлению принципа мирного сосуществования государств с различным общественным и государственным строем.

Данная работа является попыткой решить некоторые из упомянутых вопросов на основании изучения советской теории уголовного права и теории уголовного права зарубежных социалистических государств, как и практики ее применения, с учетом также достижений в области науки советского международного права и выдвинуть некоторые предложения *de lege ferenda*.

В работе исследованы также внутригосударственные аспекты проблемы действия советского уголовного закона в пространстве, точнее — пределы действия в пространстве уголовных законов союзных республик. Эта внутригосударственная проблема вытекает из особенностей советского государствен-

ного строя, из сущности Союза ССР как федерации союзных республик, обладающих широкой компетенцией в области уголовного законодательства и принявших свои республиканские уголовные кодексы для борьбы с преступлениями, совершаемыми в пределах союзной республики.

Поскольку многие преступления совершаются на территории двух и более союзных республик, постольку неизбежны коллизии между республиканскими уголовными законами. Как показывает судебная практика, отсутствие интертерриториальных или интерлокальных коллизионных норм приводит к разнобою в применении уголовного законодательства союзных республик. Поэтому судебной и следственно-прокурорской практикой выдвинута задача — разработать такую систему интерлокальных коллизионных норм, на основании которых могли бы решаться все возникающие коллизии между уголовными законами союзных республик. В данной работе предложены решения коллизий между республиканскими законами, что должно привести к единообразию в применении республиканских уголовных законов и к укреплению социалистической законности.

Значение укрепления социалистической законности и совершенствования законодательства было подчеркнуто XXIV съездом КПСС. Выступая перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 12 июня 1970 г., Л. И. Брежнев сказал, что социалистическая законность, правопорядок — основа нормальной жизни общества, его граждан. («Правда», 13 июня 1970 г.).

Совершенствование законодательства о пределах действия уголовных законов в пространстве является необходимой предпосылкой соблюдения и укрепления социалистической законности.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР УЧЕНИЙ О ДЕЙСТВИИ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ В ПРОСТРАНСТВЕ

Закономерности развития учений о действии уголовных законов в пространстве могут быть поняты лишь в свете марксистско-ленинского учения о смене общественно-экономических формаций, о появлении и развитии государств.

Весь круг вопросов, связанных с историей учений о действии уголовных законов в пространстве, теснейшим образом связан с проблематикой возникновения и развития государства. Это, как известно, одна из важных и актуальных проблем марксистской теории — вопроса о классовом характере государства, о роли, значении и взаимодействии базиса и такого рода надстройки, как государство.

По сей день указанные проблемы являются объектом острой идеологической борьбы. Марксистское учение о государстве является единственной научной методологической основой для изучения рассматриваемого нами вопроса. Проблемы государства рассматриваются во многих трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Учение классиков марксизма-ленинизма даёт нам основу для установления закономерностей в развитии взглядов различных ученых на пространственные пределы действия национального уголовного закона.

Отдельные вопросы указанной темы решались уже в древности: меньше в древнегреческом уголовном праве, больше — в римском. Из дошедших до нас отрывков трудов римских законодателей следует, что вопросы пространственных пределов действия римских уголовных законов регламентировались в связи с конкретными видами преступлений. В первую очередь, это были преступления, посягавшие на римское государство в целом, — изменническая война (*perduellio*) — понятие, которое охватывало весьма широкий круг деяний. В этих случаях римский закон применялся независимо от того, совершались ли преступления римлянами или другими лицами, а также независимо от

того, где совершались эти преступления, — в пределах или вне пределов римского государства.

Римские уголовные законы применялись также к лицам, совершившим уголовно наказуемые деяния против римского гражданина, независимо от личного статуса совершившего преступление и места совершения деяния, если преступление рассматривалось в открытом процессе (*judicium publicum*). Римские законы применялись, кроме того, к каждому уголовно наказуемому деянию, совершенному на территории римской империи, невзирая на личный статус совершившего это деяние или потерпевшего.

Уголовно наказуемые деяния, которые не были направлены против римского государства, не причиняли вреда и ущерба римскому гражданину и не были совершены на территории римской империи, не подпадали под действие римского уголовного закона. Для тех случаев, когда совершившие преступления лица не являлись римскими гражданами и не могли быть преследуемыми в Риме, было предусмотрено право их выдачи иностранному государству (*deditio*). Римское государство имело договоры с другими государствами, которыми устанавливалось, в каких случаях преступники подлежат выдаче и когда требование о выдаче может быть отвергнуто.

Однако об определенных принципах действия римского уголовного закона в пространстве говорить трудно, научной доктрины пространственного действия римского уголовного закона не существовало!

Для раннего средневековья Европы характерно распространение уголовных законов на определенную национальность, поэтому на территории одного и того же государства действовали разные законы: «франк судился по законам франков, аллеман — по закону аллеманов, бургунд — по закону бургундскому и римлянин — по римскому». Монтескье в своих работах показал, что каждый человек в этой смеси племен должен был судиться по обычаю и праву своего племени². Таким образом, в германском праве раннего средневековья признавалась только система личной ответственности (*Personalitätssystem*)³. Подсудность дела по месту совершения преступления составляла исключение и допускалась только в случаях задержания виновного на месте совершения им преступления. Однако постепенно стал закрепляться территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве, соответствующий сущности феодального права.

Для развития учения о пространственном действии уголовного закона и для так называемого интернационального уго-

ловного права значительный интерес представляет уголовное право позднего средневековья, в особенности итальянское уголовное право. Города Италии в средние века приобрели огромное политическое и экономическое значение. Они издавали свои статуты. Впервые уголовно-правовые коллизии возникли в Северной Италии в связи с тем, что встал вопрос о соотношении уголовного права, созданного на различных территориях и в разных городах Северной Италии. Появился целый ряд спорных вопросов: о приоритете римского права; о том, как следует поступать, если деяние, запрещенное законом одной из территорий, не запрещено римским правом, или если законы на месте совершения преступления существенным образом отличаются от законов места жительства виновного; должно ли быть лицо, постоянно не проживающее в данной местности, подчинено законам этой местности, если оно совершило здесь преступление. Эти вопросы были связаны с территориальной подсудностью уголовных дел. Так как непосредственно в законодательстве того периода данные вопросы не были решены, они определялись судебной практикой и средневековой доктриной уголовного права. Последней были сформулированы общие положения: суду данной территории подсудны дела о преступлениях, совершенных в ее пределах, начало совершения которых имело место на данной территории, даже если оно было продолжено вне ее пределов, задержание преступника имело место на данной территории. Итальянские города широко практиковали выдачу лиц, совершивших преступления в другом городе. В случае невыдачи преступника применялся закон места его жительства.

Первым представителем итальянской доктрины был Альберт Гандин (Albertus Gandinus, XIII—XIV), выдвигавший принцип применения в спорных случаях *lex delicti commissi*. Наивысшего расцвета учение о пространственном действии уголовного закона достигло в XIV в. в Италии в трудах С. Бартола (Bartolus Severus de Alphanis a Saxoferrato) — в его комментариях к дигестам, кодексу и институциям, а также в трудах его ученика П. Бальда (Baldus de Ubaldis perosinus Petrus)⁴.

Доктрина Бартола получила дальнейшее развитие в XVI в. в трудах Ю. Клара (Julius Clarus), детально разработавшего вопросы применения закона в случаях совершения дистанционного преступления, а также вопросы ответственности лиц, проживающих в других городах⁵. Этими же проблемами в Италии в XVII в. занимался П. Фаринаций (Prosper Farinacius).

Во Франции в средние века в спорах о подсудности предпочтение отдавалось судам места жительства виновного, исходя

из положения «*actor sequitur forum rei*». В XVI и XVII вв. королю были подсудны не только дела о преступлениях, совершенных во Франции, но и вне Франции, если преступник был задержан во Франции (*forum deprehensionis*). В XVII и XVIII вв. во Франции широко применялось французское уголовное право к преступлениям, совершенным вне Франции, причем большое значение при решении вопроса о подсудности придавалось месту задержания преступника⁶.

В Германии в XVI—XVIII вв. была воспринята итальянская доктрина и до середины XVIII в. обосновывалось положение о том, что преступление может быть наказано везде, где задержан преступник⁷.

Среди голландских ученых XVII в., занимавшихся проблемами действия уголовного закона в пространстве, в литературе упоминается имя П. Вута (Paulus Voet). Он был первым из авторов, признавших т. н. интернациональное уголовное право не только с позиции осуществления уголовного правосудия, но и с позиции применения материального уголовного права. Его взгляды сводятся к следующему: за преступление, совершенное внутри страны, отвечают, как граждане этой страны, так и иностранцы; за преступления, совершенные за границей, преступник отвечает по законам места задержания⁸. Особое место среди голландских ученых на рубеже XVI—XVII вв. занимал выдающийся юрист Гуго Гроций (Hugonis Grotii), прославившийся своим капитальным творением «О праве войны и мира» (*De jure belli ac pacis*), в котором он провозгласил универсальный принцип применения уголовного закона в пространстве: *aut dedere aut punire*⁹.

Учение голландской школы, обосновавшей в целом территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве, было воспринято в Англии, где нашло благодатную почву. Из Англии голландская доктрина перекочевала в США и там укоренилась.

Для голландского учения о пределах действия уголовного закона в пространстве характерна тенденция к признанию территориального принципа¹⁰, также к распространению голландского уголовного законодательства на лиц, совершивших преступления и вне пределов страны¹¹.

С конца XVIII в. начинается период утверждения капитализма в более развитых странах мира. В. И. Ленин охарактеризовал этот период следующим образом: «Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учрежде-

ний»¹². Возникновение в этот период национального государства и развитие понятия государственного суверенитета привели к утверждению исключительности территориального принципа действия уголовного закона в пространстве в конце XVIII и в начале XIX вв. Этот принцип больше всего соответствовал идеям буржуазного либерализма во Франции, Италии, Англии, Голландии, Германии и России. Территориальный принцип (принцип поземельности, *Örtlichkeitsprinzip*, *principe de la territorialité*) закрепляется в законодательстве этого периода, например, в ст.ст. 5 и 6 уголовно-процессуального кодекса Франции 1808 г. (*Code d'instruction criminelle*). Эти статьи исключали возможность ответственности иностранцев, совершивших преступления за границей, по французским законам¹³.

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве отстаивал основатель просветительно-гуманистического направления в уголовном праве, идеолог шедшей к власти буржуазии Ш. Л. Монтескье. В разработанной им программе уголовно-правовых реформ определенное место было отведено вопросам территориального предела действия уголовных законов¹⁴. Идеи территориального принципа в конце XVIII в. в Италии развивал Ч. Беккариа, один из виднейших мыслителей, приверженец учения о естественном праве и общественном договоре¹⁵. В Германии в XVIII и начале XIX вв. учение о территориальном принципе действия уголовного закона в пространстве также укреплялось под влиянием учения о естественном праве и идей немецкого просвещения.

Несмотря на особенности территориальной доктрины действия уголовного закона в пространстве в отдельных государствах, все же приверженцы сходились на том, что преступление, совершенное в пределах государства, подлежит наказанию по законам этого государства; преступление, совершенное вне пределов государства, независимо от того, кем и против кого оно совершено, не подлежит юрисдикции данного государства. Неграниченное господство уголовных законов в пределах государственных границ считалось самим собой разумеющимся. Применение этих законов не только к своим гражданам, но и к иностранцам, совершившим преступления на территории данного государства, многими приверженцами территориального принципа считалось бесспорным¹⁶. В трудах немецких ученых начала XIX в. территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве был признан единственно правильным¹⁷. Столь же бесспорным некоторым приверженцам территориального принципа представлялось нераспространение законов данного государства на преступные деяния, совершенные вне пре-

делов государства в соответствии с положением «*leges non obligant extra territorium*»¹⁸. Некоторые авторы пытались обосновать право наказывать иностранцев по закону страны, в которой ими совершено преступление, фикцией временного подданства (*subditus temporarius*); другие утверждали, что иностранцы в пределах данного государства охраняются уголовным законом наравне с его гражданами, а поэтому должны нести ответственность по уголовным законам этого государства за совершенные в его пределах преступления¹⁹.

В начале XX в. территориальный принцип обосновывался международно-правовыми соображениями. Его приверженцы исходили главным образом из принципа государственного суверенитета — незыблемого права государства подчинять своим законам всех находящихся в его пределах лиц, независимо от того, являются ли преступник или потерпевший от преступления гражданами данного государства или нет²⁰.

Обосновывая исключительность территориального принципа, его защитники встретились с практическими трудностями, главным образом в случаях, когда после совершения преступления за границей гражданин возвращался к себе на родину. Чтобы он не избежал уголовной ответственности и наказания, следовало бы, согласно территориальному принципу, выдать его тому иностранному государству, на территории которого им совершено преступление, однако большинство приверженцев территориального принципа не считало допустимой выдачу своих граждан иностранному государству. Один из наиболее категоричных защитников территориального принципа Р. Кёстлин, не желая согласиться с выдачей собственных граждан, пытался обосновать право данного государства, гражданином которого является преступник, наказывать его по своим законам «от имени правомочного на то государства». Так, в работах Р. Кёстлина впервые выявлялись зачатки принципа представительной компетенции²¹.

Против территориального принципа как единственного принципа действия уголовного закона в пространстве были выдвинуты весьма существенные возражения²². Было указано на то, что преступники, совершившие преступление в одном государстве, смогут спокойно проживать в другом, пока заинтересованное государство не потребует их выдачи, а в случае побега преступника к себе на родину, он может рассчитывать на безнаказанность. Более того, территория государства, гражданами которого являются преступники, сможет служить для них убежищем также в случае совершения ими за границей преступления против своего же государства, например, при подделке

денег этого государства²³. Д. Никольский указывал, что эта теория могла не вызывать практических затруднений только в те эпохи, когда международные отношения были чрезвычайно сгращенными. По его мнению, выдача своих граждан, с одной стороны, нарушает верховенство государства, а с другой, не может иметь места в тех случаях, когда отсутствует требование со стороны заинтересованного государства, а также в случаях совершения менее тяжких преступлений²⁴. Н. С. Таганцев указывал, что преступные деяния, учиненные в чужих странах, прямо или косвенно могут вредить интересам данной страны²⁵.

Многие авторы указывали на то, что применение территориального принципа в качестве исключительного предполагает установление этого же принципа всеми другими государствами. Предпосылкой для его применения должна быть уверенность в том, что посягательства на интересы данного государства, совершенные на чужой территории, будут отражены уголовным законодательством места совершения этого посягательства²⁶.

Отмечалось, что с позиции исключительно территориального принципа нельзя решить вопрос об ответственности лица за совершенное им преступление на территории, не принадлежащей ни одному государству, например, в открытом море, а также в случае военной оккупации и др. Против исключительности территориального принципа возражали даже наиболее видные его приверженцы, например, А. Фейербах²⁷.

Однако, несмотря на критические замечания в адрес исключительного характера территориального принципа, все ученые XIX и XX вв. всячески защищали этот принцип; он признавался основополагающим принципом²⁸. Его положения все более закреплялись законодательно. Многие ученые возражали только против исключительности территориального принципа. Наряду с ним выдвигались и другие принципы в качестве основных или субсидиарных, которые также закреплялись в законодательстве государств Западной Европы и в России.

Лишь в Англии, США и странах, принявших английское «common law», продолжали обосновывать положения главным образом только территориального принципа. Однако и английское законодательство по отдельным группам преступлений отклонилось от одностороннего применения территориального принципа. Так было в отношении измены (тризны), двоеженства и убийства. Совершение этих преступлений англичанами вне Англии влекло наказуемость в Англии. Совершенными в Англии считались также преступления, которые были совершены британскими подданными на британском корабле, а в некоторых

случаях даже на иностранном корабле²⁹. Исключительно территориальный принцип в XIX и начале XX вв. защищался в США: преступление считалось локализованным и наказуемым только там, где оно было совершено; ни одно другое государство не имело права наказывать за эти преступления. Однако даже в США были предусмотрены исключения. Они относились к преступлениям, совершенным на борту корабля, плавающего под флагом США, к некоторым преступлениям, совершенным гражданами США за пределами государства, к преступлениям, совершенным иностранцами, находящимися на службе США за границей, против интересов США, к преступлениям, совершенным за границей, где граждане США пользуются правом экстерриториальности, к преступлениям, совершенным за пределами США, результаты которых наступают или должны были наступить в США³⁰.

В настоящее время все буржуазные государства закрепили территориальный принцип в своем законодательстве как один из основных принципов действия уголовного закона в пространстве³¹.

В XIX в. почти одновременно с территориальным принципом в науке уголовного права стал отстаиваться новый принцип, названный национальным, или активным персональным, принципом действия уголовного закона в пространстве (*Heimatsprinzip oder aktives Personalitätsprinzip, Subditions- und Subjectionis- oder strafrechtliches Nationalitätsprinzip, principe de personnalité active, principio della personalità*). Под персональным принципом действия уголовного закона в пространстве понималось положение, согласно которому гражданин определенной страны за совершенное им преступление должен во всех случаях нести ответственность по законам этой страны, т. е. утверждалась не ограниченная территориально обязанность соблюдать законы страны, гражданином которой является данное лицо. За совершенные за границей деяния, признаваемые уголовно-наказуемым по законам страны, гражданином которой является виновный, он во всех случаях подлежит ответственности у себя на родине (*quilibet est subditus legibus patriae suae et extra territorium*)³².

Наиболее видными защитниками национального, или активного персонального, принципа действия уголовного закона в пространстве были в Германии А. Бернер³³ и Л. Бар³⁴, а во Франции Ф. Эли, хотя и до них высказывались некоторые положения этого принципа³⁵.

Основной довод А. Бернера сводился к тому, что каждый подданный государства, где бы он не находился, обязан подчи-

няться законам своего государства, т. е. уголовный закон государства обязывает каждого гражданина лично, а не только территориально. Таким образом, основанием для применения национального уголовного закона считалась принадлежность совершившего преступление лица к числу подданных данного государства, иными словами, подданство лица порождало право осуществлять правосудие на основании своих законов. Второй довод А. Бернера сводился к тому, что преступление является действием, нарушающим достоинство и честь гражданина. Лицо, нарушившее гражданскую честь, должно отвечать за это по законам своего отечества, которое определяет все условия его гражданского состояния. А. Бернер подчеркивал также, что лицо с отъездом за границу вовсе не теряет фактической связи со своей родиной, ибо оно в действительности пользуется покровительством и защитой дипломатических представителей своей страны, а это право на защиту предполагает и обязанность подчиняться требованиям государства и вне его пределов. Таким образом, сущность теории А. Бернера сводилась к тому, что, находясь в пределах своего государства и за его пределами, лицо обязано руководствоваться правовыми воззрениями своей страны, соблюдать ее законы и нести ответственность в своей стране за их нарушения³⁶.

Примерно так же обосновывал национальную теорию действия уголовного закона в пространстве и французский юрист Ф. Эли. Соблюдение гражданами отечественных законов он считал предпосылкой права граждан на защиту и покровительство со стороны своего государства³⁷.

Эти и подобные обоснования национального принципа действия уголовного закона в пространстве являлись отражением буржуазных учений о государстве и праве, апологией капиталистических отношений и буржуазного государства.

Согласно учению Л. Бара, каждое преступление является проявлением преступной воли. Государство, на территории которого преступная воля возникла и укреплялась, где были созданы предпосылки для совершения преступления, до тех пор, пока имеется нравственная связь между этой личностью и государством, имеет право применить свои законы к лицу, совершившему преступление вне его пределов, независимо от того, против интересов своей родины или интересов иностранного государства это преступление было направлено. Таким образом, Л. Бар исходил из того, что злая воля преступника возникла и развивалась в пределах отечества преступника, поэтому оно и имеет право на применение наказания³⁸. Это утверждение вызвало серьезные нарекания и критические замеча-

ния уже в конце XIX и начале XX вв. Теория Бара была полностью лишена научного обоснования.

Против национального принципа в целом высказывались различные соображения, указывалось, что последовательное его проведение в качестве исключительного вовсе не дает возможности обосновать наказание иностранцев за преступления, совершенные ими на территории данного государства, или же заставляет прибегнуть к фикции — приравнять иностранцев к подданным данного государства, признать их *subditi temporarii*. К недостаткам этого принципа относили возможность коллизии между нормами страны пребывания виновного и страны, гражданином которой он является, ибо и те и другие нормы для него одинаково обязательны³⁹. Был сделан упрек и в том, что с позиций этого принципа не может быть решен вопрос об ответственности за совершение преступлений лицами без подданства. Указывалось также на отсутствие связи между положением о том, что государство охраняет своего гражданина и за границей, и установлением уголовной ответственности по законам своего государства, ибо лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, также охраняются государством, где они аккредитованы, однако уголовным законам этого государства они не подчиняются. Поэтому утверждалось, что за совершение преступления гражданином данной страны за границей более последовательно было бы лишить гражданства, чем применять к нему своей национальной уголовный закон⁴⁰.

Н. С. Таганцев критиковал принцип личной подчиненности за то, что последовательное его проведение приводит, с одной стороны, к наказанию всех малозначительных деяний, совершенных гражданином данного государства за границей, а с другой, обеспечивает безнаказанность иностранца, совершившего тяжкое преступление за границей и бежавшего в третью страну, даже иностранца, совершившего преступление против этой третьей страны⁴¹.

Чтобы заполнить эти очевидные пробелы, защитники национального принципа, особенно А. Бернер, выдвинули дополнительные положения о том, что у государства, на интересы которого посягает преступник, возникает естественное право или право обороны или самозащиты⁴².

Такое обоснование расширения пределов применения национального уголовного закона вызвало неодобрение большинства ученых начала XX в.⁴³

В первой четверти XX в. национальный или активный персональный принцип как исключительный или основной принцип отвергался большинством буржуазных ученых. Чаще всего ему

отводилось место субсидиарного принципа, дополнительного к территориальному, особенно в связи с тем, что позитивным законодательством и господствующей доктриной буржуазных государств признавалось и обосновывалось положение о невыдаче иностранным государствам своих граждан, совершивших преступления в этих странах, а также в связи с необходимостью обеспечить охрану государственных интересов.

Национальный принцип, наряду с территориальным, законодательно закрепляется в немецком партикулярном законодательстве и во французском уголовно-процессуальном законодательстве, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве других европейских государств и в России⁴⁴.

В середине XX в. буржуазной наукой уголовного права национальный принцип поддерживался в большей или меньшей степени.

Маразм идеологии германского фашизма выразился также в гипертрофированном развитии национального принципа действия уголовного закона в пространстве. Специальным законом от 6 мая 1940 г. были внесены изменения в УК Германии 1871 г. (ч. 2 §3). Национальный принцип был выдвинут на первое место — германское право (не только законодательство, но и прецедентное право, соответствующее «здоровому духу» немецкой нации) применялось к каждому преступному деянию, совершенному немцем, независимо от того, где это деяние совершено — в пределах или вне пределов страны. Верноподданные «ученые» фашистской Германии, оправдывавшие массовый террор и душегубки, оправдывали и это положение фашистского законодательства. Даже в пятидесятых годах делались попытки оправдать его «изоляцией национал-социалистического государства в международном уголовном праве» и необходимостью в «самозащите», потому что остальные государства, на территории которых совершались эти «противоречащие духу германской нации» деяния, не признавали их уголовно наказуемыми⁴⁵.

В настоящее время национальный, или персональный, принцип действия уголовного закона в пространстве закреплен в уголовном законодательстве почти всех буржуазных государств как один из основных принципов, или как принцип субсидиарный⁴⁶.

В конце XIX и в XX вв. получил широкое распространение реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Его называют также принципом защиты (Schutzprinzip, Realprinzip, Realschutzprinzip, Staatsschutzprinzip, prinzipte de réa-lité, prinzipte de défense). Этот принцип в немецкой литературе

назван принципом участвующего правопорядка — Prinzip der beteiligten Rechtsordnung⁴⁷, в австрийской — принципом пассивным национальным⁴⁸. Русскими криминалистами конца XIX в. этот принцип назывался «принципом общественного самосохранения»⁴⁹.

Суть принципа заключается в том, что за государством признавалось право при помощи национального законодательства защищать свои интересы от посягательства на них, независимо от того, кто и где совершает это посягательство — внутри страны или вне ее пределов⁵⁰. Эта теория выдвинула на передний план значимость объекта уголовно-правовой охраны, интересы защиты установленного государством правопорядка от посягательств изнутри страны и извне. Ее защитники полагали, что она дает возможность преодолеть несовершенство территориального и национального принципов. Реальный принцип имел большое количество почитателей в различных странах. Во Франции его защищал А. Вильфор⁵¹; в Италии — Э. Пессина⁵² и П. Фиоре⁵³; в Германии — Р. Гейнце, В. Роланд, К. Биндинг, Э. Белинг, Г. Зейфферт и др.⁵⁴; в России — Ф. Мартенс, П. П. Пусторослев и др.⁵⁵ По мнению представителей этой теории, она обеспечивает, с одной стороны, охрану интересов государства, если имело место посягательство на них из-за границы, в том числе и совершенное иностранцем; а с другой — охрану интересов данного государства вне его пределов, т. е. реальная теория обеспечивает как защиту объектов, находящихся в пределах государства, так и защиту объектов, принадлежащих данному государству или его подданным и защищаемых его уголовными законами, где бы эти объекты ни находились.

Многие ученые XIX в. обосновывали реальный принцип политических интересами государства. Так, Ф. Шварце считал, что наказание иностранцев по закону данного государства за преступления, совершенные за границей, может иметь место только в том случае, если преступление посягает на данное государство, т. е. если совершается политическое преступление. Это и есть то исключение, которое, по его мнению, признают и должны признавать даже самые строгие защитники территориального принципа. Он не согласен с теми авторами, которые относят право наказывать иностранцев за совершенные ими преступления против интересов данного государства к праву на самооборону. Только политический интерес данного государства дает возможность обосновать применение наказания в данном случае. Однако, по мнению Ф. Шварце, политический интерес вполне оправдывает применение государством своего уголовного закона, потому что каждое государство может претендо-

вать на признание своих политических интересов, своей неприкосновенности, посягательство на которую может быть приравнено к нарушению права на мирное существование. Там, где иностранная держава должным образом не наказывает за это деяние, данная страна сама должна иметь право наказывать⁵⁶.

Эта теория была воплощением социально-экономического и политического развития буржуазных государств эпохи империализма, примером наиболее рьяной и откровенной защиты незыблемости экономического и политического строя буржуазных государств.

Через несколько десятилетий аналогичным образом обосновывал необходимость реального принципа Р. Гиппель⁵⁷. Его защищали также А. Геглер и Ф. Мейли как основополагающий принцип законодательства в будущем⁵⁸.

Против установления реального принципа в качестве единственного было высказано немало соображений. Указывалось, во-первых, что реальная теория, как и национальная, создает коллизию между уголовным законом места совершения преступления и уголовным законом той страны, интересы которой пострадали от посягательства; во-вторых, основное положение этой доктрины — всякое посягательство на охраненный нормами определенного государства интерес наказуемо по законам этого государства — более неопределенно, чем положения национального принципа; в-третьих, реальная теория не дает основания для наказуемости своих граждан, если ими совершены преступления за границей против иностранного государства⁵⁹. Последнее из указанных соображений высказывалось многими авторами. Приверженцы реального принципа рекомендовали в этом случае воспользоваться положениями национального принципа об ответственности граждан данного государства по его законам за все преступления, в том числе и совершенные за границей против интересов иностранного государства и граждан⁶⁰.

Некоторые авторы отрицали самостоятельность реального принципа, так как его реализация невозможна без использования других принципов⁶¹.

Против реальной теории в начале XX в. выступил И. Колер, аргументируя ее непригодность с позиций как уголовного права, так и международного права, а также соображениями практической невозможности ее осуществить⁶².

Однако критические замечания буржуазных авторов в адрес защитников реального принципа не вскрывали и не могли, конечно, вскрыть ее классовую сущность и служебную роль. Они ограничились указаниями на отдельные ее дефекты в

плане сугубо правовом и практическом. Реальный принцип, или принцип защиты, отстаивали и продолжают отстаивать, наряду с другими принципами, многие ученые капиталистических государств⁶³. Отстаивается этот принцип и учеными в области международного права⁶⁴.

Институт международного права в 1883 г. принял резолюцию, в ст. 8 которой подтвердил право государства карать деяния, совершенные иностранцами за пределами его территории и нарушающие его уголовные законы, если деяния эти содержат посягательство на его существование или ставят под угрозу его безопасность и если они не предусмотрены уголовным законодательством той территории, где они имели место. В 1926 г. этот вопрос стоял на повестке дня кодификационного комитета Лиги наций, однако комитет пришел к выводу, что хотя урегулирование этих вопросов в общем порядке желательно, оно встретит бы серьезные политические и иные препятствия ввиду значительных различий в практике государств⁶⁵.

Л. Оппенгейм полагает, что было бы неразумным отрицать за иностранным государством право карать за измену (тризну), совершенную иностранцем за границей. Он приходит к выводу, что очень мало авторов безусловно отрицают право государства карать иностранца за преступление, совершенное за границей⁶⁶.

В настоящее время реальный принцип закреплен в законодательстве многих государств⁶⁷.

От реального принципа, или принципа защиты государственных интересов, в конце XIX—начале XX вв. отпочковался в качестве самостоятельного пассивный персональный принцип, или принцип защиты индивидуальных интересов (passives Personalprinzip oder Individualschutzprinzip; principe protecteur personnel ou principe personnalité passive). Под пассивным персональным принципом понимается применение уголовного закона данного государства к иностранцам, совершившим преступления за пределами этого государства, но посягающим на интересы его граждан. Не все ученые выделяют этот принцип в качестве самостоятельного; некоторые объединяют его с реальным принципом понимая под последним защиту не только интересов данного государства, но и защиту интересов своих граждан. Отдельные авторы единый принцип защиты делят на два подвида: на принцип защиты государства (Real- oder Staatsschutzprinzip) и на принцип индивидуальной защиты (Individualschutzprinzip)⁶⁸.

Этот принцип в конце XIX в. не встретил всеобщего одобрения, и значительная часть зарубежных ученых категорически возражала против него даже после закрепления его в действующем

щем уголовном законодательстве, полагая, что он направлен на непомерное расширение пределов действия национального уголовного закона.

Один из защитников пассивного персонального принципа, Эли утверждал, что поданные каждого государства должны пользоваться правом на всякую защиту и покровительство со стороны своего государства во время пребывания их за границей, в том числе и на уголовно-правовую защиту⁶⁹. В тридцатых годах XX в. эту же точку зрения обосновал Р. Гиппель; он сетовал на то, что в германском уголовном законодательстве того периода пассивный персональный принцип не был закреплен⁷⁰. Однако еще в начале XIX в. против самой идеи индивидуальной защиты в Австрии выступил С. Йенулл, который полагал, что каждое государство охраняет не только своих, но и чужих граждан. Он приравнивал иностранцев во время их пребывания в этом государстве к своим подданным (*Schutzgenossen, zeitliche Unterthanen*)⁷¹. В конце XIX в. категорически против этого принципа высказался Ф. Шварце. Он полагал, что для данного принципа нет никакого юридического основания. За преступления, совершенные за границей и направленные против подданных чужого государства, должно карать государство места совершения преступления, поэтому защита со стороны того государства, подданным которого являются потерпевшие, по его мнению, более смахивает на месть, чем на справедливость. Если иностранное государство не наказывает своих граждан за посягательство на интересы чужих ему граждан, то государство, подданными которого являются эти граждане, должно иными путями заботиться о защите этих граждан, например, порвав дружеские отношения, соответственно предупредить своих граждан и др. Однако нет никакого правового основания, по мнению Ф. Шварце, поставить иностранца перед судом данного государства только потому, что органы власти его собственного государства, которые обязаны были привлечь его к ответственности, этого не сделали; наоборот, предоставление такого правомочия следует рассматривать как посягательство на чужой суверенитет⁷².

В настоящее время пассивный персональный принцип закреплен в уголовном законодательстве ряда буржуазных государств⁷³.

Особый интерес с позиции пассивного персонального принципа представляет дело Каттинга (*Cutting*), широко комментированное в литературе по международному праву⁷⁴.

В конце XIX и в начале XX вв. в науке уголовного права стал обосновываться универсальный принцип, или принцип все-

мирного права. (*Universalitätsprinzip, Weltrechtsprinzip, System der Weltrechtspflege, Système de l'universalité, Système de l'ubiquité du droit pénal, compétence universelle, principe universel, principio della universalità*). Основные положения этого принципа были высказаны еще в знаменитом труде Г. Гроция «О праве войны и мира»⁷⁵. Наиболее четко универсальный принцип был сформулирован в XIX в. в трудах А. Бульмеринга⁷⁶ и Р. Моля⁷⁷. Универсальная теория уже в XIX в. имела много приверженцев: в Германии и Австрии ее защищали, кроме Р. Моля и А. Бульмеринга, Р. Шмид, Ф. Шварце, П. Гельшнер, Г. Ламмаш, Э. Уллманн, Ф. Мартиц, С. Йенулл и др.⁷⁸; во Франции — Ж. Ортолан⁷⁹; в Италии — Ф. Каррара, К. Бруса⁸⁰; в России универсальный принцип защищал Н. Д. Сергеевский⁸¹ и в какой-то мере Н. С. Таганцев; последний противопоставлял этот принцип всем прочим, которые называл «эгоистическими» теориями⁸². Наиболее подробный анализ универсального принципа дается во французской литературе⁸³.

Сущность универсального принципа состоит в том, что каждое государство имеет право наказывать любое лицо, совершившее преступление, невзирая на место совершения преступления и гражданство преступника, т. е. любое государство может осуществить свою юрисдикцию над любым находящимся в его пределах преступником, независимо от того, где и против кого он совершил преступление. Исходным положением сторонников этой теории является признание того, что правопорядок — это достоинство всех государств, что лицо, посягнувшее на интересы одного из государств, в силу существующей солидарности интересов всех государств и общности их духовных и материальных интересов своим деянием породило право государств на солидарную защиту правопорядка, ибо все государства, как члены международного союза, в одинаковой мере заинтересованы в том, чтобы правопорядок поддерживался не только у них, но и в других государствах.

Наиболее категоричные защитники универсального принципа полагали, что каждому государству должно быть предоставлено право наказывать за любое преступление, независимо от того, какого характера это преступление, кто и где его совершил. Однако большинство сторонников универсального принципа пыталось ограничить его осуществление⁸⁴.

Два видных русских ученых в области международного права Ф. Мартенс и Д. Никольский отметили, что эта теория имела «решительное преимущество перед всеми другими «повышенности своей основной мысли»⁸⁵; она «стоит на возвышенной точке зрения — универсального господства порядка и

права»⁸⁶. Некоторые из сторонников универсального принципа формулировали его положения, исходя из идеи «абсолютной справедливости», усматривая в преступлении нарушение «абсолютной правды», которую обязаны охранять все государства. Само государство признавалось «орудием осуществления абсолютной справедливости»⁸⁷.

Вполне понятно, что такое обоснование универсальной теории действия уголовного закона в пространстве не имеет ничего общего с наукой и меньше всего соответствует действительной служебной роли государства в конце XIX и начале XX вв. в эпоху кризиса капиталистической системы. На самом деле эта теория была нужна буржуазным государствам вовсе не для утверждения идеи «абсолютной справедливости», а для объединения своих усилий в подавлении организованного движения рабочего класса и деятельности его революционных партий. Растущее самосознание и сплочение рабочих масс во всем мире было тем «монстром», на которого стремились обрушить весь арсенал государственного принуждения и репрессий буржуазные теоретики уголовного права. Буржуазное государство — машина классового подавления, названная буржуазными идеологами орудием осуществления «абсолютной справедливости» и должно было в соответствии с завуалированной программой сторонников универсального принципа выполнить отведенную ему роль — карать на основании своих законов любое оказавшееся в его территориальных пределах лицо за любое преступление, где бы оно ни было совершено.

Поэтому универсальный принцип подвергался справедливой критике со стороны советских ученых. Они вскрыли классовую сущность этой теории и показали, что в действительности означает понятие «единого общего правопорядка», о котором так пекутся буржуазные юристы, о каком «единстве культурных государств и народов» идет речь⁸⁸.

В советской уголовно-правовой литературе справедливо указывалось и на использование в реакционных целях универсального принципа представителями движения по унификации уголовного законодательства в конце XIX и начале XX вв. Теорией буржуазного уголовного права, отражающей тенденцию к унификации, проповедовался «унитаризм» — призыв к теоретическому перемирию, необходимому для лучшей организации уголовной самообороны буржуазного государства, апеллировалось к «интернационализму». Один из выдающихся советских ученых, посвятивший свои труды критике реакционных идей буржуазного уголовного права, А. Н. Трайнин в тридцатых годах вскрыл конкретные источники общего стремления империалистических

стран к унификации уголовного законодательства, показал, что ни одна из конференций по унификации уголовного законодательства в действительности совершенно не занималась вопросами общеуголовной преступности, что и так называемые «общечеловеческие преступления» (*delicta juris gentium*) — пиратство, подделка денег, государственных ценных бумаг и банковых билетов, торговля рабами, торговля женщинами и детьми, торговля наркотиками и порнографическими произведениями, также не были теми деяниями, для борьбы против которых действовала вся унификационная машина, хотя на конференциях по унификации уголовного законодательства и в монографических исследованиях корифеев унификационного движения этим преступлениям уделялось непомерно большое внимание.

Коммунизм — вот враг, против которого было направлено острое унификационной деятельности. Массовые политические выступления были основной проблемой, стоящей в центре унификационного движения. Песнягательства на господствующий социальный строй объявляются актами, обосновывающими интернациональное уголовно-правовое вмешательство⁸⁹.

Поскольку в определенные исторические периоды в универсальном принципе воплощались враждебные трудящимся космополитические идеи, направленные против государственного суверенитета и независимости народов, выражались идеалы международной реакции, стремление объединить и еще больше унифицировать всю систему буржуазного уголовного законодательства и еще больше усилить его роль как орудия подавления сопротивления трудящихся масс, постольку советские ученые отвергали универсальный принцип как неприемлемый и давали научно-обоснованный отпор его идеологам⁹⁰. Однако при оценке применения этих учений в конкретной исторической обстановке следует соблюдать марксистский подход. «Метод Маркса состоит прежде всего в том, — писал В. И. Ленин, — чтобы учесть объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке...»⁹¹

Победа советского государства в Великой Отечественной войне изменила соотношение сил на мировой арене. В период все возрастающего влияния социалистической системы, несмотря на всевозможные происки империалистической реакции, все большее значение приобретают новые мирные и демократические принципы международного права, а также демократи-

ческие принципы уголовного права в отношениях между государствами, в том числе в отношении пространственных пределов действия национальных уголовных законов⁹². Наряду с этими, многие ранее существовавшие принципы наполняются новым содержанием, служат иным целям и потому заслуживают иной оценки. Так же по-иному следует оценивать в нынешних исторических условиях т. н. универсальный принцип.

Сторонники универсального принципа действия уголовного закона в пространстве давно уже отказались от идеи создания всемирного уголовного кодекса как невыполнимой.

Следует отметить, что многие буржуазные ученые конца XIX и начала XX вв. отвергали универсальный принцип в его «универсальном» понимании, однако из других соображений, — главным образом сугубо правовых. Против него высказалась значительная часть немецких, австрийских и французских ученых⁹³. На недостатки универсального принципа указал русский профессор С. В. Познышев⁹⁴, а Ф. Мартенс — на его неосуществимость⁹⁵. Таким образом, большинство буржуазных авторов рассматривало универсальный принцип как вспомогательный, для осуществления которого должно быть достигнуто международное общение. Чем больше будет развита общность правовых воззрений у народов, тем более обеспечено будет преследование опасных для всего международного союза преступлений.

Даже наиболее рьяные сторонники универсальной теории, такие, как Р. Моль, Ф. Каррара и др., называют ее «теорией будущего», пригодной для того времени, когда все государства достигнут полного развития, когда существенные противоречия и особенности будут сглажены и все народы будут жить приблизительно одинаковой жизнью, тогда общность и солидарность интересов получит свое осуществление.

В настоящее время уголовное законодательство западноевропейских государств, как и государств других континентов, а также большинство ученых-капиталистических стран признают универсальный принцип в весьма ограниченном объеме, в пределах заключенных международных конвенций о борьбе с отдельными видами преступлений, затрагивающих общие интересы всех государств⁹⁶.

На VII конгрессе Академии сравнительного правоведения в 1966 г. в Упсале универсальный принцип выдвигался в качестве дополнительного. Отмечалось, что охрана общих для всех государств интересов требует согласованности действий в борьбе с теми преступлениями, в отношении которых заключены международные соглашения. В рамках этих соглашений и

должно применяться национальное законодательство любого государства, независимо от того, где и кем совершено преступление.

Следует отметить, что в позитивном праве зарубежных государств универсальный принцип в настоящее время используется только в отношении т. н. «врагов человечества», к которым с давних времен принято относить пиратов, лиц, торгующих рабами и женщинами, лиц, посягающих на средства международного общения, а также подделывающих денежные знаки.

В последние годы заключен целый ряд новых конвенций по борьбе с преступлениями, посягающими на международный правопорядок, однако редкие из них утвердили универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве.

В первой половине XX в. буржуазной наукой уголовного права начал выдвигаться принцип представительной, заменяющей, или репрезентативной, компетенции (*principe de la compétence par représentation*, *Grundsatz stellvertretender Strafrechtspflege*, *stellvertretendes Strafrecht*) в качестве самостоятельного принципа действия уголовного закона в пространстве.

Под принципом представительной компетенции понимается применение национального уголовного закона к находящимся на территории этого государства иностранцам, совершившим за границей преступления, не посягающие на интересы данного государства или его граждан и не рассматриваемые международными соглашениями в качестве посягательств на международный правопорядок.

Такое расширение пространственных пределов действия национального уголовного закона не укладывалось в рамки уже известных принципов действия уголовного закона в пространстве. Оно не может быть обосновано интересами данного государства, потому что преступление не совершается в пределах его территории, не совершается его гражданами, не направлено против интересов этого государства и его граждан.

Как самостоятельный принцип представительной компетенции впервые был сформулирован И. Колером в 1917 г.⁹⁷. Этот принцип был закреплен в действующем уголовном законодательстве многих государств и был признан многими авторами (хотя и не всеми), имеющим право на самостоятельное существование. Э. Гафтер считал, что принцип представительной компетенции является результатом несостоявшейся выдачи преступника. Применяется уголовный закон страны, в которой находится преступник, однако это государство не осуществляет свою собственную карательную власть; оно берет на себя обя-

занимость преследовать преступника в интересах другого государства⁹⁸.

На этих же позициях стоял целый ряд ученых первых десятилетий XX в., например, Ф. Мейли⁹⁹ и К. Штосс¹⁰⁰. Этот принцип поддерживается многими учеными Западной Европы и во второй половине XX в.¹⁰¹ Так, Г. Майер утверждает, что принцип представительной компетенции предполагает применение национального уголовного закона к так называемым новым гражданам, т. е. лицам, ставшим гражданами данного государства уже после совершения ими преступления за границей, а также к лицам, которые в соответствии с законами данного государства и заключенными соглашениями подлежат выдаче, но не выдаются в силу различных условий и обстоятельств. Он считал, что в интересах цивилизации следует применять уголовные законы страны, в которой преступник задержан, и на их основании осуществлять уголовную юрисдикцию, не давая возможности преступникам оставаться безнаказанными. При этом обязательным условием осуждения в данной стране Г. Майер признавал наказуемость такого деяния также по законам места его свершения¹⁰².

Однако, в начале XX в. высказывались и серьезные возражения против утверждения принципа представительной компетенции, точнее, не столько против положений этого принципа и вытекающих из него практических выводов, сколько против его теоретического обоснования.

Указывалось, что положения гражданского права о представительстве вряд ли можно применить к международному праву, субъектами которого являются государства. Представительство предполагает наличие поручения или полномочия со стороны представительного лица, а такое поручение может быть выражено в договоре. Кроме того, представитель может иметь лишь столько прав, сколько их имеет представляемое лицо, т. е. государство-представитель должно будет применять законы представляемого, что, по мнению Д. Никольского, недопустимо. Поэтому он приходит к выводу о несостоятельности теории представительной компетенции¹⁰³.

Н. С. Таганцев также считал невозможным найти такое юридическое положение, которое обосновало бы право верховной власти одного государства быть представителем другого государства в отправлении правосудия. Еще менее обоснованным в этом случае, по мнению Н. С. Таганцева, является отказ от применения иностранных уголовных законов, материальных и процессуальных¹⁰⁴.

В настоящее время многие буржуазные ученые признают

принцип представительной компетенции пригодным для современных условий, но только в качестве дополнительного принципа¹⁰⁵.

Более всего принцип представительной компетенции приближается к универсальному, так как наказание применяется к преступнику на основании национальных уголовных законов государства только потому, что преступник оказался на территории данного государства. Принцип представительной компетенции возник только в силу того, что на данном этапе развития государств невозможно признать универсальный принцип в полном объеме, т. е. нельзя применять свои уголовные законы ко всем преступлениям, совершенным за границей, если это не обусловлено международными соглашениями, хотя бы двухсторонними. Принцип представительной компетенции закреплен в уголовном законодательстве многих современных буржуазных государств и предполагает применение национального уголовного закона в тех случаях, когда совершенное иностранцем за границей преступление по своему характеру должно повлечь его выдачу, но последняя не может быть осуществлена по той причине, что совершившее преступление лицо приобрело гражданство этого государства и в связи с этим не может быть выдано, или по той причине, что имелась иные фактические или правовые основания для невыдачи этого лица. В этих случаях государство, не выдавшее преступника, распространяет компетенцию своего уголовного закона и на совершенные иностранцами за границей преступления, направленные против интересов иностранных государств или их граждан. Применяя свой уголовный закон по праву представительной компетенции, государство в этих случаях ставит применение наказания в зависимость от того, наказуемо ли деяние на месте его совершения, и в большинстве случаев требует при назначении наказания учитывать более благоприятный иностранный закон¹⁰⁶.

В XIX и в начале XX вв. был известен также покровительственный принцип, называемый режимом капитуляции. Он возник в период колониальных войн и создания полуколониального режима в ряде стран. Колонизаторы вводили в поработанных странах свое законодательство, создавали специальное законодательство — только для местного населения, навязывали полуколониальным странам режим капитуляций.

Согласно покровительственному принципу действия уголовного закона в пространстве граждане империалистических государств за совершенные ими преступления в колониях или в странах с полуколониальным режимом отвечали не по законам

места совершения преступления, а по законам своего государства. Действие территориальных законов на них не распространялось. В зависимых странах колониальными державами создавались консульские суды. Так, французская система консульских судов была установлена на основании Закона от 28 мая 1836 г. Консульским судам были подсудны дела о преступлениях, совершенных французами на территории полуколонизированных стран. Аналогичной была система консульских судов в Англии и других государствах¹⁰⁷.

Режим капитуляции начал отменяться с конца XIX в. В первой четверти XX в. он был отменен в большинстве зависимых стран.

В России действие уголовных законов на основании покровительственного принципа было отменено Великой Октябрьской Социалистической революцией. Советская власть с первых же дней своего существования провозгласила суверенность и равноправие всех государств в своих взаимоотношениях со всеми государствами — большими и малыми, находящимися на более высокой или более низкой ступенях развития, исходя из принципов ленинской национальной политики.

С распадом колониальной системы и завоеванием свободы и независимости государствами Азии и Африки отпадает и действие уголовных законов империалистических государств в соответствии с покровительственным принципом.

* * *

Подводя итог историческому обзору учений о действии уголовных законов в пространстве, следует отметить, что проблемами пространственного предела действия национального уголовного закона занимались ученые разных стран в течение столетий. Ими разрабатывались, утверждались, низвергались и вновь утверждались определенные положения, которые рекомендовались национальному и иностранному законодателю для использования при законодательном определении права применения уголовного закона в пространстве. В определенные исторические периоды отстаивался какой-то один из принципов, прочие отвергались как несостоятельные. Затем было признано невозможным решить всю проблему действия уголовного закона в пространстве с позиций только одного принципа, поэтому встал вопрос о том, какие принципы в их совокупности должны быть восприняты каждым из национальных законодательств, чтобы обеспечить охрану интересов господствующего

класса и установленного им правопорядка от посягательств внутри страны и извне. Однако эволюция принципов действия уголовных законов в пространстве не имеет независимого, самодовлеющего характера. Она отражает соответствующие условия социально-экономического и политического развития государств, их задачи на определенном этапе развития. В настоящее время нет ни одной страны, в законодательстве которой был бы утвержден только один из рассмотренных принципов. В большей или меньшей мере в законодательстве всех государств нашли отражение несколько принципов, причем соотношение этих принципов и удельный вес каждого из них в уголовном законодательстве современных капиталистических государств различны. Поэтому анализ в этом плане национального уголовного законодательства современных государств представляет большой интерес.

1. Принципы действия уголовных законов Союза ССР и союзных республик в пространстве в истории советского уголовного законодательства

Впервые вопрос о пределах действия советского уголовного закона в пространстве был законодательно решен в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, изданных 12 декабря 1919 г.¹ Восьмой раздел Руководящих начал был назван «О пространстве действия уголовного права» и состоял всего из одной статьи, в которой было сказано, что 1) уголовное право РСФСР действует на всем пространстве Республики в отношении как ее граждан, так и иностранцев, совершивших преступление на ее территории; 2) уголовное право действует в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступление на территории иного государства, по уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР.

Таким образом, Руководящие начала, во-первых, законодательно закрепили территориальный принцип действия уголовного закона РСФСР; во-вторых, решили вопрос об ответственности любого лица, совершившего преступление за границей.

Этот последний вопрос решен одинаково для граждан РСФСР и иностранцев: те и другие отвечают по уголовным законам РСФСР, независимо от характера совершенного ими за границей преступления и от того, совершено это преступление в капиталистическом государстве или в государстве трудящихся, если лица, совершившие преступления, находятся в пределах РСФСР и если они уклонились от суда и наказания в месте совершения преступления. Речь идет, без всякого сомнения, только о деяниях, признаваемых преступными в РСФСР.

Положение Руководящих начал об ответственности иностранцев, находящихся в РСФСР, за совершенные ими за границей деяния расцениваются в советской уголовно-правовой литературе как проявление универсального принципа². Мы же полагаем, что это скорее осуществление принципа представительной, или заменяющей, компетенции. Положение Руководящих начал об ответственности за преступления, совершенные за границей, с одной стороны, слишком расширяло пределы действия советского уголовного законодательства, ибо распространяло его действие даже на деяния иностранцев за границей, не посягающие на интересы РСФСР и его граждан; с другой стороны, оно непомерно сужало пределы действия советского уголовного закона, ибо не предусматривало применения уголовного закона РСФСР к гражданам республики, совершившим преступления за границей, в том числе преступления против РСФСР и его

Глава II

ПРИНЦИПЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ПРОСТРАНСТВЕ

Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик включает основные правила действия советского уголовного закона в пространстве, которые в науке советского уголовного права называются принципами. Наука советского уголовного права изучает требования, вытекающие из этих принципов, и практику применения судебно-следственными органами советских уголовных законов в соответствии с этими требованиями, способствуя таким образом укреплению законности и борьбе с преступностью. Однако задачи науки советского уголовного права в данном вопросе этим не исчерпываются. Она стремится выявить систему принципов действия советского уголовного закона в пространстве, определить в ней место каждого принципа, установить взаимосвязь между ними, показать их значение и разработать рекомендации по их осуществлению.

Наука советского уголовного права, исходя из задач, стоящих перед советским уголовным правом в период развитого социалистического общества, на основании изучения истории и действующего советского уголовного законодательства и практики его применения, а также изучения законодательства братских социалистических государств, разрабатывает предложения по дальнейшему совершенствованию принципов действия уголовного закона в пространстве и практике его применения. Поэтому особый интерес для советской науки уголовного права представляет анализ самостоятельного развития принципов действия уголовного закона в пространстве в уголовном законодательстве Союза ССР и зарубежных социалистических государств, в особенности уголовных кодексов социалистических государств, принятых за последние годы.

граждан, если только они в месте совершения преступления не уклонились от следствия и суда, например, вообще не привлекались к ответственности, потому что содеянное не являлось уголовно наказуемым в месте его совершения.

Выдвинутое Руководящими началами условие применения уголовного законодательства РСФСР к лицам, совершившим преступления за границей, — уклонение их от следствия и суда в месте совершения преступления — по существу означало требование, чтобы совершенное за пределами РСФСР деяние рассматривалось как преступное и в месте его совершения. Такое ограничение пространственной сферы действия уголовного закона РСФСР вряд ли можно признать обоснованным, особенно с учетом исторической обстановки в стране и форм классовой борьбы в рассматриваемый период.

В последующие годы также утверждался только территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве; до издания первого уголовного кодекса РСФСР он так и оставался единственным основополагающим принципом. В этом принципе проявлялось уважение к суверенитету Республики и одновременно глубокое уважение к суверенитету всех других государств.

Идеями уважения к суверенитету других государств было проникнуто не только законодательство того периода, но также соглашения и договоры РСФСР с другими советскими республиками³, а также другими государствами⁴.

Глубокое уважение к суверенитету ранее зависимых стран в плане пространственного действия уголовного закона проявляется в договорах, заключенных РСФСР с этими государствами. В соответствии с изложенным в ноте Советского Правительства от 26 июня 1919 г. положением об уничтожении российской консульской юрисдикции 26 февраля 1921 г. был заключен договор РСФСР с Персией, в котором было сказано, что российские граждане, проживающие в Персии, так же как и персидские граждане, проживающие в России, с момента подписания договора пользуются равными с местными гражданами правами и подчиняются законам страны пребывания. Все судебные дела их рассматриваются в местных судебных учреждениях (ст. XVI)⁵.

Аналогичного содержания была ст. X договора между Россией и Турцией от 16 марта 1921 г.⁶

Более детально, чем в Руководящих началах, были разработаны вопросы пределов действия советского уголовного закона в пространстве в первых уголовных кодексах союзных республик. Выражение территориального принципа имело место во всех прочих нормативных актах того периода⁷.

Первый Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в силу 1 июня 1922 г., пределы действия уголовного кодекса регламентировал в первом разделе Общей части, состоявшем из четырех статей (1—4)⁸. В первой статье был четко закреплён территориальный принцип, предусматривающий применение к любому лицу — гражданину РСФСР и иностранцу — положений Уголовного кодекса РСФСР, если им совершено преступление в пределах РСФСР⁹. Там указывалось также, что исключение предусмотрено для иностранцев, пользующихся правом экстерриториальности¹⁰. В начале двадцатых годов был заключен ряд мирных договоров¹¹, конвенций¹² и соглашений¹³, в которых решались вопросы об участии иностранных граждан, совершивших преступления на территории РСФСР, и граждан РСФСР, осужденных за границей или находящихся под следствием и судом в иностранных государствах¹⁴.

В ст. 2 УК РСФСР 1922 г. был безоговорочно закреплён активный персональный принцип, или принцип гражданства: действие УК РСФСР было распространено на граждан РСФСР во всех случаях совершения ими преступлений за пределами РСФСР. Комментируя эту норму, А. Эстрин отмечал, как само собой разумеющееся, что советское законодательство не считает своей задачей заботу о нарушении правопорядка буржуазных государств. Поэтому при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных гражданами РСФСР за границей, советские суды должны применять к обвиняемым наказание лишь в случаях, когда совершенное ими за границей деяние угрожает интересам РСФСР или советскому строю или когда совершивший преступление является и по приезде его в РСФСР общественно опасным, т. е., когда от него можно ожидать совершения сходных преступлений и в самой РСФСР¹⁵.

УК РСФСР 1922 г. утвердил реальный принцип действия советского уголовного закона в пространстве. В ст. 3 было сказано, что действие данного Кодекса распространяется также на прибывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне пределов РСФСР преступления против основ государственного строя и военной мощи Республики. Таким образом, реальный принцип был законодательно закреплён только как принцип охраны государственных интересов.

Изыятия из установленных законоположений о действии советского уголовного закона в соответствии с принципом гражданства и реальным принципом УК РСФСР допускал только в порядке особых договоров, заключенных РСФСР с отдельными государствами (ст. 4). Следует признать, что УК РСФСР 1922 г. создал достаточные предпосылки для охраны интересов

государства и граждан. Так же был решен вопрос о пределах действия в пространстве УК Украинской ССР, введенного в действие постановлением Всеукраинского ЦИК с 15 сентября 1922 г.¹⁶

В общесоюзном масштабе вопрос о пределах действия советского уголовного закона был впервые решен в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых в 1924 г.¹⁷ Первый раздел Основных начал был посвящен пределам действия уголовного законодательства, фактически здесь регламентировались только пространственные пределы действия уголовного законодательства. В ст. I Основных начал закреплены два принципа действия уголовного законодательства — территориальный принцип и персональный принцип, или принцип гражданства.

В соответствии с первым принципом все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, за совершенные ими на территории Союза ССР преступления подлежат ответственности по уголовным законам места совершения преступления, т. е. ответственности по законам той союзной республики, на территории которой совершено преступление.

В соответствии со вторым принципом граждане Союза ССР за совершенные ими за границей преступления, в случае их задержания на территории Союза ССР, подлежат ответственности по законам места задержания или предания суду или следствию, т. е. по законам той союзной республики, на территории которой совершены определенные процессуальные действия — имело место задержание виновного, проводилось следствие и т. д. или было предано суду.

В отношении иностранных граждан, пользующихся экстерриториальностью, было записано, что вопрос об их уголовной ответственности разрешается дипломатическим путем.

Таким образом, Основные начала отказались от реального принципа, или принципа охраны государственных интересов, и вообще не предусмотрели возможности применения советского уголовного законодательства к находящимся в Союзе ССР иностранным гражданам и лицам без гражданства, совершившим преступления вне пределов СССР. Н. Д. Дурманов полагает, что ответственность этих лиц по советским законам все же могла иметь место, если об этом было специально указано в договорах, заключенных СССР с другими государствами¹⁸.

В Основных началах не был решен также вопрос о том, какое значение для привлечения к ответственности своего гражданина и наказания его в СССР имеет то обстоятельство, что

он полностью или частично отбыл наказание за границей за совершенное там преступление. Как видно, этот факт мог быть принят во внимание судом при назначении виновному наказания, но не обязывал суд учитывать это обстоятельство.

Положения Основных начал о пределах действия уголовного законодательства были восприняты уголовными кодексами всех союзных республик, принятых в период с 1926 по 1935 гг. По этому принципу действия советских уголовных законов в пространстве во всех союзных республиках были едины. Однако законодательное выражение этих принципов в уголовных кодексах республик было различным. Кодексы союзных республик, кроме того, конкретизировали положения Основных начал, что привело к расхождениям в регламентации ряда вопросов.

Так, УК Украинской ССР 1927 г.¹⁹ и УК Грузинской ССР 1928 г.²⁰ почти дословно восприняли текст Основных начал, указав только, что речь идет о территориальных пределах действия республиканского законодательства. УК Узбекской ССР 1926 г. несколько изменил текст Основных начал, полностью сохранив изложение территориального принципа. В ч. 1 ст. 1 УК Узбекской ССР установлена ответственность всех лиц, совершивших преступления на территории Узбекской ССР, по уголовному кодексу этой республики, но в примечании оговорено, что к гражданам других союзных республик за преступления, совершенные ими на территории СССР, если дела об этих преступлениях рассматриваются судом Узбекской ССР, применяется закон места совершения преступления²¹.

Эта конкретизация положений Основных начал не сделала регламентацию данного вопроса более четкой по сравнению с Основными началами, скорее наоборот, ибо не только граждане союзных республик подлежали ответственности по уголовным законам места совершения преступления (если дела об этих преступлениях рассматривались в Узбекской ССР), но также иностранцы и лица без гражданства. УК Узбекской ССР установил, что изъятия из положений уголовного кодекса могут иметь место лишь в порядке особых соглашений Союза ССР с иностранными государствами.

Уголовные кодексы 1926—1935 гг. других союзных республик, устанавливая пределы действия уголовного закона в пространстве, допускали серьезные отклонения от текста Основных начал: во-первых, они в какой-то мере в качестве основного принципа действия уголовного закона в пространстве рассматривают принцип гражданства; во-вторых, они не сформулировали положений территориального принципа в полном объеме в одной статье²²; этот принцип вытекал только из контекста всех

статей, посвященных территориальным пределам действия уголовного закона.

Так, например, в УК РСФСР 1926 г.²³ было записано: во-первых, что действие Кодекса распространяется на всех граждан РСФСР, совершивших общественно опасные действия в пределах РСФСР, а равно и за пределами Союза ССР, в случае задержания их на территории РСФСР (ст. 2), во-вторых, что граждане иных союзных республик подлежат ответственности по законам РСФСР за совершенные ими преступления на территории РСФСР, а также вне пределов Союза ССР, если они задержаны и переданы суду или следствию на территории РСФСР (ст. 3). В этих двух статьях достаточно четко регламентирован персональный принцип, или принцип гражданства. В ч. 2 ст. 3 частично устанавливался и территориальный принцип действия уголовного закона — применение уголовного закона РСФСР к гражданам других союзных республик, совершивших преступления в пределах РСФСР. Территориальный принцип был утвержден и в ст. 4: в ней регламентировалась ответственность иностранцев за преступления, совершенные в пределах Союза ССР по законам места совершения преступления, т. е. в соответствии с территориальным принципом. В результате из анализа норм, содержащихся в трех статьях, вырисовывался в полном объеме территориальный принцип пространственного действия уголовного закона РСФСР. Так же был решен вопрос в уголовных кодексах Армянской ССР²⁴ и Азербайджанской ССР²⁵ 1927 г. Незначительно отличалась и регламентация этого вопроса в УК Белорусской ССР 1928 г.²⁶ и в УК Таджикской ССР 1935 г.²⁷ УК Туркменской ССР 1927 г.²⁸ (в ст.ст. 2, 3) четко выделял два равнозначных принципа действия уголовного закона в пространстве, т. е. воспроизвел положения Основных начал, однако в обратной последовательности по сравнению с тем, как это было сделано Основными началами.

Поэтому практически решение вопросов действия уголовного закона в пространстве не изменилось и, конечно, не могло быть изменено в уголовном законодательстве союзной республики, так как вступило бы в противоречие с общесоюзным законом, т. е. подлежало бы отмене. И все же форма изложения принципа гражданства и территориального принципа и место, которое законодатель отдельных республик отвел каждому из этих принципов, придавали принципу гражданства главенствующую роль, что не вытекало из положений Основных начал.

Анализ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в рассматриваемый период позволяет заключить, что начиная с 1924 г. советское уголовное законодательство пол-

ностью отказывалось от реального принципа, или принципа защиты государственных интересов, как принципа действия уголовного закона в пространстве, т. е. отказалось от применения советского уголовного закона к иностранцам, совершившим преступления, направленные против интересов СССР, за его пределами. Следует отметить, что этот принцип всегда являлся одним из основных принципов действия уголовного закона в пространстве в большинстве зарубежных государств, в том числе зарубежных социалистических государств с момента их образования.

Советское уголовное законодательство того периода не регламентировало применения советского уголовного закона в отношении лиц без гражданства. Поскольку они не были приравнены к советским гражданам, к ним, бесспорно, относились законоположения, предусмотренные для иностранцев, т. е. за совершенные ими преступления в пределах территории СССР они отвечали по уголовным законам места совершения преступления, а совершенные ими преступления вне пределов Союза ССР не влекли за собой уголовной ответственности. Лица без гражданства, как и иностранцы, подлежали ответственности по советскому уголовному законодательству, если ответственность за совершенные ими за границей преступления была предусмотрена международными договорами и соглашениями²⁹.

Вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, неведущих по уголовным делам судам РСФСР, разрешался в соответствии с нормами международного права и советским законодательством — «Положением о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР», изданным в 1927 г.³⁰

Вопрос о выдаче преступников не решался ни общесоюзным, ни республиканским уголовным законодательством. Советское конституционное законодательство (декрет РСФСР 28 марта 1918 г.) установило, что всякий иностранный гражданин, преследуемый у себя на родине за преступления политического или религиозного порядка, в случае прибытия в Россию пользуется здесь правом убежища. В этом декрете было прямо указано, что такие лица не подлежат выдаче по требованию государств, подданными которых они являются³¹. Аналогичная статья была включена в Конституцию РСФСР 1918 г. Конституция Союза ССР 1936 г. в ст. 129 установила, что право убежища предоставляется иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, научную деятельность или национально-освободительную борьбу.

Принцип невыдачи своего гражданина иностранному госу-

2. Территориальный принцип

дарству законодательно не был закреплен. Однако следует согласиться с Н. Д. Дурмановым, что из совокупности основных принципов социалистического права можно сделать вывод о том, что граждане СССР выдаче не подлежат³².

В законодательство, регулирующее пределы действия советского уголовного закона в пространстве, не вносилось изменений вплоть до 1958 г., хотя судебная практика выдвигала много вопросов, требующих законодательной регламентации. Особенно актуальным стал вопрос о действии уголовных законов в пространстве в период Великой Отечественной войны и после ее окончания³³.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые 25 декабря 1958 г., в отличие от Основных начал 1924 г., решили многие спорные вопросы, в том числе вопросы о применении уголовного закона к иностранцам, совершившим вне пределов Союза ССР преступления, предусмотренные в конвенциях, заключенных с иностранными государствами; об ответственности лиц без гражданства за совершенные ими за границей преступления; о зачете отбытого гражданином за границей наказания при назначении наказания за это же преступление советским судом.

Перечисленные вопросы на практике и в теории решались до 1958 г. в таком же плане, как это предусматривало новое уголовное законодательство³⁴ (за исключением применения советского уголовного закона к лицам без гражданства, совершившим преступление вне пределов СССР).

Новое уголовное законодательство не изменило принципиальных положений, закрепленных в ранее действовавшем законодательстве. Оно вновь закрепило территориальный и активный персональный принцип (принцип гражданства) действия советского уголовного закона в пространстве и применение советского уголовного закона к иностранцам в соответствии с заключенными Союзом ССР конвенциями с иностранными государствами (универсальный принцип). Принцип социалистического интернационализма в новом уголовном законодательстве не был закреплен, но он обусловлен соглашениями, заключенными СССР с зарубежными социалистическими государствами. В Основах уголовного законодательства не отражены положения реального принципа, или принципа охраны государственных интересов.

Ниже мы переходим к детальному рассмотрению вопросов воплощения перечисленных принципов в действующем советском уголовном законодательстве.

Действующее советское уголовное законодательство — Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и уголовные кодексы союзных республик, принятые в период с 1959 по 1962 г. утвердили территориальный принцип действия советского уголовного закона в пространстве. В ст. 4 Основ уголовного законодательства записано, что все лица, совершившие преступление на территории СССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления³⁵. В уголовных кодексах всех республик записано, что лица, совершившие преступления на территории данной союзной республики, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим на ее территории.

В таком закреплении территориального принципа действия советского уголовного закона в пространстве проявляются особенность суверенитета СССР и его органическое единство с суверенитетом союзных республик. СССР и союзные республики обладают территориальным верховенством, являющимся органической частью государственного суверенитета. Суверенитет Союза ССР и суверенитет союзных республик не противостоят, а взаимодействуют и дополняют друг друга³⁶.

Таким образом, в советском уголовном законодательстве закреплена принцип ответственности по уголовным законам места совершения преступления (*leges loci delicti commissi*). Любое лицо вне зависимости от его государственно-правового статуса, совершившее преступление на территории Союза ССР, отвечает по уголовным законам места совершения преступления, т. е. по уголовным законам, действующим на территории той республики, в пределах которой оно совершило преступное деяние³⁷.

В соответствии с территориальным принципом наказуемо любое преступное деяние, совершенное на территории СССР, независимо от того, посягает ли оно на интересы советского государства или охраняемые советским законом интересы иностранного государства и его граждан (ст. 10 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и ст. 101 УК РСФСР), независимо от того, является потерпевший от преступления советским гражданином, лицом без гражданства или иностранцем. В соответствии с территориальным принципом преступления, совершенные в пределах Союза ССР и направленные против интересов иностранцев, относятся к компетенции судов Союза ССР и рассматриваются на основании законов места совершения преступления и в том случае,

если не только потерпевший, но и виновный является иностранцами.

Для применения советского уголовного закона не имеет также значения, находится ли потерпевший в СССР или за границей. Например, вымогательство, совершенное в СССР в отношении иностранцев, проживающих за границей, подсудно советскому суду на основании советского уголовного закона и в том случае, если виновный является гражданином СССР, и в том, если он иностранец.

Ст. 4 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, содержащая основополагающую норму о безоговорочном действии уголовных законов в соответствии с территориальным принципом, определила решение вопроса о пространственном действии республиканских уголовных кодексов.

Хотя территориальный принцип действия уголовных кодексов в пространстве закреплен во всех уголовных кодексах союзных республик, его формулировка в республиканском законодательстве различна. Только УК Узбекской ССР дословно принял текст ст. 4 Основ уголовного законодательства. В уголовных кодексах одиннадцати союзных республик — РСФСР, Украинской, Белорусской, Грузинской, Азербайджанской, Литовской, Молдавской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Эстонской ССР записано, что все лица, совершившие преступления на территории республики, подлежат ответственности по уголовному кодексу этой союзной республики. В уголовных кодексах трех остальных республик — Казахской, Латвийской и Армянской ССР записано, что лица, совершившие преступления на территории этих республик, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим на территории данных республик³⁸.

Изложение территориального принципа в законодательстве трех последних союзных республик более четко, поскольку на территории каждой союзной республики, кроме уголовного кодекса республики, действуют общесоюзные уголовные законы, которые до включения их в соответствующий УК применяются непосредственно. Имеются также общесоюзные законы, которые не включаются в УК союзных республик, например, Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 6 февраля 1968 г. «О континентальном шельфе Союза ССР»³⁹.

Однако в данном случае речь идет всего лишь о более или менее удачной формулировке бесспорного принципа, а не о его сущности, так как суды каждой союзной республики при совершении на ее территории преступления применяют законы, действующие в момент его совершения на данной территории.

Более принципиальным является вопрос о том, полностью ли отражает такая норма республиканского уголовного законодательства положения ст. 4 Основ уголовного законодательства. Общесоюзная норма регламентирует вопрос о применении уголовного закона места совершения преступления независимо от того, привлекается ли виновный к уголовной ответственности на территории той республики, где им совершено преступление, или другой республики, т. е. независимо от того, где применяется судом эта норма. Поэтому в уголовных кодексах союзных республик следовало регламентировать не только вопрос о применении республиканского уголовного законодательства в случае совершения преступления на территории этой республики, но и вопрос о применении судами этой республики уголовного законодательства других союзных республик, если преступление совершено на территории последних. Некоторыми союзными республиками этот вопрос решен именно так.

В уголовных кодексах семи союзных республик (Казахской, Латвийской, Армянской, Белорусской, Молдавской, Киргизской, Туркменской ССР) записано, что лица, привлеченные к уголовной ответственности или преданные суду на территории данной союзной республики за преступления, совершенные ими на территории другой союзной республики, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления. Уголовные кодексы трех союзных республик из перечисленных (Белорусской, Казахской и Киргизской ССР) ссылаются на ст. 4 Основ уголовного законодательства. УК Узбекской ССР, как уже было сказано, повторил текст ст. 4, поэтому вопрос о применении судами этой республики уголовного законодательства других союзных республик решен положительно. В уголовных кодексах семи остальных республик (РСФСР, Украинской, Грузинской, Азербайджанской, Литовской, Таджикской, Эстонской ССР) ничего не сказано о применении к лицам, совершившим преступления в других союзных республиках, уголовного законодательства этих республик. Таким образом, положения ст. 4 Основ уголовного законодательства не нашли полного отражения в уголовных кодексах семи последних республик.

Чтобы решить вопрос о применении уголовного законодательства данной союзной республики к лицам, совершившим преступления на территории других союзных республик, судам следует обращаться к Основам уголовного законодательства, так как само по себе положение о том, что все лица, совершившие преступления на территории данной республики, подлежат ответственности по действующему в данной республике ко-

дексу, вовсе не исключает применение этого же кодекса к преступлениям, совершенным вне ее пределов.

Соответствующие статьи упомянутых выше уголовных кодексов семи союзных республик, как полагаем, должны быть дополнены, чтобы полностью отразить положения, вытекающие из ст. 4 Основ уголовного законодательства.

Территориальный принцип действия советского уголовного законодательства в пространстве признан основополагающим принципом всеми советскими учеными⁴⁰. В качестве основополагающего он закреплен и в уголовном законодательстве зарубежных социалистических государств⁴¹. Так, в УК ГДР территориальный принцип изложен в ст. 8 первой главы «Принципы социалистического уголовного права Германской Демократической Республики». В УК ПНР территориальный принцип — единственный из принципов действия уголовного закона в пространстве — причислен к принципам уголовной ответственности и закреплен в первой главе кодекса. Значимость территориального принципа подчеркивают и польские ученые⁴².

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве должен быть закреплен в качестве основополагающего принципа и в законодательстве СССР, так как, во-первых, он отражает гармоничное сочетание государственного суверенитета Союза ССР и суверенитета союзных республик, а во-вторых, потому что борьба с преступными посяательствами на советский общественный и государственный строй, социалистическую собственность, личность и права граждан, на установленный в Союзе ССР правопорядок осуществляется главным образом в соответствии с его положениями. Поскольку наибольшую опасность для социалистических общественных отношений представляют преступления, совершенные именно в пределах Союза ССР, разрабатываемые меры предупреждения преступности направлены главным образом на пресечение преступлений внутри страны. Успешное решение выдвинутой Программой КПСС задачи ликвидации преступности и порождающих ее причин обусловлено в основном успехом борьбы с преступлениями, совершаемыми на территории Союза ССР.

Для осуществления территориального принципа действия советского уголовного закона в пространстве требуется четко установить пределы территории Союза ССР и пределы территории союзной республики, установить также объекты и зоны вне территории Союза ССР, на которые распространяется советский уголовный закон, определить понятие места совершения преступления и обусловленное им применение советского уголовного закона и уголовного закона союзной республики, вы-

явить особый порядок применения уголовных законов к лицам, не подсудным по уголовным делам советским судебным учреждениям. Этим вопросам посвящены самостоятельные главы данной работы.

3. Принцип гражданства

В основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в уголовных кодексах союзных республик наряду с территориальным принципом утверждены принцип гражданства, или активный персональный принцип.

В ч. 1 ст. 5 Основ уголовного законодательства сказано, что граждане СССР, совершившие преступления за границей, подлежат уголовной ответственности по уголовным законам, действующим в союзной республике, на территории которой они привлечены к уголовной ответственности или переданы суду, т. е. отвечают по советским уголовным законам. Аналогичные нормы содержатся в уголовных кодексах союзных республик; в соответствующей статье УК каждой союзной республики указано, что УК этой республики⁴³ или уголовные законы, действующие на ее территории⁴⁴, применяются ко всем гражданам СССР⁴⁵, если они за совершенные за границей преступления привлечены к уголовной ответственности или переданы суду на территории данной республики.

Право устанавливать наказуемость деяний, совершенных гражданами СССР за границей, и право советских судов применять наказание к этим лицам в пределах СССР в соответствии с советскими законами вытекает из сущности государственного суверенитета, из сущности института гражданства СССР и его принципов, из признания советского гражданства правомочием средством выражения, закрепления и реализации государственного суверенитета⁴⁶. Государственный суверенитет воплощен в компетенцию государства; он проявляется в том, что СССР самостоятельно определяет круг своих полномочий в пределах государственной территории. Поэтому не может быть сомнений в том, что СССР может распространить применение своего уголовного законодательства на находящихся в СССР советских граждан, совершивших преступления вне его пределов. Советская государственная власть обладает самостоятельностью, независимостью по отношению к власти другого государства и «верховенством, выражающимся, в частности, в обладании ею монополией властного принуждения внутри границ данного государства»⁴⁷.

Советское гражданство по своему содержанию и по форме своего выражения обусловлено государственным суверенитетом; оно служит одним из важнейших правовых средств выражения, закрепления и реализации его. Гражданство является двусторонней связью лица и государства. Гражданство СССР определяется советскими государствоведами как «принадлежность лица к Советскому социалистическому государству, выражающаяся в устойчивой правовой его связи с Союзом ССР, в силу которой лицо приобретает права, пользуется свободами и исполняет обязанности, закрепленные Конституцией и законами СССР, а также получает право на защиту со стороны Советского государства внутри страны и за ее пределами»⁴⁸. При этом подчеркивается принципиальная особенность советского гражданства — воплощение в нем органического единства интересов личности, общества и государства, обусловленного в конечном итоге социалистической природой советского общественного и государственного строя. Справедливо указывается, что гражданство СССР является определяющим фактором в характеристике правового положения советских граждан, ибо в силу своего гражданства они обладают всеми основными правами и несут все обязанности, установленные Конституцией СССР. Гражданство закрепляет права граждан СССР и на защиту своих интересов со стороны Советского государства как на территории СССР, так и за его пределами⁴⁹.

Содержание прав и обязанностей граждан СССР определяется социалистической сущностью государства и его главными задачами, а их реальность — экономическими, политическими, идеологическими и правовыми гарантиями. Среди основных обязанностей граждан по укреплению советского общественного строя, записанных в Конституции СССР, важнейшей является обязанность соблюдать Конституцию и исполнять законы, причем не только находясь в СССР, но и вне его пределов.

Принцип гражданства, или активный персональный принцип, в советском уголовном праве не является и никогда не являлся субсидиарным, ибо советское законодательство не ограничивает объем карательной деятельности советских судов и не требует наличия определенных условий для применения советских уголовных законов к своим гражданам, совершившим преступления за границей.

Таким образом, в советском уголовном законодательстве закреплен без всяких ограничений принцип гражданства, из которого следует, что: 1) советский гражданин отвечает по советским законам (законам места возбуждения уголовного дела или

предания виновного суду) за любое совершенное за границей общественно опасное деяние, признаваемое советским законодательством уголовно наказуемым, независимо от степени его тяжести; 2) советский гражданин отвечает по советским уголовным законам независимо от того, является ли совершенное им уголовно наказуемое деяние посягательством на интересы Союза ССР и его граждан или на интересы иностранного государства и его граждан; 3) советский гражданин отвечает по советским уголовным законам за совершенное им за пределами Союза ССР преступление независимо от того, совершено ли оно в капиталистическом или зарубежном социалистическом государстве; 4) советский гражданин отвечает по советским уголовным законам за совершенное за пределами СССР преступление независимо от того, наказуемо ли данное деяние по законам места его совершения; 5) советский гражданин отвечает за совершенное им за границей преступление по советским законам и в том случае, если он был осужден за границей и приговор вступил в законную силу, даже если назначенное ему за границей наказание он частично или полностью отбыл; 6) советский гражданин отвечает за совершенное им за границей преступление по советским законам и в том случае, если он был по месту совершения преступления освобожден от уголовной ответственности и наказания в силу истечения давности уголовного преследования, в силу амнистии, помилования или по другим причинам.

Таким образом, принцип гражданства означает, что советский гражданин, где бы он ни находился, представляет свою страну, и обязан чтить достоинство советского гражданина.

Принцип гражданства непосредственно связан с невыдачей своих граждан иностранному государству для суда и следствия над ними и отбытия ими наказания. Хотя ни в Конституции Союза ССР, ни в Основах уголовного законодательства не записано, что советский гражданин не может быть выдан иностранному государству для привлечения его к уголовной ответственности и наказания, однако это положение установлено в договорах о правовой помощи, заключенных между СССР и зарубежными социалистическими государствами.

Мы считаем, что положение о недопустимости выдачи советских граждан должно быть зафиксировано в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик. Это положение вытекает из безоговорочного закрепления принципа гражданства. Факт возвращения на Родину — в СССР — лица, совершившего за границей преступление, не может и не должен

обеспечивать ему безнаказанность за деяние, признаваемое уголовно наказуемым по законам СССР.

В советской уголовно-правовой литературе не высказывалось соображений против установления действия уголовного закона в соответствии с принципом гражданства, и в целом этот принцип и его значение понимают одинаково.

Несколько отличающуюся от других авторов точку зрения занял по этому вопросу А. А. Герцензон. Советское уголовное законодательство не ограничивает применения наказания советским уголовным судом к советским гражданам, совершившим за границей преступление, каким-либо определенным кругом наиболее опасных деяний. А. А. Герцензон, однако, утверждает, что советский гражданин может подлежать ответственности по возвращении на родину, если содеянное им за границей посягает на основы советского строя или, хотя и не посягает на эти основы, но грубо нарушает интересы советского государства или советских граждан, что «советские граждане отвечают за совершенные ими за границей преступления по возвращении в СССР в следующих случаях: 1) при посягательствах на основы советского строя, 2) при посягательствах на нормальные дипломатические отношения с иностранными государствами и 3) при посягательствах на интересы советских граждан, а также 4) при совершении преступлений, предусмотренных международными договорами и соглашениями»⁵⁰.

Не говоря о том, что это утверждение противоречит действовавшему в то время уголовному законодательству, с ним нельзя согласиться и по существу.

Из приведенного утверждения следует, что советский гражданин, совершивший за границей убийство, изнасилование или иное посягательство на здоровье, совершивший разбой, грабеж, вымогательство, мошенничество или подобное преступление по возвращении на родину — в СССР — может остаться безнаказанным, если потерпевший является иностранным гражданином. Такое утверждение нельзя признать приемлемым и с позиции *de lege ferenda*, ибо оно противоречит социалистическому правосознанию. По существу такая точка зрения приводит к отрицанию действия советского уголовного закона в соответствии с принципом гражданства; ответственность советских граждан за преступления, совершенные ими за границей, рассматривается с позиции реального принципа⁵¹. Отказываться же от принципа гражданства в этом случае нет оснований; его ограничение, как мы полагаем, допустимо только с позиций принципа социалистического интернационализма.

Уголовное законодательство Союза ССР настолько расхо-

дится с уголовным законодательством капиталистических стран, настолько различны понятия преступного и уголовно наказуемого, настолько трудно сопоставимы (или вовсе не сопоставимы) уголовно-правовые нормы двух различных социальных систем, предусматривающие ответственность за отдельные виды преступлений, что нет оснований ставить вопрос об ограничении применения принципа гражданства в общем плане. Поэтому нет оснований также требовать, чтобы совершенное за границей деяние было бы наказуемо в месте его совершения. По этой же причине мы не усматриваем основания для ограничения применения принципа гражданства путем выдвижения требования о соблюдении уголовно-процессуального принципа *non bis in idem*, т. е. путем распространения этого принципа на приговоры иностранных судов. Иное решение по данному вопросу может быть принято в отношении зарубежных социалистических стран.

В новых уголовных кодексах европейских социалистических государств так же как в уголовном законодательстве СССР и союзных республик, безоговорочно закреплен принцип гражданства, или активный персональный принцип: граждане этих государств за преступления, совершенные ими за границей, отвечают по уголовным законам своей родины, независимо от того, является ли совершенное ими деяние преступлением также и по закону места его совершения (ч. 1 ст. 4 УК НРВ; ч. 1 § 4 УК ВНР; ч. 2 § 80 УК ГДР; ст. 113 УК ПНР; ст. 4 УК СРР; § 18 УК ЧССР). Несколько иначе изложен принцип гражданства только в УК СФРЮ.

В ст. 8 УК ГДР, определяющей принципы действия уголовных законов, записано, что действие уголовных законов определяется «подчинением граждан Германской Демократической Республики законам своего государства», т. е. принцип гражданства, наряду с территориальным, признан основополагающим.

Осуществление принципа гражданства, или активного персонального принципа действия советского уголовного закона в пространстве требует четкого установления круга советских граждан, как и условий применения советских уголовных законов по отношению к лицам без гражданства. Эти вопросы рассматриваются в самостоятельных главах данной работы⁵².

4. Реальный принцип

Действующее советское уголовное законодательство полностью отказалось от применения советского уголовного закона в соответствии с реальным принципом, или принципом защиты

государственных интересов, а также пассивного персонального принципа, или принципа защиты индивидуальных интересов. Как уже было сказано, начиная с 1924 г. ни в общесоюзном законодательстве, ни в уголовном законодательстве союзных республик реальный принцип действия уголовных законов в пространстве больше не был предусмотрен.

К сожалению, в теории советского уголовного права недостаточно исследован не только вопрос о служебной рели этого принципа, но и вопрос о причинах отказа советского законодателя от этого принципа.

В конце тридцатых годов некоторые авторы критически отнеслись к реальной теории. Указывали, что она служит интересам буржуазии, обосновывает вмешательство империалистических государств во внутренние дела других государств⁵³. Такая оценка реального принципа, как мы полагаем, связана с тем, что государства, в которых в тот период был установлен или устанавливался фашистский режим, и в первую очередь гитлеровская Германия, стремились всемерно расширить сферу действия своих уголовных законов, используя для этой цели все возможные пути, в том числе и реальный принцип, под прикрытием которого они стремились обосновать ответственность иностранных граждан за якобы совершенные ими за границей посяательства на интересы фашистской Германии, за деяния, противоречащие «духу» немецкой нации и арийской расы.

Однако такое расширение пределов применения фашистского уголовного законодательства под прикрытием реального принципа свидетельствует не о порочности самого принципа, а о правовом империализме тех, кто его таким образом использовал. Поэтому с существовавшей отрицательной оценкой реального принципа во всех случаях нельзя согласиться. Реальная теория может служить охране интересов социалистического государства и его граждан от посятельств извне, а также от преступных посятельств против граждан социалистических государств за границей. Нет никаких оснований также для признания реального принципа несовместимым с принципом государственного суверенитета.

В конце тридцатых годов в связи с разработкой проекта УК СССР в редакционной статье журнала «Проблемы социалистического права» высказывались соображения за признание реального принципа применения советских уголовных законов. В ней отмечалось, что «у нас нет оснований отказываться от уголовной ответственности иностранцев, совершивших против Союза ССР тягчайшие преступления за границей и оказавшихся в дальнейшем по каким-либо основаниям на территории СССР»⁵⁴.

В период до Великой Отечественной войны за включение реального принципа в советское уголовное законодательство высказывался также М. Д. Шаргородский⁵⁵. Большинство же ученых того времени ограничилось констатацией самого факта — отказа советского уголовного законодательства от применения уголовного закона в соответствии с требованиями этого принципа⁵⁶.

Вопрос о реальном принципе действия уголовных законов в пространстве стал особенно актуальным в годы Второй мировой войны и после ее окончания, так как был непосредственно связан с определением подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных в годы войны. Даже в такой классической стране господства территориального принципа, каковой всегда являлась Англия, в 1942 г. высказывались соображения о необходимости изменить действующее английское законодательство, ибо «при существующем законодательстве английский суд не может преследовать немца за преступления, совершенные против англичанина, если преступление совершено вне Великобритании. Любой немец, убивший англичанина в германских лагерях для военнопленных, может после войны поселиться в Англии и благоденствовать в уверенности, что никто не имеет права тронуть его»⁵⁷.

Говоря о военных преступлениях, А. Н. Трайнин указывал, что нельзя упускать из виду, что нередко местом совершения тягчайших преступлений войны (убийства военнопленных и др.) является территория самой Германии. Право каждого государства судить за все преступления, совершенные против его интересов, независимо от того, на какой территории они совершались, не должно вызывать сомнений. Компетенция национальных судов, по мнению А. Н. Трайнина, не может и не должна исчерпываться рассмотрением уголовных дел о преступлениях против мира и человечества, совершенных на территории соответствующих стран⁵⁸.

М. Д. Шаргородский также указывал на то, что лица, которые подвергали миллионы советских людей тягчайшим издевательствам на территории Германии и оккупированных территориях за пределами Советского Союза, должны быть и будут наказаны; они должны ответить перед советским судом на основании советских законов⁵⁹.

На основании советских уголовных законов были подвергнуты заслуженной каре иностранцы, задержанные на территории, занятой Советской Армией, виновные в убийствах, калечении, мучительствах и иных злодеяниях в отношении советских граждан, насильно угнанных в рабство⁶⁰. Однако в этих случаях

советский уголовный закон применялся на основании уголовно-правового режима оккупации территории врага. В послевоенный период М. Д. Шаргородский продолжал защищать реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Он показал, что отказ от реального принципа является недостатком советского уголовного законодательства (имелось в виду уголовное законодательство до 1958 г.) и высказал пожелание, чтобы это положение было исправлено в будущем. М. Д. Шаргородский справедливо ставил вопрос о том, что преступления, совершенные за границей против Советского государства в целом или против советских граждан, не должны оставаться безнаказанными и в настоящее время; это привело его к выводу о необходимости расширить пределы действия советских уголовных законов за счет внесения в уголовное законодательство положений реального принципа⁶¹.

Мы полностью согласны с такой позицией. Полагаем, что в советском уголовном законодательстве должны быть закреплены положения реального принципа⁶². Следует учесть, что не только в условиях войны и в послевоенный период, но и в мирное время не исключены всевозможные провокации и преступления против Советского государства и советских людей, находящихся за границей. Такие преступления могут быть направлены против советских дипломатов и других должностных лиц, против советских моряков и рыбаков, против советских ученых, специалистов и туристов.

Иностранные граждане, виновные в совершении различных преступлений за границей против Советского государства и его граждан, зачастую вообще не привлекаются к уголовной ответственности по месту совершения преступления. Вряд ли можно отказаться от права наказывать этих лиц за совершенные преступления, если они окажутся в пределах советской уголовной юрисдикции.

Кроме того, при решении вопроса о пригодности реального принципа для советского права применения уголовных законов следует учесть и опыт других социалистических государств, имея в виду, что реальный принцип признан в настоящее время почти всеми зарубежными социалистическими странами. В отличие от уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в социалистических государствах Европы закреплен реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. В большинстве социалистических государств реальный принцип закреплен только как принцип защиты государственных интересов (реальный принцип в собственном смысле), в остальных — как принцип защиты государственных интересов и инте-

ресов граждан (реальный принцип и пассивный персональный принцип). Только реальный принцип закреплен в уголовном законодательстве ГДР, ВНР, ПНР, ЧССР и СФРЮ. Реальный и пассивный персональный принципы закреплены в УК НРБ и УК СРР.

Этот принцип, как мы уже показали, закреплен и в законодательстве большинства капиталистических стран, что также не может для нас быть безразличным. При заключении международных конвенций многие вопросы решаются, исходя именно из того факта, что в национальном законодательстве почти всех стран закреплен реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Поэтому интересы Советского государства и его граждан могут в определенных случаях оказаться менее защищенными, чем интересы других государств и их граждан, в законодательстве которых предусмотрен реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Так, например, в соответствии со ст. 19 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне от 29 апреля 1958 г. уголовная юрисдикция прибрежного государства не осуществляется на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море (право мирного прохода), за исключением трех случаев, предусмотренных этой статьей.

Если в чужих территориальных водах на борту иностранного судна совершается преступление, потерпевшим от которого является гражданин этого иностранного государства, а виновным — гражданин другого государства, то последнего по прибытии судна на родину потерпевшего можно привлечь к ответственности в соответствии с реальным принципом. Если такой случай имеет место в иностранных территориальных водах на борту советского судна и пострадавшим является советский гражданин или интересы Советского государства, а совершившим преступление — иностранец, то в соответствии с действующим у нас правом применения уголовных законов виновный не может быть привлечен к уголовной ответственности советским судом на основании советских законов (если отсутствует соответствующая международная конвенция). С таким положением нельзя согласиться. Это — еще одно соображение в пользу восстановления в советском уголовном законодательстве реального принципа действия советского уголовного закона в пространстве.

Некоторые ученые полагают, что реальный принцип предусмотрен в действующем советском законодательстве по отношению к лицам без гражданства. Так, И. И. Солодкин расценил положение ч. 2 ст. 5 Основ уголовного законодательства как

частичное использование реального принципа в действующем уголовном законодательстве⁶³. Вряд ли с этим можно согласиться, ибо в указанной статье предусмотрена ответственность лиц без гражданства по советским уголовным законам за совершенные ими за границей преступления не только в случаях, когда эти преступления посягают на интересы Советского государства или его граждан. Поскольку закон никаких ограничений не предусмотрел, то следует полагать, что лица без гражданства могут быть привлечены к уголовной ответственности советским уголовным законом также в случае совершения ими посягательства на интересы иностранных государств и граждан, если деяния наказуемы и в СССР. И. И. Солодкин прав в том, что применение советских уголовных законов к находящимся в СССР лицам без гражданства, совершившим преступление за границей, более убедительно, если эти преступления посягают на интересы СССР и его граждан.

Мы полагаем, что установление и законодательное закрепление положений реального принципа действия советского уголовного закона в пространстве способствовало бы усилению охраны интересов Советского государства и народа.

5. Принцип социалистического интернационализма

Одним из принципов действия советского уголовного закона в пространстве является принцип социалистического интернационализма. Этот принцип обусловлен однотипной экономической основой — общественной собственностью на средства производства, однотипным государственным строем — властью народа во главе с рабочим классом, единой идеологией и общностью интересов и целей. «Эта общность, — как отмечено Международным Совещанием коммунистических и рабочих партий, — залог преодоления имеющихся трудностей, дальнейшего укрепления единства системы социализма на принципах марксизма — ленинизма, пролетарского интернационализма»⁶⁴.

Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи, принятая в июле 1971 г. XXV сессией СЭВ, наметила различные перспективы развития сотрудничества в различных областях.

Советские ученые в области международного права проследили становление принципов социалистического интернационализма как международно-правовых норм межгосударственного общения и показали процесс перерастания принципов пролетарского интернационализма в социалистические международно-

правовые принципы. Они обосновали взаимосвязь между социалистическим интернационализмом и лучшими традициями национального патриотизма, взаимозависимость между прочностью социалистической системы в целом и нерушимостью суверенитета каждой входящей в нее страны, раскрыли руководящую роль принципа социалистического интернационализма в системе социалистических международно-правовых принципов, его сущность и специфические черты⁶⁵.

Принцип социалистического интернационализма, как и вытекающие из него и непосредственно с ним связанные принципы уважения к государственному суверенитету, невмешательства во внутренние дела и равноправия государств и народов, названы в Комплексной программе и других партийных и государственных документах марксистско-ленинскими принципами международных отношений нового типа; они отражены в заявлениях Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий и двусторонних заявлениях и коммюнике о переговорах между партийными и партийно-правительственными делегациями различных социалистических стран, в многосторонних и двусторонних договорах между социалистическими государствами.

Эти источники помогают глубже понять и раскрыть также сущность принципа социалистического интернационализма как принципа пространственного действия советских уголовных законов, т. е. как принципа действия советских уголовных законов в отношении преступлений, совершенных на территории других социалистических государств.

К сожалению, приведенный комплекс проблем не нашел еще соответствующего решения в советском уголовном законодательстве и не является до сих пор предметом научного анализа, хотя многие из поставленных в этом плане вопросов решены в двухсторонних договорах с зарубежными социалистическими государствами. Речь идет в первую очередь о договорах, заключенных между СССР и рядом социалистических стран Европы, на территории которых, в соответствии с Варшавским договором, временно в оборонительных целях дислоцированы советские войска. Такие договоры заключены с ВНР 27 мая 1957 г.⁶⁶, с ПНР 17 декабря 1956 г.⁶⁷, с ГДР 13 марта 1957 г.⁶⁸, с НРР 16 апреля 1957 г.⁶⁹, с ЧССР 1 октября 1968 г.⁷⁰.

В этих договорах решен также вопрос о пространственном действии советских уголовных законов и решен с позиций социалистического интернационализма, уважения к государственному суверенитету братских социалистических стран, невмешательства во внутренние дела этих государств. В перечисленных

договорах о правовом статусе советских войск установлены следующие положения: 1) дела о преступлениях, совершенных лицами, входящими в состав советских войск, или членами их семей, на территории других социалистических стран, рассматриваются соответствующими судами этих стран на основании местного уголовного законодательства; 2) лица, виновные в преступлениях против советских войск, находящихся в других социалистических странах, а также против военнослужащих, входящих в их состав, несут такую же ответственность, как за преступления против вооруженных сил и военнослужащих того государства, на территории которого находятся советские войска, т. е. отвечают перед тем же местным судом на основании местных законов.

Из этого общего положения имеются только два исключения: за преступления, совершенные лицами, входящими в состав советских войск, или членами их семей против Советского Союза, а также против лиц, входящих в состав советских войск или членов их семей, и за преступления, совершенные лицами, входящими в состав советских войск, при исполнении ими служебных обязанностей, виновные отвечают перед советским судом на основании советских уголовных законов.

Принцип социалистического интернационализма отражен также в двусторонних договорах, заключенных Союзом ССР с другими социалистическими государствами об оказании правовой помощи⁷¹. На основании принципа социалистического интернационализма, уважения к государственному суверенитету, невмешательства и равноправия решен вопрос о выдаче преступников для привлечения их к уголовной ответственности и наказания, а также все прочие вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам. Из этих договоров следует, что Советский Союз и соответствующее другое социалистическое государство взяли на себя обязательства выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения в исполнение приговора, если это соответствует условиям договора.

Мы полагаем, что упомянутые положения двусторонних договоров, вытекающие из принципа социалистического интернационализма как одного из принципов действия советского уголовного закона в пространстве, должны найти отражение в действующем советском уголовном законодательстве. Принцип социалистического интернационализма должен быть развит и расширен, и в соответствии с этим принципом должен быть внесен в советское право применения уголовных законов ряд новых положений.

В советской юридической литературе упоминалось о принципе социалистического интернационализма применительно к действию уголовного закона в пространстве. Так, М. А. Шнейдер, еще в середине пятидесятих годов говорил о принципе международной солидарности интересов трудящихся, о принципе интернационализма как о принципе действия советского уголовного закона в пространстве. Однако, раскрывая содержание этого принципа и иллюстрируя его воплощение в действующем советском уголовном законодательстве, М. А. Шнейдер показал, что он имеет в виду вовсе не самостоятельный принцип действия советского уголовного закона в пространстве, а один из общих принципов советского уголовного права в целом. Так, М. А. Шнейдер усматривал осуществление принципа пролетарского интернационализма в том факте, что в уголовных кодексах союзных республик (ч. 2. ст. 58-1 УК РСФСР 1926 г. и ст. 73 УК РСФСР 1960 г., как и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик) признаются государственными преступлениями также деяния, направленные против другого государства трудящихся, хотя бы и не входящего в Союз ССР⁷².

Такого же мнения придерживаются и некоторые другие советские ученые. Ссылку авторов на упомянутые законоположения нельзя признать обоснованной, ибо в них речь идет о деяниях, совершенных в пределах СССР, хотя и направленных против интересов других социалистических государств. Поэтому все вопросы решаются в рамках территориального принципа. С позиций персонального принципа действия советского уголовного закона в пространстве (принципа гражданства) эти вопросы ставятся и решаются только в исключительных случаях. Политическая и юридическая оценка такого деяния, направленного против интересов социалистических государств, и предусмотренное за него наказание свидетельствуют о том, что советское уголовное право в целом проникнуто духом социалистического интернационализма и при оценке опасности деяний приравнивает посягательства на основы Советского государства трудящихся к посягательствам на основы Советского государства.

В ст. 101 УК РСФСР, предусматривающей наказание за преступления против государственной или общественной собственности других социалистических государств наравне с преступлениями против социалистической собственности СССР, специально подчеркнуто, что речь идет о преступных посягательствах, совершенных в отношении имущества зарубежных социалистических государств, находящегося на территории

РСФСР, т. е. преступлениях, совершенных в пределах РСФСР. Значит, все вопросы могут быть решены только с позиций территориального принципа. Поэтому мы полагаем, что советское право применения уголовных законов в пространстве должно быть пересмотрено с позиций принципа социалистического интернационализма. Это, по нашему убеждению, следует из развития социалистического содружества, укрепления сплоченности братских государств, из согласованности политики на международной арене, из координации общих усилий на идеологическом поприще.

6. Универсальный принцип и принцип представительной компетенции

Положения универсального принципа, предусматривающие применение советского уголовного закона к находящимся в СССР иностранцам, совершившим преступления вне пределов Союза ССР и непосредственно не посягающим на интересы СССР, закреплены в ч. 4 ст. 5 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В статье говорится: «Иностранцы за преступления, совершенные вне пределов СССР, подлежат ответственности по советским уголовным законам в случаях, предусмотренных международными соглашениями».

Эта норма дословно воспринята уголовными кодексами всех союзных республик. Она означает, во-первых, что иностранец за преступления, совершенные вне пределов Союза ССР, помимо случаев, предусмотренных международными соглашениями, не подлежит ответственности по советским уголовным законам, даже если совершенное им деяние посягает на интересы СССР или его граждан. Эта норма означает, во-вторых, что к иностранцам, совершившим преступление вне пределов Союза ССР, советские уголовные законы применяются не во всех случаях, когда совершенное преступление предусмотрено международными соглашениями, а только тогда, когда эти международные соглашения специально оговаривают обязанность каждого государства — участника данного соглашения — осуществлять свою уголовную юрисдикцию в отношении преступлений и гражданства виновных.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением некоторых ученых о том, что при совершении действия, предусмотренного международной конвенцией, иностранец, задержанный на тер-

ритории СССР, во всех случаях несет ответственность по уголовному законодательству СССР⁷³. Основанием для применения советского уголовного закона к иностранцам, совершившим преступления за границей, является не сам факт участия в международном соглашении по борьбе с определенными международными или иными уголовными преступлениями, а специально предусмотренная соглашением международно-правовая норма о применении уголовного законодательства государства, в котором находится преступник.

СССР, как известно, активно участвует в борьбе с преступностью в рамках Организации Объединенных Наций и ее специально созданных для этой цели органов (консультативные группы ООН, специальные корреспонденты отдела ООН по социальным делам, временный консультативный комитет экспертов, международные конгрессы)⁷⁴.

СССР в настоящее время является участником большого количества международных конвенций по борьбе с международными и прочими уголовными преступлениями, однако не все они предусматривают применение национального уголовного закона в соответствии с универсальным принципом.

Усилия и вклад каждого из государств — участников этих соглашений — в борьбе с преступлениями против мира и человечества, с военными преступлениями, а также с прочими уголовными преступлениями, опасными для государств с различным общественным и государственным строем, могут быть реализованы не только путем осуществления своей уголовной юрисдикции на основании национальных уголовных законов в отношении иностранцев, совершивших преступления за границей. Борьба с преступностью в международном масштабе может быть осуществлена путем установления наказания в национальном законодательстве каждого из государств за деяния, признаваемые преступными международными соглашениями, и применения наказания к лицам, совершившим эти преступления на территории данного государства; она может быть осуществлена путем оказания государствами друг другу правовой помощи, путем выдачи на основании этих международных соглашений заинтересованному государству лиц, совершивших одно из предусмотренных ими преступлений для суда или отбытия наказания.

Борьба с международными и иными преступлениями в международном масштабе может быть осуществлена путем передачи дел на рассмотрение международных судов, например, имевшая место передача определенной категории дел о посягательствах на основы международного общения⁷⁵ Международ-

ному Всенному Трибуналу в Нюрнберге в соответствии с Уставом Международного Военного Трибунала.

Таким образом, государства, подписывая международные конвенции о борьбе с различными преступлениями в самих этих международных соглашениях устанавливают тот или иной способ наказуемости предусмотренных преступлений в зависимости от их характера, а иногда обеспечивают возможность выбора одного из этих способов.

Целый ряд международных конвенций, направленных на борьбу с преступлениями против мира и человечества и военными преступлениями (т. е. международными преступлениями) и иными преступлениями, содержит специальную норму о праве применения национального законодательства к иностранцам, совершившим преступление за пределами государства, в котором они находятся, т. е. в соответствии с универсальным принципом действия уголовного закона в пространстве. Анализ упомянутых международных соглашений даст возможность раскрыть объем реализации и значение универсального принципа в советском праве применения уголовных законов⁷⁶.

Пригодность универсального принципа для советского права применения уголовных законов, по нашему убеждению, не должна в настоящее время вызывать сомнений⁷⁷. Наоборот, универсальный принцип должен приобретать все большее значение по мере увеличения числа международных конвенций, закрепляющих его. Универсальный принцип может быть использован в интересах мира, в борьбе с наиболее опасными преступлениями⁷⁸. Нет никаких оснований для того, чтобы в современных условиях называть его империалистическим и антидемократическим и противопоставлять его принципу международной солидарности интересов трудящихся⁷⁹.

Как известно, в настоящее время инициатива в организации борьбы с отдельными категориями преступлений во многом перешла к Союзу ССР и всей социалистической системе государств, но и в тех случаях, когда инициатива исходит от капиталистических государств, СССР и другие социалистические государства принимают активное участие в международных органах по разработке проектов международных конвенций по борьбе с различными преступлениями, что придает этой борьбе определенную направленность на обеспечение мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

В настоящее время соотношение между универсальным принципом действия уголовного закона в пространстве и принципом социалистического интернационализма во многом напоминает существующее соотношение между принципами совре-

менного общего международного права и принципами международных отношений между социалистическими странами.

Как возникновение нового типа международных отношений вовсе не исключает существования общего международного права, так и осуществление принципа социалистического интернационализма в применении советского уголовного закона не противоречит осуществлению универсального принципа. Наоборот, как внешняя и внутренняя политика государств мировой системы социализма проводится в полном соответствии с общепризнанными принципами и нормами современного международного права, так и принцип социалистического интернационализма как принцип действия уголовного закона в пространстве находится в полном соответствии с универсальным принципом в его сегодняшнем понимании и осуществлении.

Европейские социалистические государства предусмотрели в своем уголовном законодательстве применение уголовного закона в пространстве в соответствии с универсальным принципом гораздо шире, чем это сделано в советском уголовном законодательстве. Законодательством этих государств предусмотрено применение национального уголовного закона не только к гражданам других государств, совершившим за границей преступления, наказание которых установлено специальными международными соглашениями⁸⁰, но и к иностранцам, совершившим преступления против мира и человечества, даже если этими преступлениями затрагиваются интересы другого государства или иностранных граждан⁸¹. Такое расширение сферы действия уголовного закона социалистических государств вполне закономерно.

Нельзя забывать, что с 1942 г. СССР, а в послевоенный период и другие социалистические страны являются инициаторами и активными борцами за мирное разрешение всех конфликтов, прилагают огромные усилия, чтобы предупредить международные преступления и обеспечить строгое наказание лиц, совершивших и совершающих преступления против мира и человечества. СССР вместе с другими государствами борется также против уголовных преступлений, представляющих опасность для всех государств, например, с посягательствами на безопасность гражданской авиации и др.

Осуществление универсального принципа действия советского уголовного закона в пространстве требует установления в национальном уголовном законодательстве соответствующих законоположений, на основании которых находящийся в СССР иностранец может быть привлечен к уголовной ответственности и наказан за преступление, совершенное им за границей.

Роль и значение универсального принципа действия советского уголовного закона в пространстве могут быть выяснены только после анализа международных конвенций по борьбе с международными и иными преступлениями, участниками которых является СССР⁸².

С универсальным принципом тесно соприкасается принцип представительной, или заменяющей, компетенции, который буржуазные ученые первой половины XX в. также использовали в реакционных целях для оправдания правовой экспансии. Аргументы, выдвинутые в свое время в обоснование представительной компетенции, были мало убедительны. Этот принцип, закрепленный в законодательстве многих буржуазных государств, не признается действующим советским уголовным правом.

Однако установление действия уголовного закона в пространстве в соответствии с принципом представительной компетенции может служить и целям укрепления правопорядка в социалистическом государстве, т. е. социалистическое государство может допустить в своем национальном законодательстве применение уголовного закона к находящемуся в стране иностранцу, совершившему преступление за границей, если это деяние является уголовно наказуемым как по закону места совершения преступления, так и по закону того социалистического государства, в котором находится виновный.

Это положение дает возможность, во-первых, применить национальный уголовный закон к лицу, ставшему гражданином социалистического государства после совершения им за границей преступления, а во-вторых, воздействовать на лиц, которые по различным причинам не могут быть выданы иностранному государству. Наконец, в определенных исторических условиях возможность применить национальный уголовный закон к находящимся в стране иностранцам, совершившим преступления за границей, может иметь особое положительное значение, например, в борьбе с проникновением преступных элементов из-за рубежа. Так, авторы соответствующего параграфа комментария к Уголовному кодексу ГДР 1968 г. Г. Фритцше и Г. Шмидт указывают, что установленное УК ГДР законоположение о применении уголовного закона ГДР к иностранцам, совершившим преступления вне пределов ГДР, в последние годы дало возможность пресечь поползновения лиц, совершивших преступления в капиталистических государствах, бежать из этих государств, особенно из Западного Берлина, в ГДР с целью избежать наказания за совершенные ими преступления⁸³.

Следует отметить, что принцип представительной компетенции закреплен в уголовном законодательстве многих социалис-

тических государств Европы, хотя в уголовно-правовой литературе зарубежных социалистических государств этот принцип не всегда выделяется в качестве самостоятельного, а охватывается универсальным и частично реальным принципами⁸⁴. В УК СРР положения, относящиеся к принципу представительной компетенции, даже обозначены как относящиеся к «принципу универсальности в уголовном законе»⁸⁵. Принцип представительной компетенции признан также уголовными кодексами ПНР (§§1 и 2 ст. 114), СФРЮ (ч. 2 ст. 94) и ВНР (п. а § 5).

Мы полагаем, что интересы охраны правопорядка в СССР в настоящее время не требуют внесения изменений в действующее советское уголовное законодательство в соответствии с положениями принципа представительной компетенции, хотя вопрос может быть обсужден с позиций принципа социалистического интернационализма. Нет оснований также считать принципиально неприемлемым для советского права применение уголовных законов принцип представительной компетенции в таком виде, в каком он сформулирован в проектах многосторонних конвенций по борьбе с автотранспортными преступлениями и обсуждается на международных конференциях, симпозиумах и семинарах с участием юристов социалистических государств. В последнем случае речь идет о наличии действительного, основанного на договоре, поручения, данного тем государством, на территории которого совершено автотранспортное преступление, тому государству, на территории которого постоянно проживает или временно находится лицо, совершившее это преступление, осуществить уголовную юрисдикцию на основании своих уголовных законов. Во-первых, такое поручение основано на ранее заключенном многостороннем или двустороннем соглашении на этот предмет; во-вторых, имеет место осуществление воли заинтересованного иностранного государства; в-третьих, речь идет о преступлениях, представляющих опасность для любого правопорядка, независимо от социально-политической системы государства; в-четвертых, рассматриваемые положения относятся к преступлениям, за которые в большинстве государств не предусмотрена выдача виновных иностранному государству для суда над ними и отбытия наказания.

В последнее время принцип представительной компетенции приобретает все большее значение, главным образом в связи с необходимостью пресечь дорожные происшествия. По своему характеру это те преступления, за которые виновные по общему правилу не подлежат выдаче; в то же время лица, совершившие эти преступления, зачастую оставляют место его совершения, не будучи там привлечены к ответственности и наказаны. Поэтому

обсуждается вопрос о внесении изменений в национальное уголовное законодательство с тем, чтобы каждое государство могло наказывать по своим уголовным законам возвратившегося в эту страну нарушителя правил безопасности движения и не дало бы ему возможности избежать уголовного преследования, даже если обстоятельства преступления не дают права на выдачу.

Защитниками принципа представительной компетенции в отношении транспортных преступлений предлагается установить действительно представительный порядок, основанный на соглашениях между отдельными государствами или международными конвенциях. Предполагается возбуждение ходатайства государством, где преступление было совершено, перед государством, где преступник проживает или находится, об уголовном преследовании и наказании по законам этого государства.

Как положительное явление отмечается, что принцип представительной компетенции даст также возможность избежать вторичного наказания своих граждан за то же преступление⁸⁶.

На УП конгрессе Академии сравнительного права в 1966 г. в Упсале отмечалось, что значение принципа представительной компетенции будет возрастать⁸⁷. Решение вопроса об ответственности лиц, совершивших транспортные преступления за границей, становится все более актуальным, поэтому ему уделяется все большее внимание в иностранных периодических изданиях⁸⁸. На международном коллоквиуме, состоявшемся в Дубровниках с 9—13 сентября 1971 г., темой обсуждения была также унификация ответственности за автотранспортные преступления⁸⁹.

В настоящее время к преступлениям, в борьбе с которыми ощущается большая необходимость в правовой помощи иностранных государств, прежде всего относят нарушение безопасности движения автотранспорта, но не исключено, что потребность во взаимопомощи возникнет и в целях предотвращения других правонарушений.

Не подлежит сомнению, что Союз ССР может заключать соглашения с иностранными государствами на условиях взаимности (причем, не только с социалистическими, но и с капиталистическими) о преследовании и предании суду по просьбе заинтересованного государства лиц, находящихся в СССР, и виновных в совершении определенной категории преступлений.

Осуществление принципа представительной компетенции, основанного на соглашениях между государствами, не противоречит советскому праву применения уголовных законов, поэтому для его осуществления в СССР не требуется даже внесения изменений в действующее уголовное законодательство.

Глава III

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ПРЕДЕЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ СОЮЗА ССР

Установление пределов действия советского уголовного закона в пространстве, в особенности последовательное осуществление территориального принципа, требует четкого определения понятия государственной территории Союза ССР и государственной территории союзной республики и столь же четкого определения состава государственной территории.

Под территорией государства современное международное право понимает находящуюся под суверенитетом данного государства часть земного шара, которая включает сушу и воды с их недрами в пределах государственной границы и воздушное пространство над ними¹. В целях установления пределов действия советского уголовного закона необходимо не только выяснить, что следует понимать под территорией Советского государства, но также определить, на какие принадлежащие Союзу ССР объекты вне его пределов распространяются советские уголовные законы, при каких условиях и на каком основании должны они применяться.

1. Сухопутная и водная территория Союза ССР и его недр

А. Сухопутная территория государства включает пространство суши в пределах государственных границ, в том числе и разобщенные части территории, какими являются островные владения и анклав. К сухопутной территории Советского Союза относятся все земли в пределах границ Советского Союза, в том числе земли и острова, находящиеся в пределах полярного сектора Советского Союза в Арктике, так же как и постоянные ледяные поля, припаянные к берегу².

За все преступления, совершенные на сухопутной территории Советского Союза, все лица отвечают по советским законам, а вопрос об ответственности иностранцев, обладающих

дипломатическим иммунитетом, и приравненных к ним лиц решается дипломатическим путем.

Б. Понятием «территория Союза ССР» охватывается также водное пространство — акватория, включающая внутренние воды в пределах границ Союза ССР (так называемые национальные воды) и береговые воды (так называемые территориальные воды, территориальное море).

К внутренним (национальным) водам Союза ССР относятся все находящиеся на территории СССР в пределах государственных границ реки, каналы и озера, моря, как ограниченные со всех сторон сушей, составляющей только территорию СССР (Аральское), так и соединенные проливами с другим морем (Азовское) или океаном (Белое), но берега которых составляют территорию только СССР, те заливы и бухты, берега которых принадлежат Советскому государству, а также воды заливов, бухт, губ и лиманов, морей и проливов, исторически принадлежащих Союзу ССР³. К внутренним водам принадлежат и воды морских портов⁴.

Таким образом, внутренними морскими водами являются, помимо внутренних морей, все морские воды, расположенные в сторону берега от линии, от которой отмеряется ширина территориальных вод данного государства, т. е. части моря, лежащие между берегом и исходной линией территориальных вод⁵.

Режим внутренних вод Советского государства, как и любого прибрежного государства, регулируется только законами Советского Союза. Вопросы уголовной юрисдикции наиболее актуальны в отношении портов. Уголовная юрисдикция осуществляется преимущественно в портах, где иностранные суда вступают в непосредственный контакт с властями прибрежного государства⁶.

На иностранные военные корабли, зашедшие в советские внутренние воды на основании предварительного разрешения, полученного дипломатическим путем, как и на военные корабли, на борту которых находятся главы государств или главы дипломатических представительств, аккредитованные при правительстве СССР, а также на военные корабли, заход которых в воды СССР вызван стихийной причиной, советская юрисдикция не распространяется.

Иностранные невоенные суда имеют право заходить только в порты СССР, открытые для иностранных судов при условии соблюдения законов, специальных правил и инструкций Союза ССР и союзных республик. Вопросы захода иностранных торговых судов в советские порты регулируются также заключенными Советским Союзом договорами о торговле и мореплавании.

Общепризнанного международного соглашения, которое бы регулировало все вопросы, относящиеся к правовому режиму судов во внутренних водах и в портах иностранного государства, нет⁷.

Вопросы правового положения торговых судов в иностранных портах, в том числе и вопросы уголовной юрисдикции прибрежного государства, разрабатываются Международным морским комитетом в целях принятия специальной конвенции⁸.

Исходя из государственного суверенитета на внутренние воды, советское законодательство признает как общее правило неограниченную гражданскую и уголовную юрисдикцию Советского Союза в своих внутренних водах, в том числе во внутренних морских водах и портах. Это положение в советской науке уголовного права⁹, как и в советской науке международного права¹⁰, является бесспорным.

Ю. Х. Джавад справедливо указывает на существенную разницу между тем, совершает ли иностранное судно просто мирный проход через территориальные воды, или оно заходит и в его внутренние воды и порты, вступая в непосредственное соприкосновение с берегом¹¹. Комиссия международного права указала на то обстоятельство, что соприкосновение какого-либо судна с сушей, то ли потому, что оно стояло на якоре в порту, то ли потому, что оно принимало пассажиров, усиливает права прибрежного государства в вопросах юрисдикции¹².

Однако, хотя формально все преступления, совершенные любым иностранцем в прибрежных водах государства, могут рассматриваться как подпадающие под его юрисдикцию так же, как если бы они были совершены на его сухопутной территории, обычно власти прибрежного государства воздерживаются от осуществления уголовной юрисдикции в отношении иностранных торговых судов в тех случаях, когда преступления, совершенные на борту иностранного торгового судна, не посягают на интересы прибрежного государства, не нарушают общественного спокойствия или порядка в порту, не затрагивают интересов лиц, не принадлежащих к составу судового экипажа данного судна. Практикой морских государств в этих случаях признается, что и во внутренних водах внутренний распорядок на иностранном судне регулируется законами и правилами страны, флаг которой несет судно¹³. Отдельные государства ограничивают свою уголовную юрисдикцию в отношении иностранных торговых судов в портах как в своем внутреннем законодательстве, так в двухсторонних торговых договорах или консульских конвенциях. Таким образом, суверенитет прибрежного государства не исключает его права ограничить свою уголовную юрис-

дикцию в портах в отношении иностранных торговых или иных судов¹⁴.

Обычно советские портовые и иные компетентные власти воздерживаются в соответствии с международной практикой от вмешательства в деятельность иностранного корабля, если только совершенное на его борту преступление не направлено против Советского государства или его граждан, не угрожает безопасности СССР, общественному порядку, не повлекло и не могло повлечь наступление последствий на территории СССР.

Вопрос о том, что понимать под преступлениями, последствия которых наступили или могли наступить вне судна, решается различно. А. Т. Уусталь к преступлениям, последствия которых имеют место вне пределов судна, относит все совершенные на иностранном торговом судне тяжкие преступления — убийство, тяжкие телесные повреждения и т. п., хотя бы они и были совершены одним членом экипажа против другого члена экипажа того же судна¹⁵. Это положение не бесспорно.

Ю. Х. Джавад отмечает, что местные суды или иные органы власти не должны осуществлять уголовную юрисдикцию и вмешательство в отношении преступлений и правонарушений, совершенных на борту иностранного судна, если они не нарушают законы и правопорядок, общественное спокойствие и безопасность в порту, интересы учреждений и граждан прибрежного государства. При этом он подчеркивает, что вопрос о том, в каких случаях на практике местные компетентные органы могут осуществить уголовную юрисдикцию в отношении преступлений и правонарушений, совершенных на иностранном судне, решается только самим прибрежным государством¹⁶. С таким толкованием вопроса об уголовной юрисдикции во внутренних водах и в акватории портов Союза ССР следует полностью согласиться. Ю. Х. Джавад по существу предлагает отказаться от осуществления уголовной юрисдикции, когда социалистическим общественным отношениям не причиняется и не может быть причинен ущерб. В таком плане решены вопросы осуществления уголовной юрисдикции в портах в некоторых двухсторонних договорах, заключенных Союзом ССР с другими странами¹⁷.

В постановлении СНК РСФСР от 24 мая 1927 г. «О производстве арестов на иностранных торговых судах» установлено, что «надлежащие власти РСФСР имеют право производить на иностранных торговых судах аресты преступников лишь в тех случаях, если преступления совершены или полностью или отчасти на берегу, или когда последствия этих преступлений могут вызвать серьезные осложнения на берегу»¹⁸. В этом же по-

ставлении предусмотрено право капитана иностранного судна обращаться к местным властям порта с просьбой привлечь к ответственности преступников в случае совершения на судне преступления¹⁹.

В советской науке уголовного права, как и в науке международного права, не вызывает сомнений положение о том, что советской уголовной юрисдикции должны подлежать также преступления, потерпевшими от которых являются члены экипажа иностранного судна, обратившиеся за помощью к советским властям, независимо от того, является ли содеянное на борту судна уголовно наказуемым также и по законодательству государства флага судна.

В отличие от буржуазных государств, осуществление советскими судами уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на иностранных морских торговых судах, находящихся в советских портах, направлено в частности на защиту трудящихся от самоуправства и грубого произвола администрации иностранных торговых судов. Советские ученые осуждают позицию тех буржуазных государств, которые не признают права потерпевшего лица-члена экипажа иностранного торгового судна обращаться к властям прибрежного государства с требованием о привлечении к ответственности лица, совершившего в отношении него преступление, и отвергают в этих случаях уголовную юрисдикцию прибрежных государств²⁰.

В. Понятием «водная территория Советского государства» охватываются, кроме внутренних вод, также советские территориальные воды (территориальное море) — морская полоса вдоль побережья СССР, которая также всецело находится под советским государственным суверенитетом. СССР всегда признавал и признает суверенитет любого прибрежного государства в своих территориальных водах. Общеизвестно право и необходимость создания прибрежным государством такого режима в своих территориальных водах, который полностью обеспечивал бы безопасность прибрежного государства и соблюдение его экономических интересов. Это право может быть ограничено только общепризнанными нормами международного права и заключенными равноправными международными договорами²¹.

Некоторая часть буржуазных ученых до недавнего времени отрицала суверенитет прибрежного государства на территориальные воды или существенно его ограничивала²². Однако попытки отрицать или ограничить суверенитет государства над территориальным морем потерпели крах; современное между-

народное право опирается на признание суверенитета прибрежных государств в территориальном море²³.

Советскими территориальными водами являются морские воды (территориальное море) шириной в 12 морских миль, исчисляемых от линии наибольшего отлива как на материке, так и вокруг островов или от линии внешнего предела внутренних морских вод Союза ССР²⁴. В отдельных случаях, установленных в одностороннем порядке или соглашениями Союза ССР с другими государствами, ширина территориальных вод может быть и иной, однако не превышающей 12 морских миль.

Линия внешнего предела территориальных вод является государственной границей СССР на море.

Режим территориальных вод Союза ССР регулируется законодательством Союза ССР и международными соглашениями, в частности уже упомянутой Конвенцией о территориальном море и прилежащей зоне, принятой в 1958 г., а также равноправными двусторонними соглашениями. Особенностью правового режима территориальных вод (в отличие от внутренних) является право мирного прохода через эти воды судов всех государств, как прибрежных, так и неприбрежных, т. е. плавание этих судов через территориальное море с целью или пересечь его, не заходя во внутренние воды, или пройти во внутренние воды, или из внутренних вод в открытое море, не нарушая мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства и соблюдая законы и правила, издаваемые прибрежным государством в соответствии с нормами международного права. Это положение о мирном проходе иностранных судов через территориальные морские воды записано в Конвенции о территориальном море. Однако империалистические государства нередко нарушают нормы международного права и совершают преступления в территориальных водах других государств²⁵.

Вопросы мирного прохода иностранных судов через территориальные воды Союза ССР регламентированы в настоящее время Положением об охране государственных границ СССР²⁶. Конвенция о территориальном море проход иностранных рыболовных судов не считает мирным, если они не соблюдают законов и правил, изданных и опубликованных прибрежным государством с целью запрещения этим судам заниматься рыболовством в территориальном море, а советское законодательство запрещает иностранным судам производство морского промысла (лов рыбы, крабов, бой морского зверя и любой другой промысел) в территориальных и внутренних морских водах Союза ССР при отсутствии специального соглашения Союза ССР с соответствующими государствами²⁷. Иностранные суда, зани-

мающиеся морским промыслом в территориальных водах Советского Союза без соответствующего разрешения или при наличии соответствующего разрешения на морской промысел, но производящие его с нарушением установленных правил, подлежат задержанию, а лица, виновные в этом, привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик²⁸. За незаконный промысел котиков и бобров, за незаконное занятие рыбными др. водными добывающими промыслами предусмотрена уголовная ответственность ст.ст. 163 и 164 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

Необходимость применения уголовного законодательства прибрежного государства возникает также в случаях столкновения судов в территориальных водах. Этот вопрос специально не регламентирован в действующем уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик; отсутствует и указание на его регламентацию в Кодексе торгового мореплавания Союза ССР, хотя последний досконально регламентирует вопросы гражданской ответственности²⁹. Поэтому в данном случае вопрос о применении уголовного законодательства должен быть решен, исходя из общих положений советского законодательства об ответственности любого лица за преступления, совершенные им в пределах территории Союза ССР. К лицам, виновным в столкновении судов в советских территориальных водах, применяются советские уголовные законы. Только военные корабли не подчиняются юрисдикции прибрежного государства. Иммунитетом в территориальных водах пользуются также иностранные государственные торговые суда, однако, в отличие от военных кораблей, по отношению к лицам, находящимся на борту этих судов, прибрежные государства могут, в некоторых случаях, осуществлять уголовную юрисдикцию³⁰.

В соответствии с Женевской конвенцией о территориальном море уголовная юрисдикция прибрежного государства не осуществляется на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с преступлением, совершенным на борту судна во время его прохода. Исключение из этого общего правила предусмотрено в следующих случаях: 1) если последствия преступления распространяются на прибрежное государство, 2) если совершенное преступление такого рода, что им нарушается спокойствие в стране или добрый порядок в территориальном море, 3) если капитан судна или консул страны, под флагом которой плавает это судно, обратился к местным властям с просьбой об оказании помощи, 4) если это является

необходимым для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами³¹.

Однако в соответствии с Женевской конвенцией прибрежное государство не связано ни с какими ограничениями в осуществлении уголовной юрисдикции по своим законам для ареста лиц или расследования преступления на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море после выхода из внутренних вод, а также если судно стоит в территориальных водах на якоре³².

Таким образом, преступления, совершенные на борту иностранного невоенного судна в территориальных водах, равно как и во время прохода через них, считаются совершенными на территории прибрежного государства. Однако советские ученые в области международного права указывают, что на практике возникают значительные затруднения при осуществлении уголовной юрисдикции в отношении иностранных судов, проходящих через территориальные воды. Во-первых, указывается, что последовательное осуществление территориального принципа ответственности в территориальных водах может отрицательно отразиться на интересах международного судоходства, так как в связи с проведением следственных действий может возникнуть необходимость в задержке судна, а это, в свою очередь, может повлечь причинение ущерба судовладельцам, фрахтователям и иным лицам, не связанным с совершенным преступлением, причем этот ущерб может быть значительным. Таким образом, под удар ставятся интересы международного судоходства³³. Во-вторых, отмечается, что во время прохода через территориальные воды на иностранном судне может быть совершено преступление одним членом экипажа против другого члена экипажа, о котором власти прибрежного государства даже не узнают. Поэтому указывается на недостаточную эффективность борьбы с преступлениями, совершенными на иностранных судах во время их прохода через территориальные воды.

Комиссия международного права в своих комментариях к ст. 19 Конвенции специально отметила, что нельзя стеснять судоходство арестом какого-либо лица, совершившего незначительное преступление на суше, если в связи с этим надо остановить уходящий лайнер. Судебным властям прибрежного государства предлагается воздержаться, по возможности, от ареста старших лиц судового экипажа или лиц, принадлежащих к судовой команде, если отсутствие этих лиц делает невозможным продолжение пути³⁴.

Этими соображениями обосновывается необходимость того, чтобы прибрежные государства сами своим внутренним законо-

дательством или равноправными международными договорами ограничивали свою уголовную юрисдикцию в отношении проходящих через территориальные воды иностранных торговых судов³⁵.

Как указывает А. Т. Уусталь, Советский Союз в своей практике в интересах международного судоходства отказался от расследования мелких правонарушений, а также от расследования совершенных на борту иностранного судна преступлений, результаты которых не выходят за пределы судна³⁶.

Большинство государств также пошло по пути ограничения своей уголовной юрисдикции в отношении проходящих через территориальные воды иностранных торговых судов, если последствия преступления не выходят за пределы судна, преступление не посягает на безопасность прибрежного государства и установленный прибрежным государством правопорядок в территориальных водах, и если капитан судна или консул государства флага судна не просят помощи властей прибрежного государства.

Во всех случаях, когда преступление направлено против прибрежного государства или его граждан, как и других лиц, не находящихся на борту проходящего судна, или против государственной или личной собственности, когда нарушается установленный прибрежным государством правопорядок в территориальном море, нарушается безопасность движения судов, не выполняются установленные прибрежным государством правила, прибрежное государство осуществляет свою уголовную юрисдикцию. Так же решены вопросы уголовной юрисдикции и в двухсторонних соглашениях между Союзом ССР и другими странами³⁷.

Уголовная юрисдикция прибрежного государства не применяется к преступлениям, совершенным на борту иностранного судна до его входа в территориальные воды прибрежного государства, если это судно только проходит через его территориальные воды³⁸.

Г. Недра всех сухопутных и водных пространств в пределах государственных границ Союза ССР — его великое национальное достояние — являются составной частью территории Советского Союза.

В Положении об охране государственной границы Союза ССР говорится, что вертикальная поверхность, проходящая по линии, определяющей пределы сухопутной и водной территории Союза ССР, является границей недр Союза ССР³⁹.

Следует отметить, что никаких ограничений глубины недр, являющихся территорией Советского Союза, не существует.

В литературе по международному праву указывается, что «теоретически права государства могут распространяться в пределах сегмента земного шара, вершина которого находится в центре планеты, а осьювого которого является земная поверхность в пределах государственных границ»⁴⁰. Практически территорией государства являются недра суши и водной территории на технически доступной глубине. Вопрос о принадлежности недр национальных и территориальных вод прибрежного государства в современном международном праве не вызывает споров: недра дна национальных и территориальных вод находятся под исключительным суверенитетом прибрежного государства.

Наличие права государственной собственности на землю, воды и недра и осуществление государством в полном объеме владения через свои органы создает все необходимые предпосылки для того, чтобы природные богатства использовались разумно в интересах ныне живущих людей и будущих поколений. В решении этой важной народнохозяйственной задачи огромную роль должно сыграть советское право, в том числе и советское уголовное право⁴¹. Охране недр земли служит законодательство об охране природы, горное положение и целый ряд подзаконных актов⁴². Уголовное законодательство всех союзных республик предусматривает ответственность должностных лиц за нарушение правил разработки недр в результате злоупотребления служебным положением или должностной халатности, а уголовное законодательство некоторых союзных республик, кроме того, еще и за нарушение правил разработки недр в результате безхозяйственности. Уголовные кодексы многих союзных республик предусматривают уголовную ответственность за нарушение отдельными гражданами правил сдачи государству добытого ими из недр земли золота или других металлов или драгоценных камней (ст. 182 УК ГрузССР, ст. 169 УК КиргССР, ст. 179 УК ТаджССР, ст. 172 УК АрмССР), а УК РСФСР, кроме того, предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил разработки недр (ст. 167 УК РСФСР). Уголовные кодексы остальных союзных республик соответствующих норм в своем законодательстве не предусмотрели.

Хотя Горное положение Союза ССР, как и Закон об охране природы, предусматривает целый ряд мероприятий по охране недр, ныне действующее законодательство в этой области нуждается в совершенствовании.

Из сказанного следует, что на всю сухопутную и водную территорию Союза ССР и его недра распространяется действие

уголовных законов Союза ССР и соответствующих союзных республик. Государственная граница является пределом действия советских уголовных законов; за государственной границей Союза ССР советские уголовные законы, кроме объектов и зон, на которые распространяется советская уголовная юрисдикция, не действует. Режим самой государственной границы устанавливается законодательством Союза ССР и соглашениями Союза ССР с сопредельными государствами. Пропуск лиц через государственную сухопутную и водную границу Союза ССР разрешается только при наличии установленных и надлежащим образом оформленных документов на право въезда в пределы Союза ССР или выезда из Союза ССР и производится в местах расположения контрольно-пропускных пунктов пограничных войск. Пропуск через государственную границу СССР грузов, иного имущества и ценностей производится таможенными учреждениями в соответствии с Таможенным Кодексом Союза ССР. Транспортные средства пропускаются через границу на пограничных контрольно-пропускных пунктах.

За выезд за границу, въезд в СССР или переход границы без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей, а также с нарушением установленного порядка ст. 20 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. и соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик предусмотрена уголовная ответственность.

Всемерная охрана неприкосновенности сухопутных и водных границ Союза ССР и установленного на границах правопорядка служит укреплению могущества Советского государства, его общественного и государственного строя, благополучию советского народа.

2. Воздушная территория Советского Союза

Под воздушной территорией СССР понимается воздушное пространство над сухопутной и водной территорией Союза ССР, в том числе над территориальными водами, определенными законодательством СССР и международными договорами, заключенными Союзом ССР. Границей воздушного пространства между СССР и другими государствами является вертикальная поверхность, проходящая по линии, определяющей пределы сухопутной и водной территории Союза ССР.

Суверенитет государства в отношении воздушного пространства в пределах своих границ признает законодательство всех государств. В настоящее время это установленная норма международного права, нашедшая отражение в Пражской воз-

душной конвенции 1919 г. и многосторонней Чикагской конвенции о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. В ст. I Чикагской конвенции, в которой Советский Союз участвует с 1970 г.⁴⁴, записано, что «договаривающиеся государства признают, что каждое государство имеет полный и исключительный суверенитет в отношении воздушного пространства над его территорией»⁴⁵. Права на воздушное пространство признаются участниками Чикагской конвенции за любым государством, в том числе и государством, не присоединившимся к конвенции.

В ст. I Воздушного кодекса Союза ССР записано, что «Союзу ССР принадлежит полный и исключительный суверенитет над воздушным пространством СССР»⁴⁶.

Советская наука международного права, обосновывая суверенитет государства в воздушном пространстве над сухопутной и водной территорией, делит вытекающие из этого суверенитета права на три основные группы: 1) права, относящиеся к регулированию воздушных передвижений в пределах государственной территории; 2) права, относящиеся к регулированию коммерческой деятельности авиапредприятий; 3) права, относящиеся к осуществлению административной, гражданской, уголовной и иной юрисдикции по отношению к воздушным судам, их экипажам и находящимся на этих судах пассажирам, грузам и почте⁴⁷.

Суверенитет государства в отношении воздушного пространства включает право государства устанавливать такой режим в своем воздушном пространстве, который соответствует его интересам, и решать, какие деяния нарушают этот режим. Эти вопросы регламентируются национальным законодательством государств⁴⁸. Национальное законодательство устанавливает и меры государственного принуждения, которые применяются к лицам, нарушившим требования существующего режима⁴⁹.

Нижней границей воздушного пространства является поверхность земли, вопрос же о высотном пределе государственного суверенитета не установлен ни законодательством государств, в том числе и законодательством СССР, ни международными соглашениями. Справедливо утверждение А. Н. Верецагина, что если Воздушный кодекс СССР, установивший принцип суверенитета на воздушное пространство, не определил границы этого пространства, то объявленный этим законом суверенитет распространяется на все воздушное пространство, как бы высоко оно ни простиралось. Таким образом, суверенитет государства простирается до верхней естественной границы воздушного пространства⁵⁰.

Этот вопрос является весьма существенным не только для международного права, но и для советского уголовного права: при решении спорных вопросов уголовной юрисдикции. Конкретно он встал перед уголовной юрисдикцией в связи с нарушением пилотом американского самолета У-2 Гарри Пауэрсом неприкосновенности советской территории и шпионажем в советском воздушном пространстве. За совершенные преступления в воздушном пространстве Советского Союза Пауэрс был привлечен к уголовной ответственности в Советском Союзе и понес наказание, назначенное советским судом в соответствии с советским законодательством⁵¹. В советской литературе по международному праву, как и в литературе по уголовному праву, вопрос об обосновании законности привлечения пилота американского самолета У-2 к уголовной ответственности по советским законам не являлся спорным. Мнения всех авторов сходились, что, поскольку самолет У-2 является таким летательным аппаратом, который может летать только в воздушном пространстве, полет над территорией СССР осуществлялся в пределах воздушного пространства СССР⁵². Право осуществления уголовной юрисдикции проистекает из государственного суверенитета на воздушное пространство. С точки зрения определения пространственных пределов уголовной юрисдикции государства в воздушном пространстве, следует отстаивать наиболее высокие (в буквальном смысле слова) границы установления государственного суверенитета, чтобы наилучшим образом обеспечить безопасность государства. Поэтому высотный предел воздушного пространства, на который распространяется государственный суверенитет, может быть ограничен только пределами самого воздушного пространства⁵³.

Надо отметить, что в литературе по международному праву, в том числе и в советской литературе, высказаны различные точки зрения по вопросу о верхней границе государственного воздушного пространства, на который распространяется государственный суверенитет⁵⁴.

В. Г. Эмин, посвятивший специальное исследование проблеме высотного предела государственного суверенитета, исходя из своей концепции о том, что сущность воздушного суверенитета государств в реальной действительности проявляется в совокупности осуществляемых данным государством полных и исключительных прав по регулированию всей воздушной деятельности над своей территорией в интересах обеспечения своих суверенных экономических, военных, политических, идеологических и культурных интересов, обеспечения транспортной безопасности над своей территорией и безопасности своего населения,

пришел к выводу, что высший предел эффективного использования аэродинамической подъемной силы (40—60 км) должен рассматриваться в качестве высотного предела воздушного пространства⁵⁵.

В настоящее время советские ученые, занимающиеся исследованием данной проблемы, несмотря на различные мнения относительно высотной границы государственного суверенитета, сходятся на том, что высотная граница государственного суверенитета в воздушном пространстве должна быть установлена выше потолка полетов обычных самолетов⁵⁶. Чтобы свести к минимуму возможность использования космического пространства в ущерб другим государствам мира, советские ученые предлагают установить в договорном порядке минимальную высоту снижения иностранных космических аппаратов в надземном пространстве над территориями других государств⁵⁷.

Режим воздушного пространства Советского Союза определяется Воздушным кодексом Союза ССР⁵⁸ и международными конвенциями, участником которых является Советский Союз.

Воздушный кодекс определяет порядок деятельности гражданской авиации и гражданского воздухоплавания в целях охраны интересов государства, обеспечения безопасности полетов воздушных судов и удовлетворения потребностей народного хозяйства Советского Союза и его граждан; устанавливает требования, предъявляемые к гражданским воздушным судам и экипажу воздушного судна, а также к полетам в воздушном пространстве СССР и международным полетам; регламентирует деятельность аэродромов и аэропортов по обслуживанию воздушных судов, воздушные перевозки пассажиров, багажа, грузов и почты. Воздушный кодекс Союза ССР устанавливает также права и обязанности экипажа воздушного судна, в том числе право командира воздушного судна, находящегося в полете, применять все необходимые меры к лицам, которые своими действиями создают угрозу безопасности полета и не подчиняются его распоряжениям. Эти лица по прибытии воздушного судна в ближайший аэропорт могут быть удалены с судна, а в случае совершения преступления — передаются соответствующим органам власти.

Как правильно отметил А. Н. Верещагин, применение государством уголовных санкций, предусмотренных соответствующими национальными законами, к лицам, нарушившим режим воздушного пространства данного государства, имеет целью обеспечение политических и экономических интересов государства, интересов государственной безопасности, а также безопас-

ности воздушных передвижений в своем воздушном пространстве⁵⁹.

В отличие от режима территориального моря, современное международное право не признает права «мирного пролета» воздушных судов или иных летательных аппаратов над иностранными территориальными водами, т. е. пролета без специального разрешения государства, осуществляющего суверенитет над этим пространством или без наличия специального соглашения.

Вопросы уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту иностранного судна, находящегося в воздушном пространстве Союза ССР, специально не регламентированы ни советским уголовным законодательством, ни Воздушным кодексом Союза ССР. Поэтому при решении этого вопроса следует исходить из общего территориального принципа действия советского уголовного закона в пространстве. Преступления, совершенные на летательном аппарате в воздушном пространстве Союза ССР, должны быть признаны совершенными на территории Советского Союза, независимо от того, кому принадлежат эти летательные аппараты и кто совершил преступление — гражданин СССР, иностранец или лицо без гражданства. Это положение вытекает из Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые в ст. 4 не предусматривают никаких исключений из общего правила.

Современное международное воздушное право признает уголовную юрисдикцию наземного государства над преступлениями, совершенными на борту иностранного воздушного судна, причинившими ущерб этому государству или его интересам и нарушившими установленный режим в его воздушном пространстве. Так, принятая 14 сентября 1963 г. в Токио Конвенция о правонарушениях и других определенных актах, совершенных на борту воздушного судна⁶⁰, установила конкурирующую уголовную юрисдикцию двух государств: государства регистрации судна и государства, в воздушном пространстве которого совершено преступление, не устанавливая при этом системы приоритета⁶¹.

Наряду с уголовной юрисдикцией государства регистрации воздушного судна, Конвенцией признавалась такая же компетенция за тем государством, в воздушном пространстве которого совершено преступление на борту иностранного гражданского судна: а) если это преступление повлекло последствия на территории данного государства; б) преступление было совершено гражданином или постоянным жителем данного государства или против них; в) преступление было направлено против безопасности данного государства; г) преступление заклю-

чается в нарушении действующих в данном государстве правил или норм относительно полетов или маневрирования воздушных судов; д) осуществление юрисдикции необходимо для обеспечения соблюдения каких-либо обязанностей данного государства по многосторонним международным соглашениям (ст.ст. 3 и 4)⁶².

При обсуждении проекта Конвенции были выдвинуты различные предложения по упорядочению вопроса очередности в реализации уголовной юрисдикции заинтересованными государствами⁶³, однако эти предложения вообще не нашли отражения в Токийской конвенции. Советский Союз не подписал Токийской конвенции⁶⁴, однако ее положения имеют большое значение для развития национального законодательства подписавших ее государств, а поэтому не могут быть безразличны для СССР.

Второй конвенцией, имеющей большое значение для определения уголовной юрисдикции в отношении воздушного судна, на борту которого совершено преступление, является Гагская конвенция от 16 декабря 1970 г. «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов»⁶⁵. В соответствии с этой конвенцией 3 января 1973 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за угон воздушного судна»⁶⁶. В преамбуле к Указу сказано, что он принят в целях повышения безопасности полетов на внутренних и международных линиях, усиления охраны жизни и здоровья пассажиров и членов экипажей воздушных судов. Указ предусматривает строгое наказание за угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете, и повышает наказание за угон воздушного судна или захват такого судна с целью угона, совершенные с применением насилия или угроз, либо повлекшие аварию воздушного судна или иные тяжкие последствия. Наиболее суровое наказание — лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертная казнь с конфискацией имущества — предусмотрено за угон или захват воздушного судна, повлекшие гибель людей или причинение тяжких телесных повреждений. Этот закон может быть применен ко всем лицам, совершившим данное преступление в пределах территории Советского Союза, в том числе и к иностранцам, независимо от того, совершен угон или захват советского или иностранного воздушного судна (если иностранец, совершивший угон иностранного воздушного судна, не может быть выдан государству регистрации судна⁶⁷).

Хотя Гагская конвенция 1970 г. (в отличие от Токийской конвенции 1963 г.) не указывает на то, что судебная юрисдикция устанавливается государством, на территории которого совершено преступление, она и не исключает права этого госу-

дарства осуществлять уголовную юрисдикцию, так как в соответствии с пунктом 3 ст. 4 не исключает осуществления любой уголовной юрисдикции в соответствии с национальным законодательством.

В целях обеспечения безопасности гражданского воздушного транспорта от преступных действий, на конференции, проходившей в Монреале с 8 по 23 сентября 1971 г., была выработана конвенция, обеспечивающая эффективную совместную борьбу государств мира с любыми актами, нарушающими регулярную и безопасную эксплуатацию воздушного транспорта⁶⁸. Конвенция содержит исчерпывающий перечень составов преступлений, посягающих на регулярную и безопасную эксплуатацию воздушного транспорта⁶⁹. Монреальская конвенция, так же как и предыдущие, признала конкурирующую юрисдикцию, предусмотрев несколько случаев, когда государства — участники конвенции должны установить свою юрисдикцию над преступлением, совершенным на борту судна. Не устранена конкурирующая юрисдикция, но признана юрисдикция государства, на территории которого совершено преступление (подпункт «а» пункта 1 ст. 5). Кроме того, Монреальская конвенция не исключает осуществления любой уголовной юрисдикции в соответствии с национальным законодательством (пункт 3 ст. 5).

Уголовной юрисдикции Советского Союза подлежат, кроме перечисленных, и другие преступления, совершенные на борту любого воздушного судна, в том числе и на борту иностранного воздушного судна в воздушном пространстве Советского государства; посягающие на безопасность гражданской авиации или угрожающие безопасности экипажа, отдельных граждан или имущественным интересам государства и граждан. Это положение вытекает не только из действующего советского права применения уголовных законов, но и из международных конвенций. Таким образом, уголовная юрисдикция Союза ССР может быть осуществлена над любым преступлением, совершенным на борту иностранного судна в воздушном пространстве Советского Союза.

Однако из государственного суверенитета на воздушное пространство вытекает также право государства по своему усмотрению устанавливать пределы уголовной юрисдикции в отношении иностранных воздушных судов, на борту которых совершено преступление, не повлекшее вредных последствий для данного государства и не нарушившее режим его воздушного пространства. Государство может на основании своего национального законодательства в некоторых случаях отказаться от осуществления своей уголовной юрисдикции.

Этот вопрос в уголовном и в воздушном законодательстве зарубежных социалистических и капиталистических государств решен различно. Так, Франция, например, установила в своем Воздушном кодексе от 31 мая 1924 г. и в Авиационном кодексе от 30 сентября 1955 г., что французские уголовные законы применяются ко всем случаям совершения преступления на борту любого (в том числе и иностранного) воздушного судна, если совершивший преступление или потерпевший от преступления являются французскими гражданами и если воздушное судно после совершения преступления на его борту приземлилось на французской территории⁷⁰. Так же решен вопрос о национальной уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными в национальном воздушном пространстве на борту иностранного воздушного судна и в других государствах.

В советской науке международного права господствующим является мнение о том, что право преимущественной юрисдикции должно принадлежать наиболее заинтересованному государству, а в случае совершения преступления на борту воздушных судов такое право должно принадлежать государству регистрации воздушного судна⁷¹. Такое же мнение высказано учеными зарубежных социалистических государств⁷².

Советским же законодательством никаких ограничений в осуществлении уголовной юрисдикции в воздушном пространстве своего государства не предусмотрено. Это, конечно, не означает, что Советское государство не может отказаться от своих прав на осуществление уголовной юрисдикции в тех случаях, когда компетентные органы власти придут к выводу, что совершение в воздушном пространстве Союза ССР иностранцем на иностранном воздушном судне преступление не посягает на интересы Советского государства и его граждан. Следует учесть также, что, если иностранный самолет совершает беспосадочный пролет, а иногда и в других случаях, почти невозможно установить сам факт совершения преступления на борту, если это преступление не имело последствий вне судна и командир судна не обратился к наземным властям с просьбой о помощи.

Таким образом, на все воздушное пространство СССР, как и на его сушу, воды и недра, распространяется действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик. Воздушные границы СССР неприкосновенны так же, как и сухопутные и морские.

Воздушное судно, совершающее международный полет с территории СССР или на территорию СССР, обязано произвести посадку в указанном ему аэропорту для таможенного досмотра и паспортного контроля, если ему не дано специального разре-

шения на беспосадочный пролет через территорию СССР, ибо на воздушные суда, их экипажи, пассажиров, прибывающих в СССР или отбывающих из СССР, и имущество, ввозимое в СССР или вывозимое из СССР на воздушных судах, распространяется действие соответственно паспортных, таможенных, валютных, санитарных, карантинных и других правил о въезде, выезде, а также ввозе и вывозе имущества из-за границы и за границу и транзите через территорию СССР.

Воздушные суда всех типов пересекают границу только в установленных местах — воздушных воротах. Вылет всех воздушных судов с территории Союза ССР, а также посадка их после пересечения государственной границы при влете в пределы Союза ССР разрешается лишь на аэродромах, где имеются контрольно-пропускные пункты. Иной порядок перелета и посадки воздушных судов допускается только по специальным разрешениям компетентных органов.

Положение об охране государственной границы Союза ССР признает нарушителями государственной границы СССР лиц, перелетевших границу или пытавшихся перелететь границу в не установленных для перелета пунктах или хотя бы через установленные пункты, но незаконным способом, а также воздушные суда, пересекающие границу воздушного пространства Союза ССР, если они не имеют разрешения компетентных советских органов на перелет границы и полет над сухопутной или водной территорией Союза ССР или в неустановленном месте, или с нарушением высоты полета.

За нарушение правил международных полетов — влет в СССР и вылет из СССР — без установленного разрешения, несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полетов и иное нарушение упомянутых правил (ст. 21 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) предусмотрена строгая уголовная ответственность.

Глава IV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК НА ОБЪЕКТЫ И ЗОНЫ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ СОЮЗА ССР

1. Общая характеристика и классификация объектов и зон вне пределов Союза ССР, на которые распространяется советское уголовное законодательство

Уголовная юрисдикция Союза ССР и сфера применения советского уголовного закона, как уже было сказано, охватывают всю территорию Союза ССР и, как правило, не распространяются за ее пределы. Но поскольку имеются территории, не находящиеся под суверенитетом какого-либо государства, открытые моря и океаны, Антарктида, космическое пространство, советская уголовная юрисдикция в соответствии с общепризнанными нормами международного права распространяется на объекты, находящиеся в этом территориальном пространстве и принадлежащие Советскому Союзу. Это — континентальный шельф Союза ССР, подводные кабели в открытом море, любое морское судно, плывущее в открытом море или находящееся в Антарктике, любое воздушное судно, находящееся в воздушном пространстве над открытым морем или над Антарктикой, искусственные космические тела и национальные научно-технические сооружения на других планетах, запущенные Союзом ССР. Над преступлениями, совершенными на этих объектах, осуществляется советская уголовная юрисдикция так, как если бы эти преступления были совершены на территории Союза ССР.

На находящиеся на территории иностранного государства объекты, принадлежащие Союзу ССР, советская уголовная юрисдикция, как правило, не распространяется, однако отдельные объекты такого рода в соответствии с общепризнанными нормами международного права и национальным законодательством иностранных государств все же подлежат советской уголовной юрисдикции. Так как эти объекты различны, то меж-

дународно-правовая регламентация вопросов уголовной юрисдикции над ними тоже различна. В силу этого необходимо различать две группы принадлежащих Союзу ССР объектов, находящихся на территории иностранного государства.

Первую группу составляют объекты, на которые советская уголовная юрисдикция распространяется повсеместно и безоговорочно на основании соответствующей международно-правовой регламентации: находящиеся на иностранной территории советские военно-морские и военно-воздушные суда. На этих объектах осуществляется советская уголовная юрисдикция так, как если бы преступление было совершено в Союзе ССР на территории одной из республик.

Вторую группу составляют объекты, на которые советская уголовная юрисдикция распространяется не повсеместно и безоговорочно, а только при наличии целого ряда условий: невоенные морские и воздушные суда, находящиеся на территории иностранного государства. На этих объектах в большинстве случаев осуществляется уголовная юрисдикция того иностранного государства, на территории которого находится этот объект. Однако, при определенных условиях, на основании общепризнанных норм международного права или равноправных двухсторонних договоров Союза ССР с иностранными государствами или, наконец, исходя из суверенной воли того иностранного государства, на территории которого совершено преступление, над советским морским или воздушным невоенным судном может быть осуществлена советская уголовная юрисдикция.

В этих случаях, как мы покажем, осуществление советской уголовной юрисдикции также должно основываться на территориальном принципе действия советского уголовного закона в пространстве, т. е. так, как если бы преступление было совершено в Союзе ССР на территории соответствующей союзной республики. Эти вопросы осуществления советской уголовной юрисдикции не нашли должного освещения в юридической литературе и совершенно не освещены в литературе по уголовному праву¹.

Вопросы реализации уголовной юрисдикции на отдельных объектах, находящихся вне пределов Союза ССР, нуждаются в самостоятельном анализе, так как их правовой статус и правовая регламентация деятельности лиц, находящихся на этих объектах, различны.

В науке советского уголовного права вопрос об объектах и зонах, находящихся вне пределов Союза ССР, на которые должна быть распространена советская уголовная юрисдикция;

решается по-разному, зачастую вопреки положениям, отстаиваемым советской наукой международного права. Поэтому необходимо остановиться на наиболее спорных и, как нам кажется, наиболее значимых для права применения советских уголовных законов вопросах. Речь пойдет, во-первых, о помещенных советских дипломатических представительств за границей, во-вторых, о зоне дислокации советских войск в братских социалистических государствах, ибо, как полагают некоторые авторы, на эти объекты и зоны распространяется советская уголовная юрисдикция, и, наконец, в-третьих, о временно оккупированной советскими войсками территории в связи с военными действиями во время войны.

Многие советские криминалисты к территории Советского Союза приравнивают территории, занимаемые советскими посольствами в иностранных государствах и территории дислокации советских воинских частей, находящихся за границей на основании соглашений, заключенных с соответствующими органами². С этой точкой зрения нельзя согласиться. Во-первых, признание советских посольств за границей частью территории СССР не обеспечило бы лучшей их охраны от преступных посягательств в капиталистических государствах и в то же время означало бы признание экстерриториальности помещений посольств капиталистических государств в СССР (на началах взаимности) и безнаказанности многих преступлений³. Во-вторых, эта точка зрения противоречит нормам международного права. Из Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., установившей, что помещение дипломатического представительства и частная резиденция дипломатического агента неприкосновенны, что они имеют право пользоваться флагами и эмблемами своей страны, вовсе не следует, что помещение дипломатического представительства, резиденция дипломатического агента и средства передвижения перестают быть территорией государства пребывания дипломатического представительства. Из того, что дипломатический агент пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции страны пребывания (совершенное им преступное деяние не может быть предметом рассмотрения судебных и следственных органов местной власти без особого на то разрешения) и его личность неприкосновенна (он не подлежит аресту или задержанию), не вытекает, что совершенное им преступление в помещении дипломатического представительства в резиденции или в средствах передвижения не может быть признано совершенным на территории государства пребывания дипломатического представительства. Если в этом случае аккредитовавшее государство отказывается от иммунитета своего дип-

ломатического агента, он может быть привлечен к уголовной ответственности за совершенное им преступление в государстве пребывания⁴.

Следует отметить, что еще русские дореволюционные ученые в области международного права отвергали экстерриториальность помещений посольств и дипломатических резиденций⁵. Советская⁶ и иностранная⁷ доктрины международного права не признают экстерриториальности помещений, занимаемых дипломатическими представительствами, резиденций глав дипломатического представительства и жилых помещений членов дипломатического персонала⁸. В противоположность советской науке международного права теория советского уголовного права без всякого основания утверждает принцип вземельности (экстерриториальности)⁹. Если такое утверждение было в какой-то мере объяснимо до 1958 г., когда Основные начала уголовного законодательства и уголовные кодексы союзных республик, говоря о правах представителей, пользовались термином «право экстерриториальности»¹⁰ (хотя имелось в виду неподсудность судебным учреждениям), то после 1958 г. нет никаких оснований ни для того, чтобы пользоваться этим термином, ни для признания по существу экстерриториальности помещений дипломатических посольств и жилищ дипломатов¹¹.

Кроме того, чтобы признать несостоятельной теорию экстерриториальности помещений дипломатических представительств, достаточно сослаться на ст. 37 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., из которой следует, что члены семьи дипломатического агента — граждане государства пребывания — за совершенные ими преступления должны отвечать по законам страны пребывания, даже если они совершили это преступление на территории посольства с использованием помещения посольства или средств передвижения; члены обслуживающего персонала за преступные деяния, совершенные ими при исполнении своих обязанностей, также отвечают по законам места пребывания и независимо от того, совершили ли они преступление в помещении представительства или нет.

Таким образом, вовсе не все лица, совершившие преступления на территории или в помещении советского представительства, а также в принадлежащих Союзу ССР средствах передвижения, отвечают по советским законам. Советские дипломатические представители и прочие лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, за совершенные ими в стране пребывания преступления отвечают перед советским судом и по советским законам не в соответствии с территориальным принципом, а в соответствии с принципом гражданства. Следует

также учесть, что Союз ССР не признает и осуждает практику дипломатического убежища¹².

Перейдем к рассмотрению правового режима зон дислокации советских войск за границей. Нельзя согласиться с мнением А. А. Герцензона, С. Т. Келиной и Ю. И. Ляпунова, что территория расположения советских воинских частей, находящихся за границей на основании соглашений, заключенных с иностранными государствами, или на основании международных договоров, приравнивается к территории Советского Союза¹³. Эта точка зрения прямо противоречит соглашениям, заключенным Союзом ССР с социалистическими странами, на территории которых находятся советские воинские части. Двухсторонними договорами о правовом положении советских войск, находящихся временно и только в оборонительных целях на территории других социалистических государств на основе Варшавского договора, закреплено глубокое уважение к суверенитету этих государств. Лица, входящие в состав советских войск, и члены их семей, как правило, отвечают по законам государства, на территории которого они совершили преступления. Исключения из общего правила составляют случаи совершения лицами, входящими в состав советских войск или членов их семей, преступлений только против Советского Союза либо против лиц, входящих в состав советских войск или членов их семей, а также случаи совершения преступлений в связи с исполнением служебных обязанностей¹⁴. Аналогично решен вопрос о юрисдикции в договоре об арендуемых у Союза ССР территориях¹⁵.

Союз ССР не претендует на привилегированное положение для советских военнослужащих на территории зарубежных социалистических государств в вопросах уголовной ответственности; наоборот, предъявляет повышенную требовательность к поведению своих военнослужащих, в первую очередь, в плане уважения к правопорядку, установленному законами этих государств.

В отличие от советских войск, иностранные войска, в особенности американские, находятся в привилегированном положении, на что неоднократно указывалось в советской юридической литературе¹⁶. Осуществление Конвенции о статусе вооруженных сил стран — участниц НАТО от 19 июня 1951 г. привело к фактическому иммунитету иностранных военнослужащих в странах НАТО¹⁷.

Последним вопросом, заслуживающим самостоятельного рассмотрения с позиций распространения советской уголовной юрисдикции и действия советских уголовных законов на зоны, находящиеся вне пределов Союза ССР, является вопрос о дей-

ствии советских уголовных законов на временно оккупированной территории в связи с военными действиями. Этот вопрос был особенно актуален в годы Великой Отечественной войны и непосредственно после ее окончания, поэтому освещен в трудах советских ученых того периода. Теоретического значения он не потерял и в настоящее время. Решение этого вопроса советскими учеными нам представляется правильным.

М. Д. Шаргородский, исходя из национального законодательства, норм международного права и специальных соглашений, заключенных между соответствующими государствами, в отношении действия советских уголовных законов на территории вражеского государства различает три группы лиц: 1) советские военнослужащие и советские гражданские лица; 2) граждане вражеского государства, на территории которого находятся советские войска и 3) военнослужащие вражеского государства, на территории которого находятся советские войска. М. Д. Шаргородский считает, что советские граждане (как военнослужащие, так и гражданские лица) на территории, занятой советскими войсками, за все преступления подсудны советским судам по советским законам. Иностранные граждане (как гражданские лица, так и военнослужащие), совершившие преступления против советских граждан на территориях, занятых советскими войсками, также должны быть подсудны советским судам по советским уголовным законам¹⁸. Мы полностью согласны с этим положением, однако, считаем, что оно исходит из реального принципа действия уголовного закона в пространстве, который должен быть отражен в праве применения советских уголовных законов.

Вопрос о действии уголовного законодательства в отношении местного населения территории, занятой советскими войсками, М. Д. Шаргородский рассматривает применительно к конкретным историческим условиям, имея в виду особое отношение к тем территориям, занятым советскими войсками в период Отечественной войны, где действовало фашистское законодательство. В этих странах в отношении местного населения должно было быть восстановлено ранее действовавшее (дофашистское) законодательство или введено новое законодательство, свободно установленное освобожденными народами¹⁹. Компетенция судов Германии была установлена после ее оккупации в соответствии с принятым Контрольным Советом законом о реорганизации немецкой судебной системы²⁰.

Вопрос о действии советских уголовных законов на оккупированной территории вражеских государств в отношении мест-

ного населения решался в соответствии с Приложением к Гаагской конвенции 1907 г. — «Положением о законах и обычаях сухопутной войны», в ст. 43 которого говорится, что «с фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия»²¹. Такова же по содержанию ст. 64 Женевской конвенции о защите мирного населения во время войны от 12 августа 1949 г. Последующие статьи Женевской конвенции о защите мирного населения во время войны регулируют порядок вступления в силу изданных оккупирующей державой постановлений, предусматривающих уголовную ответственность, деятельность военных судов, применение смертной казни в отношении покровительствуемых лиц, привлечение к уголовной ответственности за действия, совершенные до оккупации, процессуальный порядок рассмотрения уголовного дела, основания и порядок интернирования лиц по соображениям безопасности (ст. 65—78)²².

Вопросы юрисдикции на территории союзного государства в период войны или после ее окончания, если на этой территории временно находятся советские войска, решаются путем соглашений между Советским Союзом и соответствующим союзным государством²³. Эти соглашения свидетельствуют о том, что уголовные дела о преступлениях, совершенных несоветскими гражданами на территории государств-союзников после вступления советских войск, во всех случаях, даже если они были направлены против советских вооруженных сил, оставались подсудными судам этих государств и рассматривались на основании законов этих государств. Исключение было допущено только в отношении преступлений, совершенных в зоне военных действий. Союзные государства добровольно передавали свои права осуществлять юрисдикцию на своей территории — в зоне военных действий — советским государственным органам в интересах обеспечения собственной государственной безопасности, во имя победы над общим врагом, т. е. в соответствии с жизненными интересами своей страны и своего народа.

Таким образом, мы приходим к выводу, что за исключением временно оккупированной вражеской территории во время войны, нет таких объектов и зон на сухопутной территории иностранного государства, на которые распространяется советская уголовная юрисдикция.

2. Распространение уголовных законов Союза ССР и союзных республик на принадлежащие Союзу ССР объекты, находящиеся в свободных от государственного суверенитета территориях

А. Континентальный шельф Союза ССР. Континентальный шельф — подводное продолжение материка, выходящее за пределы территориальных вод. Проблема правовой охраны недр континентального шельфа в настоящее время приобретает все большее значение, поскольку технический прогресс последних трех десятилетий сделал для человека доступным морские природные ресурсы на значительной глубине моря. В соответствии с Конвенцией о континентальном шельфе, разработанной в 1958 г. на Женевской конференции по морскому праву, это подводное продолжение материка от берега в сторону моря до геоморфологической линии перехода его в склон, именуемое в геологии континентальным шельфом, следует отнести к территории прибрежного государства²⁴. Конвенция под термином «континентальный шельф» понимает: а) поверхности и недра морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 м или за этим пределом до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов; б) поверхности и недра подобных подводных районов, примыкающих к берегам островов. В Конвенции решается также вопрос о границах континентального шельфа, примыкающего к территории двух или более государств²⁵.

Прибрежному государству принадлежит верховная и исключительная власть над прилегающим шельфом. Только прибрежное государство вправе издавать законы, регулирующие эксплуатацию естественных богатств прилегающего континентального шельфа²⁶. Однако в советской науке международного права подчеркивается, что суверенные права прибрежного государства над прилегающим континентальным шельфом имеют только целевое назначение — они предоставляются только для разведки и разработки естественных богатств континентального шельфа. Это записано также в ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР 6 февраля 1968 г. «О континентальном шельфе Союза ССР²⁷». Естественные богатства континентального шельфа, примыкающего к внешней границе территориального моря СССР, являются государственной собственностью СССР. Их разведка, разработка и охрана осуществляются на основе действующего законодательства Союза ССР и союзных республик²⁸. Право прибрежного государства на континентальный шельф не затрагивает ни правового статуса откры-

того моря, ни правового статуса воздушного пространства над ним. Этим и отличается территория континентального шельфа от территории государства в пределах его государственных границ. Суверенные права Советского Союза над континентальным шельфом включают осуществление уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными в пределах континентального шельфа²⁹. В случае передачи разведки и разработки естественных богатств прилегающего шельфа другой стране или ее гражданам прибрежное государство осуществляет свою власть в отношении находящихся на указанном шельфе иностранных граждан³⁰.

Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О континентальном шельфе Союза ССР» предусмотрел уголовную ответственность за исследование, разведку, разработку естественных богатств и иные работы на континентальном шельфе СССР, проводимые иностранными физическими и юридическими лицами, за исключением случаев, когда это прямо предусмотрено соглашением между СССР и заинтересованным иностранным государством или специальным разрешением, выданным компетентными властями СССР³¹. Виновные в соответствии со ст. 6 Указа подвергаются судом штрафу до 1000 рублей или лишению свободы до одного года или тому и другому наказанию одновременно, если совершенное правонарушение согласно законам СССР и союзных республик не влечет более строгого наказания. Кроме того, все орудия и инструменты, которыми пользовались нарушители — иностранные физические и юридические лица, а также все незаконно добытое подлежит конфискации.

Мы полагаем, что советское право применения уголовного закона следовало бы дополнить нормой, устанавливающей действие советского уголовного закона на континентальном шельфе.

Б. Подводные кабели и подводные сооружения. К объектам, на которые распространяются советская уголовная юрисдикция и советские уголовные законы, следует причислить подводные кабели и трубопроводы в открытом море, принадлежащие Советскому Союзу и присоединяющие его территории, а также сооружения и иные установки на континентальном шельфе. Принадлежащие СССР перечисленные объекты по вопросу осуществления уголовной юрисдикции полностью приравниваются к территории Советского Союза. Это положение вытекает как из принципов советского уголовного законодательства, так и из специальных законов, регламентирующих правовой статус перечисленных объектов, а также из международных конвенций.

Международное право признает за всеми государствами равное право на свободную прокладку кабелей по дну открытого моря (ст. 26 Конвенции об открытом море от 29 апреля 1958 г.).

Прибрежное государство не может препятствовать прокладке или поддержанию в исправности подводных кабелей или трубопроводов иностранными государствами на своем континентальном шельфе, если это не препятствует разведке шельфа и разработке его естественных богатств. Само прибрежное государство имеет неограниченное право прокладки туннелей на своем континентальном шельфе, независимо от глубины водного покрова недр.

Правила по охране подводных телеграфных, телефонных и других кабелей установлены международной Конвенцией по охране подводных телеграфных кабелей, заключенной в Париже в 1884 г.³² В Конвенции об открытом море от 29 апреля 1958 г. записано, что разрыв или повреждение подводного кабеля, а также подводного трубопровода или высоковольтного кабеля, совершенные преднамеренно или в силу преступной небрежности, являются наказуемым деянием (ст. 27)³³.

В соответствии с этими конвенциями в уголовном законодательстве союзных республик предусмотрена специальная статья о неосторожном повреждении морского телеграфного кабеля, если оно вызвало или могло вызвать перерыв телеграфного сообщения (ст. 205 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик). За умышленное повреждение морского телеграфного кабеля предусмотрена более строгая ответственность (ст. 98 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Сооружения и установки на континентальном шельфе, как и зоны безопасности вокруг них, которые могут простираться на расстояние 500 метров от сооружений и установок, также находятся под юрисдикцией СССР (ст. 4 Указа от 6 февраля 1968 г. «О континентальном шельфе Союза ССР»³⁴; ст. 4 Конвенции о континентальном шельфе³⁵). Заход иностранных судов в пределы зон безопасности может иметь место только по специальному разрешению компетентных советских властей. Однако прибрежное государство не должно создавать неоправданных помех судоходству, рыболовству или охране живых ресурсов моря, а также препятствовать научным исследованиям.

Вопрос о праве Союза ССР на осуществление уголовной юрисдикции над сооружениями и установками, находящимися на прилегающем к Союзу ССР континентальном шельфе, не вызывает сомнений. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О континентальном шельфе Союза ССР» предусмотрел уголовную ответственность за возведение сооружений и иных установок на континентальном шельфе СССР, а также создание вокруг них зон безопасности без надлежащего на то

разрешения, за необеспечение охраны сооружений и иных установок на континентальном шельфе СССР, за неподдержание постоянных средств предупреждения о наличии и ликвидации сооружений и установок, эксплуатация которых окончательно прекращена, а также за непринятие в зоне безопасности мер по защите живых ресурсов моря от вредоносных отходов.

Некоторые вопросы осуществления уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на сооружениях континентального шельфа, все же являются спорными. Так, Л. Н. Галенская причисляет к спорным вопрос о том, имеет ли прибрежное государство право наказывать за ведение незаконного радиовещания, направленного на территорию другого государства (не собственника шельфа) и наносящее последнему вред, с самовольно поставленных сооружений на континентальном шельфе этого прибрежного государства. Она полагает, что в этом случае, в отличие от осуществления такого радиовещания с использованием сооружений для целей разведки и разработки естественных богатств (в последнем случае не ставится под сомнение право прибрежного государства наказывать виновного в незаконном радиовещании), прибрежное государство «не приобретает прав на сооружения, возведенные кем-либо на его континентальном шельфе, и не может распространять на них свои законы»³⁶, хотя и признает за прибрежным государством право наказывать лиц, виновных в возведении недозволенных сооружений на принадлежащем ему шельфе.

Л. Н. Галенская полагает, что наказывать за незаконное радиовещание должно не то государство, которому принадлежит континентальный шельф, а то, в радиослужбу которого вносятся помехи. Это решение, по ее мнению, «отвечает принципу реальной связи между преступным деянием, местом его совершения и вредными последствиями. Распространение же действий уголовных законов прибрежного государства на такого рода сооружения представляет собой еще один необоснованный шаг по пути ограничению свободы открытого моря со стороны империалистических государств»³⁷.

Мы полагаем, что предлагаемое Л. Н. Галенской решение является вовсе не бесспорным. Следует, однако, согласиться с Л. Н. Галенской в том, что нужна соответствующая норма международного права, которая решила бы вопросы юрисдикции за ведение незаконных радиопередач с самовольно поставленных сооружений на континентальном шельфе.

В. Антарктика. Антарктикой называют район, расположенный вокруг Южного полюса, в который входят материк Антарктида, прилегающие к нему острова, а также части Атлантичес-

кого, Тихого и Индийского океанов южнее 60-й параллели южной широты. К Антарктиде относятся, кроме самого материка, шельфовые ледники и образующийся в море ледяной припай, как и покрытые льдами прибрежные воды Антарктики, не доступные для плавания обычных судов.

Антарктида — это богатый ископаемыми, единственный неподделенный между государствами континент. Таким образом, Антарктида не является государственной территорией³⁸.

1 декабря 1959 г. в Вашингтоне был подписан договор об Антарктике³⁹. В науке советского международного права признают, что действие договора об Антарктике распространяется на районы моря в пределах шельфовых ледников. Вопросы юрисдикции в Договоре решены достаточно определенно. Во-первых, в договоре указано, что наблюдатели, назначенные для обеспечения соблюдения положений договора и проведения любой инспекции, а также сопровождающий их персонал в отношении всех действий или упущений, имеющих место во время их пребывания в Антарктике для выполнения своих функций, в каком бы районе Антарктики они ни находились, подчинены юрисдикции только того государства, гражданами которого они являются (ст. VII и ст. VIII Договора). Во-вторых, Договор содержит указание на то, что вопросы юрисдикции над всеми другими лицами в Антарктике решаются без ущерба для соответствующей позиции каждой стороны, т. е. вопрос об уголовной юрисдикции решается в соответствии с законодательством и установившейся практикой каждого государства.

В советской литературе по международному праву указывается, что сложился принцип подчинения любого находящегося в Антарктике лица юрисдикции страны, гражданином которого оно является⁴⁰. Ряд авторов полагает, что, поскольку ни одна часть Антарктиды не может быть признана находящейся под суверенитетом какого-либо государства, поскольку следует отвергнуть принцип территориальной юрисдикции и признать действующим только принцип личной юрисдикции⁴¹. Высказывается и другое мнение, согласно которому из положений Договора следует, что на станциях и в поселках Антарктиды осуществляется юрисдикция той страны, которой они созданы. Так, А. С. Пирадов утверждает, что в момент подписания Договора о поселениях на ледовом материке, независимо от того, находились ли там национальные группы ученых или интернациональные, действовали законы той страны, которая создавала эти поселения. В последующее время количество станций и поселков в Антарктиде увеличилось, но положение Договора об Антарк-

тике о сохранении юрисдикции национальных государств на станциях, которые ими создавались, остались⁴².

Таким образом, существует мнение о том, что из Договора вытекает не только осуществление уголовной юрисдикции в соответствии с принципом гражданства, но также в соответствии с территориальным принципом, т. е. советская уголовная юрисдикция распространяется на те зоны Антарктиды, в которых расположены советские станции и поселения.

Договор об Антарктике предусматривает, что в любом случае спора относительно осуществления юрисдикции в Антарктиде государства немедленно консультируются между собой с целью достижения взаимоприемлемого решения.

Г. Морское судно в открытом море. Под открытым морем следует понимать все части моря, которые не входят ни в территориальное море, ни во внутренние воды какого-либо государства. Никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо его части своему суверенитету. Свобода открытого моря включает для каждого государства, кроме прочих свобод, свободу судоходства и рыболовства.

Все советские суда плавают в открытом море под советским флагом. Между Советским государством и любым его судном — военным и невоенным — существует реальная связь: Советское государство осуществляет над ним свой контроль и свою юрисдикцию.

Вопрос об осуществлении советской уголовной юрисдикции над советским военным судном является бесспорным. В Конвенции об открытом море специально записано, что военные корабли в открытом море пользуются полным иммунитетом от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага (ст. 8).

В соответствии с положением упомянутой Конвенции⁴³ под советским военным кораблем следует понимать судно, принадлежащее к военно-морским силам Советского государства, имеющее внешние знаки, отличающие советские военные корабли, находящиеся под командой советского офицера, имя которого занесено в список офицеров советского военно-морского флота, и имеющее экипаж, подчиненный советской военной дисциплине.

Вопрос об уголовной юрисдикции на советских невоенных морских судах в открытом море решается также на основании норм международного права. Под невоенными морскими судами понимаются суда, используемые для перевозки грузов, пассажиров, багажа и почты, для рыбных и иных морских промыслов,

добычи полезных ископаемых, производства буксирных, ледокольных и спасательных операций, а также для других хозяйственных, научных и культурных целей (ст. 1 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР)⁴⁴.

Уголовная юрисдикция государства флага над невоенным судном в открытом море вытекает из самого принципа открытого моря, предполагающего, наряду с другими правами, право государства применять так называемый закон флага⁴⁵. Это положение с первых лет Советской власти было закреплено в законодательстве Советского государства⁴⁶.

В Женевской конвенции об открытом море зафиксирован общий принцип, что суда должны плавать под флагом только одного государства, кроме исключительных случаев, прямо предусмотренных в международных договорах или в настоящей Конвенции, и в открытом море подчиняются его исключительной юрисдикции (ст. 6).

Так, об иммунитете государственного судна в открытом море от юрисдикции государств, не являющихся государством флага, расписано в ст. 9 Конвенции, однако этот иммунитет Конвенцией распространяется только на принадлежащие государству суда, находящиеся на некоммерческой правительственной службе, т. е. Конвенция не признала иммунитета за государственными торговыми судами, что находится в вопиющем противоречии с давно установившимися принципами международного права⁴⁷. Поэтому правительство СССР при подписании Конвенции об открытом море отвергло положение данной статьи, сделав к ней соответствующую оговорку о том, что принцип международного права, согласно которому в открытом море судно подчиняется юрисдикции лишь того государства, под флагом которого оно плавает, относится без каких-либо ограничений ко всем государственным судам⁴⁸.

Однако как советские, так и буржуазные ученые различно понимают правовую основу исключительной юрисдикции государства над судами, плавающими под его флагом в открытом море. Часть советских⁴⁹ и буржуазных⁵⁰ ученых признает судно плавающей территорией государства флага. Другая часть советских⁵¹ и буржуазных авторов ствергает эту точку зрения, хотя концепция территориальности судна в открытом море вовсе не считает судно подлинной территорией государства, а рассматривает его в качестве условной территории, подчеркивая этим, что на судне, находящемся в открытом море, власть государства флага действует в том же объеме, в каком она действует на его государственной территории, что именно в этом смысле судно в открытом море является как бы территорией государства, что

обозначение судна в открытом море в качестве условной территории является лишь сравнительной характеристикой правового положения судна в открытом море, а также людей и грузов на нем⁵³. Однако значительная часть советских ученых в области международного права справедливо отвергает эту концепцию, полагая, что она является юридической фикцией. Так, А. Д. Кейлин утверждает, что правовое положение морского торгового судна в открытом море определяется тем, что оно подчиняется только властям того государства, под флагом которого плавает, но не потому, что судно является территорией государства, а на других основаниях: правовое положение морского судна как средства транспорта, по мнению А. Д. Кейлина, определяется Конституцией СССР, в которой записано, что водный транспорт является государственной собственностью⁵⁴.

А. Л. Колодкин согласен с А. Д. Кейлиным и П. П. Виноградовым, которые считают невозможным признать, что судно в открытом море является территорией того государства, под флагом которого оно плавает, и перестает быть этой территорией, при заходе в иностранный порт⁵⁵. Он полагает, что нельзя совместить признание судна плавающей частью территории государства флага с суверенитетом прибрежного государства в территориальном море⁵⁶. А. К. Жудро усматривает правовую основу исключительной юрисдикции государства над судами, плавающими под его флагом в открытом море, в правовой природе самого судна как общественного образования, организованного и действующего в соответствии с принципами и нормами законодательства государства его флага, имеющего устойчивую правовую связь со своим государством, которое несет за его деятельность международноправовую ответственность перед другими государствами⁵⁷.

В данной работе нас этот вопрос интересует только с позиций установления пределов действия советских уголовных законов, с позиции обоснования осуществления национальной уголовной юрисдикции. Мы полагаем, что теории советского уголовного права следует опираться на тех авторов, которые советское морское судно рассматривают как объект социалистической собственности, с одной стороны, и как общественное образование, соответствующее принципам и нормам законодательства государства его флага, определяющего и контролирующего его деятельность, устанавливающего нужный ему правопорядок и обеспечивающее его соблюдение, с другой стороны. Таким образом, мы приходим к выводу, что принадлежащее Советскому государству невоенное судно пользуется в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции всякого другого государ-

ства в силу совокупности прав Советского государства на свое судно и вытекающих из плавания под флагом Союза ССР обязанностей.

Значительный интерес в плане осуществления уголовной юрисдикции представляет вопрос об уголовной ответственности в случаях столкновения судов в открытом море.

В Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся уголовной юрисдикции по делам о столкновении судов и других происшествий, связанных с судоходством, подписанной 10 мая 1952 г. в Брюсселе, утвержден принцип юрисдикции государства флага⁵⁸. Хотя Советский Союз в этой конвенции не участвует, ее влияние на практику осуществления уголовной юрисдикции государств нельзя отрицать.

В настоящее время этот вопрос регламентирован Женевской конвенцией об открытом море, в ст. 11 которой установлено, что «в случае столкновения или какого-либо другого происшествия с судом при плавании в открытом море, вызывающего уголовную или дисциплинарную ответственность капитана или какого-либо другого лица на службе судна, какое-либо уголовное или дисциплинарное преследование против этого лица может быть возбуждено только перед судебными или административными властями государства флага или того государства, гражданином которого это лицо является». В этой же статье записано, что ни арест и ни задержание этого судна не могут быть произведены даже в качестве меры расследования по распоряжению каких-либо властей, кроме властей государства флага.

Таким образом, положение о том, что на все советские суда, военные и невоенные, плавающие под Советским флагом, должна распространяться советская уголовная юрисдикция и применяться советские уголовные законы не вызывает и не должно вызывать сомнений⁵⁹. Это положение должно найти отражение в уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик.

Д. Воздушное судно над открытым морем и над Антарктикой. Советские летательные аппараты, как военные, так и гражданские, в воздушном пространстве, свободном от государственного суверенитета, подчиняются только соответствующим ведомствам Советского государства. Все, находящиеся на их борту лица, обязаны соблюдать только советские законы; за совершенные ими преступления они отвечают перед соответствующими советскими судами на основании советских уголовных законов. Это положение является бесспорным в силу международного статуса открытого моря и Антарктики. Мы считаем, что обосновать это следует так же, как в отношении морских судов в открытом море, поскольку воздушные суда также явля-

ются собственностью советского государства. Советским государством устанавливается на этих судах определенный порядок; они в своей деятельности полностью подчинены государственной воле; Советское государство в полном объеме несет за них ответственность. Однако мы полагаем, что в уголовном законодательстве Союза ССР и соответственно в уголовном законодательстве союзных республик должна содержаться норма, устанавливающая применение советских уголовных законов к лицам, совершившим преступные деяния на борту советского летательного аппарата в воздушном пространстве, свободном от государственного суверенитета.

Е. Объекты, запущенные в космос, на Луну и на иные планеты. Грандиозные успехи в освоении космоса сделали актуальным вопрос о действии права в космическом пространстве, а также на Луне и других небесных телах. На повестку дня встал вопрос об использовании космического пространства государствами, о правовом режиме космического пространства, в том числе и вопрос о праве отдельных государств распространять свой суверенитет на космическое пространство и небесные тела.

Современное международное право этот вопрос решило следующим образом: космическое пространство и небесные тела доступны для исследования и использования всеми государствами и не подлежат присвоению государствами⁶⁰.

Правовые принципы, регулирующие деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства, закреплены в основных источниках международного космического права — Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г.⁶¹, Соглашении о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 г.⁶², Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г.⁶³ В Договоре по космосу решаются весьма существенные правовые вопросы, в том числе и вопросы юрисдикции в интересующей нас плоскости. В Договоре предусмотрено, что государства сохраняют права собственности над своим имуществом на Луне, а также юрисдикцию и контроль над персоналом, прибывшим для обслуживания станций и проведения научных исследований. Космонавты, находясь с космическом пространстве или на небесном теле, продолжают находиться под юрисдикцией и контролем своего государства. Статус космонавтов распространяется на всех лиц, совершающих орбитальный

полет вокруг Земли, находящихся в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, а также в воздушном пространстве и на территории любого государства, в открытом море или в воздушном пространстве над ним во время приземления⁶⁴.

Советские ученые в области международного права считают, что создание на небесных телах станций и поселений предполагает осуществление государственного суверенитета, который не будет означать распространения государственного суверенитета на небесное тело в целом⁶⁵.

В настоящее время в международном праве общепризнанным является положение о том, что государство должно осуществлять исключительную юрисдикцию над любым своим космическим аппаратом или станцией. Ни одно государство не может вмешиваться в дела иностранных объектов во время их нахождения в космосе и принимать в отношении их акты власти⁶⁶. Таким образом, над советскими искусственными космическими объектами — искусственными спутниками Земли, Луны и других небесных тел, космическими кораблями, межпланетными станциями, орбитальными платформами и национальными научно-техническими сооружениями и лабораториями на других планетах — может осуществляться советская уголовная юрисдикция. Это положение является бесспорным. Спорным может быть только обоснование исключительной советской уголовной юрисдикции: следует ли причислить упомянутые космические объекты условно к территории Союза ССР или же следует, как мы решили в отношении морских и воздушных судов в открытом море, обосновать исключительную юрисдикцию правом собственности Советского государства на эти объекты, исключительным правом устанавливать их деятельность и полным объемом ответственности за нее. Второе обоснование нам представляется более убедительным⁶⁷.

3. Распространение уголовных законов СССР и союзных республик на объекты, находящиеся на территории иностранных государств

А. Военное морское судно в иностранных водах. Советские военные суда находятся в территориальных водах иностранного государства и в иностранных портах только по приглашению прибрежного государства или получив предварительное разрешение на такой заход. Во время пребывания советского военного судна в территориальных водах и портах иностранного государства оно соблюдает навигационные, радиотелеграфные,

портовые, таможенные, санитарные и иные правила, установленные соответствующим государством для плавания и пребывания в этих водах. Оно соблюдает указания военно-морского командования и пограничных властей иностранного государства. Прибрежное государство в соответствии со ст. 23 Конвенции о территориальном море может потребовать от военного корабля покинуть территориальное море, если им не соблюдаются правила, касающиеся прохода через территориальное море. Однако ни одно иностранное государство не имеет права осуществлять уголовную юрисдикцию за деяния, совершенные на борту советского судна, даже повлекшие последствия на другом судне. Находясь в иностранных территориальных водах или портах иностранных государств, советские корабли сохраняют свой иммунитет в соответствии с установившейся международно-правовой нормой — *par in parem non habet jurisdictionem*.

Вопрос об уголовной юрисдикции на военных кораблях или шлюпках, плавающих под флагом СССР, решен Корабельным уставом военно-морского флота СССР, который установил, что «военные корабли Союза ССР, а равно и их шлюпки, подчинены исключительно правительству Союза ССР; они неприкосновенны, где бы они не находились. Ни одно иностранное правительство не имеет права вмешиваться в жизнь корабля Союза ССР. Всякая попытка в этом направлении должна быть отвергнута самым решительным образом, в крайнем случае силой оружия»⁶⁸.

Однако в уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик нет нормы, регламентирующей вопросы уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту военного корабля Союза ССР. Мы полагаем, что в Основах уголовного законодательства следовало бы предусмотреть соответствующую норму, как это сделано во многих социалистических⁶⁹ и капиталистических⁷⁰ государствах.

Б. Военное воздушное судно в иностранном воздушном пространстве. Особенностью летательных аппаратов, входящих в состав вооруженных сил Союза ССР, является их абсолютная неприкосновенность, где бы они ни находились, включая и территорию иностранного государства.

Советское военное воздушное судно находится в воздушном пространстве иностранного государства только по предварительному приглашению или разрешению соответствующего государства и соблюдает существующие аэронавигационные и прочие правила этого государства. Однако иностранное государство не имеет права вмешиваться в жизнь военного воздушного судна Союза ССР, в том числе не имеет права осуществлять уголов-

ную юрисдикцию над преступлениями, совершенными на борту советского военного воздушного судна. За преступления, совершенные на борту советского военного самолета, лицо может быть привлечено к ответственности и наказано только советским судом и по советским законам. Это положение является бесспорным, исходя из международного правового статуса военного судна. Уголовные кодексы большинства социалистических⁷¹ и многих капиталистических⁷² государств регламентировали этот вопрос в своем национальном законодательстве — уголовном или уголовно-процессуальном.

Полагаем, что общепризнанное международным правом положение о том, что военный самолет, где бы он ни находился (в том числе и на аэродроме иностранного государства), должен в вопросах уголовной ответственности приравниваться к территории того государства, в состав военно-воздушных войск которого он входит, следует отразить в советском уголовном законодательстве — Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В. Гражданское морское судно в иностранных водах. Вопрос об уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на невоенном судне Союза ССР, находящемся в территориальных и внутренних водах иностранных государств, весьма сложен и нуждается в детальном анализе.

В советской литературе по международному праву⁷³ и по советскому уголовному праву⁷⁴ указывается, что иностранные невоенные суда на территории других государств (в портах, внутренних и территориальных водах) подчиняются местной юрисдикции и местным законам; они приравниваются к территории своего государства только в открытом море⁷⁵. Однако прибрежное государство имеет право отказаться от осуществления своей юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту иностранного судна, что нашло отражение в сложившейся практике по этому вопросу⁷⁶.

Уголовная юрисдикция прибрежного государства не осуществляется на борту советского судна для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с преступлением, совершенным на борту во время его прохода, за исключением предусмотренных ст. 19 Конвенции четырех случаев, уже упомянутых в данной работе. Ст. 19 Женевской конвенции о территориальном море отражает сложившееся в международном праве соотношение между правом государства флага на осуществление юрисдикции над судном, находящимся в территориальных водах другого государства и правом прибрежного государства на осуществление в своих территориальных водах

уголовной юрисдикции на борту иностранного судна в связи с преступлениями, совершенными во время нахождения в территориальных или внутренних водах⁷⁷. Поэтому вполне возможны случаи, когда прибрежное государство не применяет своего уголовного законодательства к преступлениям, совершенным на борту советского невоенного судна.

Таким образом, преступления, совершенные на борту советского судна, не вызвавшие последствий вне судна и не нарушившие спокойствия в территориальном море, чаще всего подпадают под советскую уголовную юрисдикцию, в особенности, когда национальное законодательство прибрежного государства устанавливает определенные ограничения для реализации своей юрисдикции⁷⁸. Нельзя игнорировать и указание Конвенции о территориальном море, о том, что прибрежное государство при решении вопроса о вмешательстве в жизнь иностранного корабля должно учитывать интересы судоходства.

Во внутренних водах иностранного государства, в частности в портовых водах, советское невоенное судно подчинено уголовной юрисдикции соответствующего иностранного государства, если ее осуществление установлено национальным законодательством этого иностранного государства, поскольку общепризнанной нормы международного права не существует. При этом следует отметить, что национальное законодательство и практика разных государств значительно различаются, что осложняет отношения между портовыми властями и судами и приводит к недоразумениям⁷⁹.

В буржуазных государствах различают две концепции по вопросу об уголовной юрисдикции прибрежного государства в отношении иностранных невоенных судов в национальном территориальном или внутреннем море — английскую и французскую.

Английская концепция основывается на принятом в 1878 г. законе о юрисдикции в территориальных водах (The Territorial Waters Jurisdiction Act), который установил, что все преступления, совершенные на иностранных торговых судах при проходе английских территориальных вод подчиняются английской уголовной юрисдикции⁸⁰.

Принципиально признавая неограниченную уголовную юрисдикцию прибрежного государства, английская концепция декларирует, что власти государства воздерживаются от осуществления уголовной юрисдикции в отношении иностранных торговых судов, когда интересы прибрежного государства не затронуты⁸¹. Английская практика воспринята Австралией, Канадой, Индией, Новой Зеландией и некоторыми латино-американскими странами.

Французская концепция формально отрицает неограниченную юрисдикцию прибрежного государства, признавая право прибрежного государства осуществлять уголовную юрисдикцию только в отношении некоторых категорий деяний. Юрисдикция французских судебных учреждений распространяется на иностранные торговые суда, находящиеся во французском порту, только если возникает угроза нарушения общественного спокойствия или порядка в порту; если совершенное на иностранном судне уголовно наказуемое действие затрагивает лиц, не принадлежащих к составу судового экипажа данного судна; по просьбе капитана соответствующего судна или консула страны, под флагом которой судно плавает⁸².

Французская практика воспринята многими государствами мира — США, Италией, Голландией, Бельгией, Норвегией, до второй мировой войны — Германией, Испанией, Португалией, Грецией⁸³. Она отражена и в консульских конвенциях, заключенных Францией с другими государствами. Гибкость французской судебной практики в вопросах осуществления уголовной юрисдикции сближает ее по существу с английской концепцией⁸⁴. Из обеих доктрин вытекает, что прибрежные государства не во всех случаях распространяют свою уголовную юрисдикцию на иностранные торговые суда. Подчиняясь юрисдикции прибрежного государства, если такова воля этого государства, советское невоенное судно, находясь в иностранных водах, не теряет устойчивой правовой связи со своим государством, которое несет за него международно-правовую ответственность, а поэтому лица, совершившие на его борту преступления, не освобождаются от ответственности перед государством флага в соответствии с принципом гражданства.

Кроме того, уголовная юрисдикция иностранного государства на советском невоенном судне может быть ограничена и двухсторонними соглашениями между Союзом ССР и прибрежным государством, в водах которого находится советское невоенное судно. Так, Морское Соглашение между правительством Союза ССР и правительством Франции, подписанное 20 апреля 1967 г.⁸⁵, урегулировало вопросы применения юрисдикции властей прибрежного государства на борту судна во время его пребывания в порту (ст. 14). В соответствии с этой статьей местные административные и судебные власти могут вмешиваться в дела, связанные с правонарушениями, совершенными на борту судна другой стороны, в случаях, если: а) имеются просьба или согласие на это консула страны флага судна; б) правонарушение или его последствия затрагивают общественные и общественный порядок в стране пребывания или общест-

венную безопасность; в) в деле, связанном с правонарушением, замешано какое-либо лицо, не входящее в состав экипажа.

Договор о торговом судоходстве между Союзом ССР и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландией⁸⁶ также ограничил осуществление уголовной юрисдикции обоих государств в отношении преступлений, совершенных на борту судна другой стороны.

На борту советского судна, находящегося в территориальных или внутренних водах иностранных государств, могут быть совершены преступления, направленные против интересов Советского государства и его граждан, которые в прибрежных иностранных государствах (ввиду различного общественного и государственного строя) не являются преступлениями и не влекут уголовной ответственности или с которыми иностранные государства не заинтересованы бороться. Во всех подобных случаях, когда иностранное прибрежное государство не может в соответствии с нормами международного права или своим национальным законодательством или не пожелает осуществить уголовную юрисдикцию в отношении преступления, совершенного на борту советского невоенного судна, преступление подлежит юрисдикции Союза ССР и союзных республик⁸⁷. Если бы это положение было записано в советском уголовном законодательстве, то все вопросы уголовной юрисдикции могли бы быть решены без всяких затруднений и без ущемления суверенитета и права на осуществление уголовной юрисдикции иностранного государства в его водном пространстве. Однако в настоящее время советское уголовное законодательство соответствующей уголовно-правовой нормы не содержит, в связи с чем не все вопросы уголовной юрисдикции разрешимы на основе действующего законодательства.

Если совершивший преступление на борту советского судна является советским гражданином, то вопросы осуществления советской уголовной юрисдикции могут быть решены без особых трудностей на основании принципа гражданства (ст. 5 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). Иначе обстоит дело в случаях, когда совершившими преступления на борту советского судна в иностранных водах являются иностранцы. К ним нельзя применить советские уголовные законы, ибо действующее советское уголовное законодательство не дает основания для того, чтобы вопросы уголовной юрисдикции на невоенном судне, находящемся на иностранной территории, решить с позиции территориального принципа.

Мы полагаем, что в Основах уголовного законодательства должна быть установлена норма, аналогичная норме, содержа-

щейся в ст. 59 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР, которая, решая вопрос о применении уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в случае совершения преступления на судне вне пределов СССР, говорит о преступных деяниях, совершенных на судне, находящемся в плавании, а не только в открытом море⁸⁸. Лица, совершившие преступления на борту советского судна в иностранных водах, если юрисдикция данного иностранного государства не осуществляется, должны нести уголовную ответственность на основании территориального принципа действия советского уголовного закона в пространстве (ст. 4. Основ уголовного законодательства), а не на основании принципа гражданства (ст. 5 Основ уголовного законодательства).

В таком плане этот вопрос решен в уголовном законодательстве некоторых зарубежных социалистических государств⁸⁹.

Уголовные кодексы ВНР и СФРЮ распространили действие своего уголовного закона на отечественные гражданские корабли, только если они находятся в открытом море. Однако вопрос об осуществлении уголовной юрисдикции над преступлениями, совершаемыми иностранцами на борту морского судна этих государств во время его пребывания в иностранных водах, особых осложнений не может вызвать, поскольку эти государства закрепили в своем уголовном законодательстве реальный и пассивный персональный принципы действия национального уголовного закона, дающие право осуществлять уголовную юрисдикцию над преступлениями, совершенными иностранцами за границей, если последние посягают на интересы этих государств или их граждан.

Многие капиталистические страны в своих уголовных кодексах также предусмотрели применение национального законодательства к преступлениям, совершенным на борту своего корабля вне пределов территории государства, в том числе и в иностранных водах⁹⁰.

Вопрос об уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту советского невоенного морского судна, также нуждается в законодательной регламентации. В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик следует предусмотреть норму, которая установила бы применение советских уголовных законов к преступлениям, совершенным на борту советского невоенного морского судна, находящегося в территориальных или внутренних водах иностранного государства, если это не противоречит международным согла-

шениям и национальному законодательству прибрежного иностранного государства.

Г. Гражданское воздушное судно в иностранном воздушном пространстве. Советские гражданские воздушные суда могут находиться в воздушном пространстве иностранного государства только на основании соглашений, заключенных Союзом ССР с иностранными государствами, или на основании специальных разрешений на разовые полеты.

В соответствии с общепризнанным принципом международного права к преступлениям, совершенным в воздушном пространстве определенного государства, применяются уголовные законы этого государства. Специфика совершения этих преступлений состоит в том, что часто из-за большой скорости полета трудно установить, на территории какого иностранного государства совершено преступное деяние. Зачастую преступление, совершенное на борту иностранного самолета не влечет никаких последствий вне самолета и не направлено против интересов государства, в воздушном пространстве которого совершается преступление, а поэтому это государство может и не быть заинтересовано в осуществлении своей юрисдикции.

Следует учесть, что расследование такого преступления для государства, в воздушном пространстве которого находится иностранное воздушное судно, связано с большими трудностями; оно может вызвать необходимость задержать судно, а это, в свою очередь может отрицательно сказаться на интересах гражданского воздухоплавания, может причинить ущерб третьим лицам, в том числе и экипажу самолета, не причастному к совершенному преступлению.

Вопросы, связанные с осуществлением уголовной юрисдикции на борту иностранного судна, возникли в начале XX в.⁹¹ П. Фошль тогда же разработал проект положения о правовом режиме воздушного судна, в котором решил и спорные вопросы уголовной юрисдикции⁹². В настоящее время вопросы уголовной юрисдикции над воздушным судном в полете над территорией иностранного государства регулируются как нормами международного права, так и нормами национального права⁹³. В последние годы, как уже говорилось, приняты три международных конвенции по вопросам уголовной юрисдикции в связи с преступлениями, совершенными на борту воздушного судна, находящегося в полете вне территории государства регистрации самолета.

Токийская конвенция 1963 г. о правонарушениях и других актах, совершаемых против пассажиров на борту воздушного судна, признала конкурирующую уголовную юрисдикцию двух

государств: 1) государство регистрации воздушного судна компетентно осуществлять свою юрисдикцию над преступлениями, совершенными на борту воздушного судна и должно принимать необходимые меры для установления своей юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту зарегистрированного в этом государстве воздушного судна, в соответствии со своим национальным правом; 2) государство, в воздушном пространстве которого на борту иностранного воздушного судна во время полета последнего совершено преступление, может осуществить свою юрисдикцию в ранее перечисленных случаях⁹⁴.

Государство регистрации судна имеет право осуществлять уголовную юрисдикцию над преступлениями, совершенными на борту этого судна в иностранном воздушном пространстве. Это подтверждается ст. 16 Конвенции, которая установила, что при решении вопроса о выдаче преступника, преступные действия на борту воздушного судна, зарегистрированного в договариваемом государстве, будут рассматриваться как происшедшие не только в месте их совершения, но также и на территории государства регистрации воздушного судна.

Это положение представляет особый интерес еще и потому, что согласуется с национальным законодательством по вопросам воздухоплавания многих государств.

Гагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. еще более определенно решила вопросы осуществления уголовной юрисдикции в пользу признания уголовной юрисдикции за государствами регистрации воздушного судна. Каждое из государств — участников Конвенции — устанавливает свою юрисдикцию над незаконным захватом воздушного судна и любыми актами насилия в отношении пассажиров или экипажа; если: а) это преступление совершено на борту воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве; б) воздушное судно, на борту которого имело место преступление, совершает посадку на территории данного государства и предполагаемый преступник еще находится на борту (п. 1 ст. 4); в) предполагаемый преступник находится на территории договаривающегося государства и оно его не выдает (п. 2, ст. 4). Положения данной Конвенции применяются только в том случае, если место взлета или место фактической посадки воздушного судна, на борту которого совершено преступление, находятся вне пределов территории государства регистрации воздушного судна (п. 3 ст. 3).

При рассмотрении вопроса о выдаче лица, участвовавшего в незаконном захвате воздушного судна, местом совершения преступления Конвенция признает не только место фактического

совершения преступления, но также и территорию тех государств, которые обязаны установить свою юрисдикцию в связи с тем, что преступление совершено на борту воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве, или в связи с тем, что воздушное судно с предполагаемым преступником на борту совершает посадку на территории данного государства (п. 4 ст. 8).

Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г., не устранила конкурирующей уголовной юрисдикции, однако так же, как и Гаагская конвенция, обязывает государства установить над преступлениями, перечисленными в этой конвенции, свою уголовную юрисдикцию в случаях, когда преступление совершено на борту судна, зарегистрированного в данном государстве. Как следует из п. 2 ст. 5, Конвенция обязывает государство регистрации воздушного судна, на борту которого или в отношении которого совершено преступление, принять меры по установлению своей юрисдикции.

Советская делегация на конференции в Монреале предлагала решить в конвенции вопрос о конкурирующей юрисдикции в пользу государства, в котором зарегистрировано воздушное судно⁹⁵.

Вопросы осуществления уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту национального воздушного судна в воздушном пространстве иностранного государства, решены в национальном законодательстве многих государств, как социалистических, так и капиталистических (в воздушном законодательстве, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве). Большинство государств приравнивает свои гражданские воздушные суда в любом месте к территории своего государства и распространяет свое уголовное законодательство на всех лиц, совершивших преступления на борту воздушного судна вне территории своего государства. Так решен вопрос об уголовной юрисдикции в большинстве зарубежных социалистических государств⁹⁶.

Большинство капиталистических государств также рассматривает преступления, имевшие место вне пределов их государственной территории на борту воздушного судна, как совершенные в пределах государственной территории⁹⁷.

Итальянский кодекс воздухоплавания 1942 г. распространяет итальянскую юрисдикцию на итальянских граждан и иностранцев, совершивших преступления на борту итальянского воздушного судна, находящегося вне итальянской территории. Это

же положение записано в ст. 4 Итальянского уголовного кодекса 1930 г., однако, как подчеркнуто, «за исключением случаев, когда они согласно международному праву подчиняются иностранному территориальному закону»⁹⁸.

В таком же аспекте решает вопросы уголовной юрисдикции и УК Норвегии в соответствии с изменениями, внесенными в § 12 Законом от 11 мая 1951 г. Данная норма предусматривает применение норвежского уголовного законодательства к преступлениям, совершенным на борту норвежского воздушного судна в любом месте, за исключением сферы юрисдикции другого государства, а также независимо от места нахождения воздушного судна, если преступление на его борту совершено членами экипажа или другим лицом, сопровождающим это судно⁹⁹.

По пути некоторого ограничения национальной уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту воздушного судна, пошли, кроме УК Италии и УК Норвегии, также уголовные кодексы Швеции, Канады, и др. Так, УК Швеции предусматривает ответственность по шведским законам: а) если преступление совершил на борту шведского самолета командир или член экипажа при исполнении ими своих обязанностей или б) если любое лицо совершило преступление на борту шведского судна против Швеции, шведского гражданина, шведской организации или учреждения, а также иностранца, постоянно проживающего в Швеции¹⁰⁰. УК Канады распространяет свое действие на преступления, совершенные на борту зарегистрированного в Канаде воздушного судна вне пределов воздушного пространства Канады во время полета, а также на преступления, совершенные на любом воздушном судне вне территории Канады, если это судно направляется в Канаду (ст. 5а)¹⁰¹. Только Швейцария закрепила в ст. 96 Воздушного закона 1948 г. принцип территориальной юрисдикции¹⁰².

Таким образом, следует отметить, что большинство государств распространяет свою уголовную юрисдикцию на свои воздушные суда, находящиеся в иностранном воздушном пространстве. При оценке законодательства зарубежных государств с позиции реализации национальной уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту воздушного судна вне пределов государства регистрации судна, необходимо, кроме всего, учесть и то обстоятельство, что в уголовном законодательстве всех этих государств закреплены реальный принцип, или принцип охраны государственных интересов, и пассивный персональный принцип действия уголовного закона в пространстве, дающие возможность применять свое уголовное законодательство к преступлениям, совершенным на борту своего самолета

вне пределов государственной территории во всех случаях, когда совершенные преступления посягают на государственные интересы своих граждан, даже если эти преступления совершены иностранцами.

Давно назрела необходимость разрешить вопрос о действии советских уголовных законов в отношении преступлений, совершенных на борту советского самолета, находящегося в полете вне воздушного пространства Советского государства. В настоящее время такая необходимость вытекает, как уже было показано, из международных конвенций, обязывающих государства устанавливать свою юрисдикцию, если преступление совершено на борту воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве, и, как мы показали, это положение Конвенцией соответствует установке советской делегации на Монреальской конференции.

Действующее в настоящее время советское уголовное законодательство дает возможность установить свою юрисдикцию только в отношении преступлений, совершенных на борту советского воздушного судна, находящегося в воздушном пространстве иностранного государства, если они совершены советскими гражданами или лицами без гражданства на основании принципа гражданства (ст. 5 Основ уголовного законодательства).

В отношении иностранцев, совершивших на борту советского воздушного судна за границей преступления, перечисленные в Гаагской и Монреальской конвенциях, вопрос уголовной юрисдикции может быть решен на основании универсального принципа (ч. IV ст. 5 Основ уголовного законодательства). Однако мы полагаем, что вопрос о применении уголовного законодательства к преступлениям, совершенным на воздушном судне за границей, должен решаться на основании территориального принципа, ибо в противном случае нет оснований для применения советского уголовного закона к иностранцам, совершившим на борту советского воздушного судна за границей преступления, не перечисленные международными конвенциями. Вряд ли такое положение можно считать нормальным. Международные конвенции, которые подписало Советское государство, не предусматривают всех преступлений, которые могут быть совершены в полете на борту самолета. Во всех остальных случаях совершения преступлений иностранцами на борту самолета также должна быть обеспечена возможность применения советского уголовного закона, если в отношении совершенного преступления на борту советского воздушного судна в чужом воздушном пространстве не осуществляется территориальная юрисдикция, т. е. если совершенные на борту воздушного судна преступные

действия не повлекли и не могли повлечь последствий вне самолета и не нарушили режим в воздушном пространстве иностранного государства.

При решении этого вопроса должна быть учтена также регламентация вопроса об осуществлении уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту иностранного судна, в национальном законодательстве зарубежных государств, так как на основании своего законодательства, (в соответствии с территориальным принципом действия уголовного закона в пространстве) осуществляется уголовная юрисдикция над преступлениями, совершенными на борту любого иностранного, в том числе и советского воздушного судна во время полета в воздушном пространстве этих государств.

Поскольку каждое иностранное государство, как мы уже говорили, исходя из своего суверенитета, может отказаться от осуществления уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными в его воздушном пространстве на борту иностранного судна, вовсе не исключается необходимость в применении советского уголовного законодательства в случаях совершения преступлений на борту советского воздушного судна, находящегося в воздушном пространстве иностранного государства.

Осуществление советской уголовной юрисдикции в соответствии с принципом гражданства, как мы уже показали, не может быть признано достаточным, потому что безнаказанными оставались бы иностранцы, совершившие преступления на борту советского судна в воздушном пространстве иностранных государств.

Поскольку многие государства ограничили в своем законодательстве осуществление уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту иностранного самолета, предусматрив целый ряд ограничительных условий, законодательная регламентация вопроса о действии советского уголовного закона в отношении преступлений, совершенных на борту советского воздушного судна, находящегося в иностранном воздушном пространстве, является совершенно необходимой. В советском законодательстве этот вопрос может быть решен, исходя только из принципа уважения к государственному суверенитету другого государства, т. е. советская уголовная юрисдикция и применение советских уголовных законов могут быть распространены на преступления, совершенные на борту воздушного судна вне пределов Советского Союза лишь постольку, поскольку это основывается на международных соглашениях и не нарушает государственный суверенитет другой стороны.

Регламентация этого вопроса в законодательстве явится ос-

нованием для применения советского уголовного закона к преступлениям, совершенным на борту советского невоенного воздушного судна: а) в воздушном пространстве над открытым морем и над никому не принадлежащей территорией (Антарктида); б) в полете вне пределов территории Союза ССР, когда из-за скорости движения невозможно установить, над какой территорией оно пролетело; в) в полете через воздушное пространство иностранного государства, законодательство которого не распространяет национальную уголовную юрисдикцию в этих случаях на иностранные воздушные суда; г) в полете в воздушном пространстве иностранного государства, которое отказывается от осуществления своей уголовной юрисдикции (по различным причинам не заинтересовано в этом).

Предлагаемое нами решение этого вопроса в советском уголовном законодательстве соответствует норме, содержащейся в ст. 3 Воздушного кодекса Союза ССР, которая распространяет положение его «на все гражданские воздушные суда, занесенные в Государственный реестр гражданских воздушных судов Союза ССР во время их нахождения за пределами СССР, если законы страны пребывания воздушного судна не требуют иного»¹⁰³.

Глава V

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Правовыми вопросами территории союзных республик занимается в основном советское государственное право, так как территория каждой союзной республики является фундаментом суверенитета; пространственным пределом осуществления государственной власти и вместе с тем материальной основой независимости союзной республики¹.

В теории советского уголовного права проблема территории союзной республики рассматривается в связи с необходимостью установить пределы действия республиканского уголовного закона. В соответствии со ст. 4 Основ уголовного законодательства и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик уголовное законодательство союзной республики применяется ко всем лицам, совершившим преступления на территории данной республики.

Законодатель одной союзной республики не может распространить действие уголовных законов этой республики на территории других союзных республик, однако он может ограничить пределы действия республиканского уголовного закона определенной частью территории данной республики. Для правильного применения республиканских уголовных законов необходимо четко определить понятие реальной территории республики, а также тех зон и объектов вне территории республики, на которые распространяется республиканское уголовное законодательство. Понятием государственной территории союзной республики охватываются суша в пределах ее государственных границ; внутренние водные пространства в тех же пределах (внутренние моря, озера, реки, каналы, заливы, бухты, акватории портов), прибрежные воды морей шириной в 12 морских миль, омывающие берега союзной республики (территориальные воды), недра сухопутных и водных просторов республики, воздушное пространство над ее сухопутной и водной территориями.

Для решения вопроса о том, на территории какой из рес-

публик совершено преступление, необходимо учитывать изменения границ каждой республики. С того дня, когда вступает в силу соответствующий указ Президиума Совета Союза ССР о частичном изменении границ между союзными республиками, применяются уголовные законы той союзной республики, в состав которой включена соответствующая территория, если, конечно, преступление совершено после включения этой территории.

Уголовное законодательство союзной республики распространяется также на объекты и зоны, находящиеся вне территории Союза ССР. К объектам и зонам, приравненным к территории союзной республики в плане действия ее уголовных законов, относятся: континентальный шельф, примыкающий к территории данной союзной республики, и сооружения на нем; находящиеся вне пределов территории Союза ССР военные морские корабли, входящие к моменту совершения преступления в состав советских военно-морских частей, как и военные воздушные суда, входящие в состав советских военно-воздушных частей, дислоцированных на территории данной республики; находящиеся вне пределов территории Союза ССР советские невоенные морские суда, приписанные к портам данной республики, как и советские невоенные воздушные суда, приписанные к аэродромам данной республики. Вопросы реализации уголовной юрисдикции на этих объектах и зонах заслуживают самостоятельного рассмотрения, так как в действующем советском законодательстве они регламентированы по-разному.

Уголовное законодательство союзной республики полностью распространяется на континентальный шельф — поверхность и недра морского дна подводных районов, примыкающих к побережью или к островам данной республики, но находящихся вне ее водной территории. Этот вопрос специально регламентирован в советском законодательстве. Так, в постановлении Президиума Верховного Совета ССР от 13 августа 1969 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР «О континентальном шельфе Союза ССР» разъяснено, что к правоотношениям, возникающим в связи с исследованиями на континентальном шельфе СССР, а также с разведкой, разработкой и охраной естественных богатств континентального шельфа СССР, применяется законодательство Союза ССР и законодательство той союзной республики, к теории которой примыкает континентальный шельф СССР. Этим же постановлением решен и вопрос об уголовной юрисдикции над сооружениями на континентальном шельфе и над зоной безопасности вокруг этих сооружений².

Преступления, совершенные на борту советского военного морского судна или на борту советского военного воздушного судна, находящегося вне пределов территории Союза ССР, как уже было сказано, всегда подсудны только советским судам. Преступность и наказуемость совершенного деяния должны определяться на основании уголовного законодательства той союзной республики, где дислоцированы воинские части, к которым относятся эти военные суда, т. е. применяется уголовное законодательство, действующее в том морском порту или аэропорту, где расположена соответствующая воинская часть, исходя из территориального принципа действия советского уголовного закона в пространстве. Это положение признано Пленумом Верховного Совета СССР еще в 1926 г. и никем в советской уголовно-правовой литературе не оспаривается³.

Проведенное нами анкетирование с целью выявления мнения по этому вопросу советских ученых в области уголовного права дает основание сделать вывод о том, что подавляющее большинство ученых считает правильным толкование, данное Пленумом Верховного Суда СССР в 1926 г.⁴ Большинство опрошенных судебных, прокурорских, следственных работников и адвокатов Латвийской ССР также признало правильным решение вопроса в плане указаний, данных Пленумом Верховного Суда Союза ССР⁵.

Мы полагаем, что этот вопрос должен быть решен в советском законодательстве — Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в уголовных кодексах союзных республик.

К преступлениям, совершенным на борту советского невоенного морского судна во время его плавания в открытом море, всегда применяется уголовный закон той союзной республики, на территории которой находится порт приписки данного судна. Такова долголетняя судебная практика. Такое же решение вопроса вытекает из Кодекса торгового мореплавания Союза ССР (ст. 59)⁶. Таким же образом этот вопрос следует регламентировать в Основах уголовного законодательства и в уголовных кодексах союзных республик.

В отношении уголовной юрисдикции над невоенным воздушным судном, находящимся вне пределов воздушного пространства Союза ССР, не существует определенных законоположений. Вопрос этот должен быть решен в отношении невоенного воздушного судна, находящегося в воздушном пространстве над открытым морем или в другом воздушном пространстве, свободном от государственного суверенитета, так же, как он решен в отношении морского торгового судна: над преступлениями, со-

вершенными на борту воздушного судна, находящегося в полете над открытым морем, должна осуществляться уголовная юрисдикция той союзной республики, на территории которой расположен аэропорт приписки этого судна.

Не решенным является вопрос о применении советского уголовного законодательства к преступлениям, совершенным на борту советского невоенного морского или воздушного судна, находящегося на иностранной территории — в территориальных водах или в портах иностранного государства в первом случае, и в полете в воздушном пространстве иностранного государства — во втором.

Как мы уже показали⁷, многие зарубежные государства в своем национальном законодательстве в целом ряде случаев не предусмотрели осуществления национальной уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту иностранного гражданского морского или воздушного судна, т. е. ограничили компетенцию своих судов и пределы применения своего уголовного законодательства. Нормами международных конвенций также значительно ограничены пределы осуществления уголовной юрисдикции прибрежных государств в отношении преступлений, совершенных на борту иностранного морского судна в пределах водного пространства этого государства, как и на борту иностранного воздушного судна во время полета в воздушном пространстве данного государства. Как мы уже говорили, в советском уголовном законодательстве должен быть решен вопрос о применении в этих случаях к виновным советских уголовных законов в соответствии с территориальным принципом. Иными словами, мы полагаем, что регламентация вопросов об осуществлении юрисдикции и применении советских уголовных законов в этих случаях должна быть предусмотрена в Основах уголовного законодательства в таком же плане, как это в настоящее время решено в Кодексе торгового мореплавания в отношении преступлений, совершенных на борту советского торгового судна в плавании.

К преступлениям, совершенным на борту советского гражданского воздушного судна, находящегося в полете над иностранной территорией, если законы страны пребывания воздушного судна не требуют иного, должно применять уголовное законодательство той союзной республики, на территории которой расположен порт приписки судна. Такая регламентация данного вопроса даст возможность четко установить пределы применения уголовного законодательства союзной республики, с одной стороны, и обеспечить выполнение взятых Союзом ССР на себя международно-правовых обязательств по борьбе с преступле-

ниями, совершенными на борту любого гражданского воздушного судна, с другой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что вопрос о пределах действия уголовного законодательства союзных республик недостаточно регламентирован в ныне действующем советском общесоюзном и республиканском уголовном законодательстве. Отсутствие соответствующих уголовно-правовых норм вызывает значительные трудности при решении многих практически важных вопросов, в особенности при решении вопросов уголовной юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту водных и воздушных судов, находящихся вне пределов Союза ССР. Нельзя согласиться с тем, что вопросы применения уголовного законодательства союзных республик в отношении преступлений, совершенных на борту невоенного водного судна, решаются только в Кодексе торгового мореплавания Союза ССР. Эти нормы регулируют право применения советских уголовных законов, и их место — в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Мы полагаем, что ст. 59 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР должна быть уже теперь воспринята всеми уголовными кодексами союзных республик, так как содержит уголовно-правовую норму, которая регламентирует вопросы применения республиканского уголовного законодательства, тем более, что согласно уголовным кодексам союзных республик все общесоюзные уголовные законы включаются в уголовные кодексы союзных республик (ст. 2 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик)⁸.

Воздушный кодекс Союза ССР не предусмотрел положения, аналогичного содержащемуся в ст. 59 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР, однако нам представляется, что вопросы применения уголовного законодательства союзной республики к преступлениям, совершенным на борту воздушного судна в полете вне пределов Союза ССР, должны быть решены в Основах уголовного законодательства и в уголовных кодексах союзных республик.

Решать в настоящее время вопросы осуществления уголовной юрисдикции союзных республик над преступлениями, совершенными на космических объектах, преждевременно, так как практика такую проблему не выдвинула. Однако теоретическая постановка вопроса правомерна. Его решение, как мы полагаем, возможно в пользу применения уголовного законодательства той союзной республики, на территории которой расположен космодром, или же в пользу применения уголовного законодательства РСФСР. Мы склоняемся к тому, чтобы при-

знать более правильным и обоснованным применение УК РСФСР по ряду оснований, которые приводятся ниже⁹.

В плане установления пределов действия уголовного законодательства союзной республики вне пределов Союза ССР должен быть решен также вопрос, вытекающий из необходимости осуществления уголовной юрисдикции Союза ССР и союзных республик на основании конвенций, договоров и соглашений с другими социалистическими государствами. В настоящее время — это вопрос о применении уголовного законодательства союзных республик к советским военнослужащим и членам их семей, совершившим преступления в районах дислокации советских воинских частей вне Союза ССР против Советского государства, либо против лиц, входящих в состав советских войск и членов их семей, либо к совершившим преступления в связи с исполнением своих служебных обязанностей.

Мы уже упоминали о равноправии двухсторонних соглашений на этот счет между Союзом ССР и некоторыми зарубежными социалистическими государствами, из которых следует, что в перечисленных случаях применяются советские уголовные законы¹⁰. Однако нет ни одного закона, который бы определил, уголовное законодательство какой союзной республики должно быть в этих случаях применено, хотя этот вопрос, бесспорно, нуждается в нормативном решении.

Военная прокуратура и военные трибуналы, действующие вне пределов Союза ССР в войсках, находящихся на основании соглашений в зарубежных социалистических государствах, в силу сложившейся традиции руководствуются уголовными и уголовно-процессуальными законами РСФСР¹¹. А. С. Кобликов считает такую практику наиболее целесообразной, хотя справедливо указывает, что она не основана на законе. По его мнению, в общесоюзном законодательстве необходимо иметь нормы, прямо устанавливающие правила о действии в пространстве материальных и процессуальных законов в рассматриваемых случаях¹².

Однако в советской уголовно-правовой литературе высказывалась и другая точка зрения. Так, по мнению М. Д. Шаргородского, в тех случаях, когда советские судьи рассматривают уголовные дела за границей, должно применяться общесоюзное уголовное законодательство непосредственно¹³. С этой точкой зрения следует безоговорочно согласиться, ибо она основана на законе. Если законодатель союзных республик установил, что общесоюзные уголовные законы в союзной республике применяются непосредственно только до включения их в уголовные кодексы союзных республик, а затем применяются соответ-

ствующие статьи уголовного кодекса союзной республики, то в отношении применения общесоюзных законов за пределами СССР никаких ограничений в общесоюзном законодательстве не предусмотрено, а потому оно может применяться непосредственно во всех случаях, когда международно-правовые нормы допускают применение советских законов. Таким образом, законы об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления, как и все прочие общесоюзные законы, предусматривающие ответственность за совершение различных преступлений против социалистической собственности, личности, нормальной деятельности государственного аппарата, общественной безопасности и порядка вне пределов СССР должны применяться советскими судами непосредственно во всех случаях.

Что касается применения за границей уголовных кодексов союзных республик, то, по мнению М. Д. Шаргородского, «теоретически и практически возможно двойное решение вопроса: либо действует всегда и везде один из уголовных кодексов (очевидно, РСФСР), либо признается то, что всякий действующий за пределами СССР, суд руководствуется законами той союзной республики, которыми он пользовался ранее»¹⁴. М. Д. Шаргородский признал более приемлемой вторую точку зрения — применение законов тех республик, которыми пользовался соответствующий военный трибунал, находясь на территории СССР¹⁵.

Мы же полагаем, что следует согласиться с А. С. Кобликовым в том, что сложившаяся практика применения уголовного законодательства РСФСР к преступлениям, совершенным военнослужащими и членами их семей вне пределов Союза СССР, может быть признана соответствующей принципам советского уголовного законодательства. Эта практика является приемлемой для советского права применения уголовных законов, так как советские войсковые части, дислоцированные в социалистических государствах, непосредственно подчиняются высшему военному командованию в Москве, не составляя самостоятельного военного округа и непосредственно не связаны ни с одной другой союзной республикой. Во всяком случае, если и считать эту точку зрения не бесспорной, то трудно найти более убедительное решение¹⁶. Однако поскольку возможно и другое решение данного вопроса, необходима основанная на законе, четкая его регламентация, обеспечивающая единообразное применение уголовных законов органами военной юстиции, с одной стороны, и дающая основание для презумпции знания законов, с другой.

Глава VI

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ

Четкое определение места совершения преступления является одной из предпосылок правильного применения советских уголовных законов. Оно дает возможность решить вопрос о том, совершено ли преступление в СССР или вне его пределов, т. е. имеется ли основание для применения советских уголовных законов и, если имеется, то должны ли они применяться в соответствии с территориальным принципом или принципом гражданства (ст. 4 или ст. 5 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Советское уголовное законодательство не дает определения места совершения преступления и не устанавливает, когда преступление следует считать совершенным на территории СССР. В ст. 4 Основ уголовного законодательства говорится, что ответственность лица, совершившего преступление на территории Союза ССР, определяется по законам места совершения преступления, но ничего не сказано о том, в каких случаях местом совершения преступления должна быть признана территория СССР. Официальное толкование ст. 4 Основ уголовного законодательства в интересующем нас плане также отсутствует. Таким образом, вопрос о том, при каких условиях преступление должно быть признано совершенным в пределах территории Союза ССР, решается только судебной практикой и советской наукой уголовного права.

Необходимо признать, что в большинстве случаев вопрос о том, может ли СССР быть признан местом совершения преступления, т. е. вопрос о месте совершения преступления, в этом плане не вызывает сомнений. Это все случаи, когда преступление полностью совершено в пределах Союза ССР, когда оно начато и окончено на территории СССР и все соучастники действовали на территории СССР или на принадлежащих ему объектах вне территории СССР, на которые распространяется

советская уголовная юрисдикция. Как следует из советской судебной практики, таким является абсолютное большинство преступлений, совершенных в СССР, даже с отдаленным в пространстве результатом. Поэтому решать вопрос о том, совершено ли преступление в СССР или за его пределами, приходится нечасто. Поскольку такого решения действующее уголовное законодательство Союза ССР не содержит, необходимо разработать научно обоснованные предложения *de lege ferenda*.

Прежде чем предложить комплексное решение проблемы, мы попытаемся показать те категории преступлений (по конструкции составов преступлений или способов их осуществления), для которых решение поставленной проблемы имеет первостепенное значение. Мы полагаем, что целесообразно выделить следующие категории преступлений: 1) дистанционное преступление с отдаленным в пространстве результатом; 2) дистанционное преступление, состав которого не требует наступления определенных последствий; 3) дистанционное преступление с двумя действиями; 4) дистанционное преступление, состав которого предусматривает альтернативные действия; 5) длящееся преступление; 6) продолжаемое преступление; 7) преступление, совершенное в соучастии. Каждая из перечисленных групп преступлений в плане установления места совершения преступления нуждается в самостоятельном анализе, что, как мы покажем, не исключает единого решения вопроса о месте совершения преступления и о признании территории СССР местом совершения преступления.

Под дистанционным преступлением с отдаленным в пространстве результатом мы понимаем такое преступление, при совершении которого действие (бездействие) имело место на территории одного государства, а предусмотренное составом преступления последствие — на территории другого государства. Например, убийство путем выстрела на расстоянии, если стреляющий находится во время совершения действия на территории одного государства, а потерпевший — на территории другого государства; убийство путем отравления, если смертельная доза яда дается потерпевшему на территории одного государства, а смерть в результате отравления наступает на территории другого государства; убийство, совершенное в движущемся транспортном средстве, если смертельное ранение наносится потерпевшему во время нахождения этого транспортного средства на территории одного государства, а смерть наступает во время нахождения его на территории другого государства. Таким преступлением может быть также производство недоброкачественного ремонта средств железнодорожного транспорта на тер-

ритории одного государства, повлекшее человеческие жертвы на территории другого, и многие другие преступления.

Следует отметить, что в советской науке уголовного права этому вопросу уделяется недостаточное внимание¹. Немногие авторы, высказавшиеся по данному вопросу, различно определяют, в каких случаях следует считать дистанционное преступление совершенным на территории СССР. Так, Ю. И. Ляпунов полагает, что местом совершения преступления следует считать то место, где были совершены действия, приведшие к наступлению преступного результата, хотя бы общественно опасные последствия наступили за пределами СССР². Свою позицию по этому вопросу Ю. И. Ляпунов обосновывает якобы существованием соответствующего общего правила, однако не указывает, кем и когда это правило установлено. На самом деле такого общего правила нет, а поэтому советская наука уголовного права вольна давать свое доктринальное толкование ст. 4 Основ уголовного законодательства, как и предлагать и обосновывать любое решение.

Отрицать особое значение деяния как наиболее существенного элемента преступления невозможно. Советские ученые, посвятившие свои труды исследованию понятия преступления, состава преступления и его элементов, причинной связи и стадий совершения преступления, правильно оценили значимость самого деяния (действия или бездействия) среди прочих элементов преступления. Справедливо отмечает Н. Ф. Кузнецова, что преступное действие (бездействие), с одной стороны, есть воплощение преступной воли лица, его вины (субъективная общественная опасность), а с другой — действие — причина общественно-вредных изменений в охраняемых уголовным законодательством социалистических общественных отношениях (объективная общественная опасность)³. Проанализировав признаки, присущие всякой человеческой деятельности, в том числе и преступной, Н. Ф. Кузнецова пришла к справедливому выводу о том, что преступное действие (бездействие) всегда является выражением воли виновного. Оно составляет форму воздействия человека на внешний мир и выполняет функции средства достижения определенного результата, поэтому оно всегда мотивировано и целенаправлено⁴. Учитывая эти бесспорные положения, нет оснований для того, чтобы не признать местом совершения преступления место совершения самого преступного деяния⁵.

Ф. Китцингер, работы которого по этому вопросу оказали большое влияние на теорию уголовного права Западной Европы в начале XX в., пришел к выводу, что деяние является единственным существенным элементом состава преступления, основ-

ным ядром, которое определяет остальные элементы состава — вызванное этим действием промежуточное воздействие на объект и последствие; деяние внутренне больше связано с виновной волей деятеля. Он доказывал, что место наступления последствий иногда обуславливает случай. Признание местом совершения преступления место осуществления самого деяния, по его мнению, покоится на факте пребывания деятеля на определенной территории и на обязательной силе закона для каждого лица, находящегося на этой территории; и наконец, эта позиция, по его мнению, не оставляет места для случая⁶.

Приведенные соображения заслуживают внимания, однако их недостаточно, чтобы признать место совершения преступного действия (бездействия) единственным местом совершения преступления. Если говорить о заинтересованности каждого государства в охране своих правовых благ, то, отказавшись от признания места наступления последствий местом совершения преступления, государство будет лишено возможности пресечь посягательства извне и наказывать за деяния, хотя и совершенные из-за границы, но причиняющие вредные последствия на территории этого государства. Если государство, предусмотревшее в своем законодательстве действие уголовного закона в пространстве в соответствии с реальным принципом и пассивным персональным принципом, в таких случаях имеют возможность в соответствии с этими принципами привлечь к ответственности лиц, виновных в совершении преступных деяний за границей, посягающих на интересы этих государств и их граждан⁷, то государства, отказавшиеся от применения национального уголовного закона в соответствии с этими принципами, ограничены в какой-то мере в возможностях оградить свои интересы и интересы своих граждан. Советское уголовное законодательство, как было показано в предыдущих главах, не закрепило положения реального и пассивного персонального принципов действия советского уголовного закона в пространстве. Поэтому, признав местом совершения преступления только место осуществления самого деяния, мы не могли бы обеспечить охрану внутрисоветских интересов от преступных посягательств извне. Нельзя согласиться также с высказанными в зарубежной литературе мнением, что только в самом действии воплощена воля совершающего преступление, а место наступления последствий определяет случай. Если место наступления последствий иногда для совершившего преступное деяние и является случайным, то в большинстве случаев виновный направляет свое волевое преступное действие на то, чтобы достичь наступления не только определенных последствий, но и на определенной территории,

т. е. желает наступления последствий в определенном месте, или предвидит и сознательно допускает наступление последствий в этом месте, не совпадающем с местом совершения самого деяния. Во многих случаях виновный при определенной осмотрительности может и должен предвидеть наступление вредных последствий на определенной территории, не совпадающей с территорией совершения преступного деяния.

Таким образом, признание места осуществления самого преступного деяния местом совершения преступления не должно и не может вызвать возражений, но его нельзя считать единственным местом совершения преступления и игнорировать место наступления последствий.

Недостатки теории действия, в частности ее ограниченность, привели к тому, что многие зарубежные ученые признали необходимым расширить в дистанционном преступлении понятие самого действия, в особенности в Германии и Швейцарии до первой мировой войны, где этому вопросу было уделено наибольшее внимание. Так появились «теория длинной или удлиненной руки» (*Theorie der langen oder verlängerten Hand, oder Theorie der erweiterten Handlungsbegriffes*) и «теория промежуточного воздействия» (*Theorie der Zwischenwirkung oder Zwischenwirkungstheorie*). На основании этих теорий делался вывод о том, что местом совершения преступления является как место, где виновный совершил само действие по осуществлению преступного замысла, так и место, где приведенные им в движение силы воздействовали на потерпевшего и вызвали промежуточный результат (*Zwischenwirkung*), хотя и не привели к наступлению окончательного последствия, предусмотренного составом преступления.

Так, при убийстве путем выстрела соприкосновение пули с телом потерпевшего, его ранение рассматривалось как промежуточное воздействие или достижение промежуточного результата. Местом совершения преступления представители упомянутых теорий считали как то место, где виновный находился в момент выстрела, так и то место, где пуля настигла потерпевшего.

В Англии вопросы места совершения преступления решаются различно в зависимости от категории преступлений. В отношении убийства поддерживается мнение о том, что преступление совершено там, где смертельный удар или выстрел непосредственно воздействовал на жертву, где они достигли непосредственного эффекта (*where it actually takes effect*). В этом случае используется фикция присутствия виновного в том месте, где причинено первое ранение, которое не совпадает с местом, где наступили последствия, предусмотренные составом преступления⁸.

Для советской науки уголовного права и советской судебной практики теория промежуточного воздействия в качестве самостоятельной теории также неприемлема, потому что она, как и теория действия, не может разрешить проблему обеспечения охраны внутригосударственных интересов от посягательств на них извне.

Некоторые советские ученые определяют место совершения преступления, исходя из места наступления последствий деяния, если само деяние и его последствия имели место на территории различных государств. Такая точка зрения высказана И. И. Солонкиным. Он признавал преступление совершенным на территории СССР, когда оно начато и окончено на территории СССР, так и когда начато за пределами территории СССР, но окончено на территории СССР, т. е. если результата наступил или должен был наступить на территории СССР⁹. Эти утверждения позволяют сделать вывод о том, что И. И. Солонкин преступления, начатые в СССР и оконченные за границей (т. е. когда последствия наступили или должны были наступить за границей), не относит к совершенным на территории СССР. При определении места совершения преступления из места наступления последствий исходит также М. И. Якубович¹⁰. Чем вызвано такое ограничение понятия места совершения преступления, трудно судить, поскольку авторами эта позиция не обосновывается¹¹.

С точкой зрения, согласно которой только место наступления последствий признается местом совершения преступления, нельзя согласиться уже потому, что она не признает местом совершения преступления место осуществления преступного замысла, место реализации преступных деяний, т. е. не признает за государством права требовать соблюдения установленного им правопорядка внутри страны и наказывать за поведение, расходящееся с требованиями закона.

Большинство советских ученых признало территорию Союза ССР местом совершения преступления в случаях, когда преступное деяние осуществлено и его результат наступил на территории СССР, когда преступное деяние совершено за границей, но его результат наступил в СССР, и, наконец, когда преступное деяние совершено в СССР, но его результат наступил за границей¹². Эта точка зрения, совершенно правильная по существу, к сожалению, недостаточно сргументирована. Большинство авторов не пыталось даже ее обосновывать, или обосновывало недостаточно убедительно «общими положениями науки уголовного права»¹³.

Вопрос о признании территории СССР местом совершения

преступления, как нам представляется, должен быть решен в интересах максимальной и наиболее действенной охраны советского государства и установленного в нем правопорядка от посягательств извне. Непризнание реального и пассивного персонального принципов не может не сказаться на осуществлении территориального принципа и, в частности, на определении места совершения преступления. Поэтому посягательство извне, совершение за границей деяния, повлекшего или могущего повлечь общественно опасные последствия на территории Союза ССР, бесспорно должно рассматриваться как совершенное на территории Союза ССР¹⁴. Это не исключает признания местом совершения преступления место совершения самого деяния.

Кроме соображений, справедливо высказанных приверженцами теории действия, следует учесть, что вне пределов советского государства находятся дружественные Союзу ССР социалистические государства, в охране установленного правопорядка которых СССР заинтересован в силу братской солидарности. В результате общественно опасного действия на территории Союза ССР может быть причинен ущерб вне территории СССР и гражданину Союза ССР. Совершенно нелогично было бы считать, что преступление в этом случае совершено вне пределов СССР. Мы полагаем, что в силу принципа мирного сосуществования и уважения к правам и интересам граждан всех прочих государств следует признать совершенными на территории Союза ССР и все прочие преступления, вызвавшие общественно опасные последствия, вне пределов Союза ССР. Всякое иное решение привело бы к безнаказанности таких деяний, ибо совершившие эти деяния лица недостижимы для осуществления уголовной юрисдикции другими государствами. Следует учесть, что общественно опасное действие или бездействие во всех случаях нарушает установленный правопорядок там, где оно имело место, и свидетельствует об антисоциальной направленности лица, представляющей опасность для социалистического общества. Поэтому ненаступление вредных последствий на территории Союза ССР не исключает признания Союза ССР местом совершения преступления.

Попутно мы решили вопрос о месте совершения неоконченного материального дистанционного преступления, признав, что СССР является местом совершения покушения на преступление не только, когда действие, составляющее покушение, совершено в пределах Союза ССР, но и когда такое действие совершено вне пределов СССР. Таким образом, если действие (бездействие) или последствия дистанционного преступления имели место

в пределах Советского государства — местом совершения преступления является территория Союза ССР.

Эти положения должны быть отражены в уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик. Следует отметить, что эта т. н. теория единства или теория повсеместности (*Ubiquitätstheorie, oder Einheitsstheorie*) является господствующей в большинстве зарубежных государств. В начале XX в. в поисках решения вопроса о месте совершения преступления к ней одновременно пришли ученые разных стран¹⁵. Со временем количество ее приверженцев увеличивалось. С позиции этой теории сейчас решается вопрос о месте совершения преступления большинством уголовных и уголовно-процессуальных кодексов капиталистических государств¹⁶. Наиболее видные ученые Западной Европы (Англии, Франции, Италии, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Голландии), а также ученые США, Японии, Турции, Ирана и других государств поддерживают такую регламентацию данного вопроса¹⁷.

В настоящее время смешанную теорию признало и законодательно закрепило большинство социалистических государств¹⁸.

Однако необходимость в решении вопроса о том, когда СССР является местом совершения преступления, не исчерпывается только дистанционными преступлениями, состав которых предусматривает наступление определенных последствий (т. н. материальными составами дистанционных преступлений). В таком же плане должно быть определено место совершения всех прочих преступлений, в том числе и дистанционного преступления, состав которого не требует наступления определенных последствий, т. н. формального дистанционного преступления. Такие преступления имеют место в случаях, когда лицо, совершающее преступное деяние, находясь на территории одного государства, используя почтовую связь, посягает на интересы лица, находящегося на территории другого государства. Например, письмо, содержащее клеветнические измышления, ложный донос или вымогательское требование, пересылается из одного государства в другое. В буржуазной литературе вопрос о месте совершения преступления с использованием почтовой или иной связи дискутируется более столетия. На него даются различные ответы в зависимости от того, какой из уже упоминавшихся теорий придерживается автор¹⁹. Мы полагаем, что во всех случаях, когда письмо посылается из-за границы в СССР и здесь получено, как и в противоположном случае, когда письмо посылается из СССР за границу, местом совершения преступления является территория СССР, и к виновному, независимо от его

гражданства могут быть применены советские законы на основании территориального принципа, так как в обоих случаях нарушается установленный в СССР правопорядок.

Неоконченное дистанционное преступление, для наличия состава которого не требуется определенных последствий, заключается в посягательстве лица, находящегося на территории одного государства, на установленный правопорядок в другом государстве, но не причиняет ему вреда по независящим от его воли причинам. Такими преступлениями могут быть оскорбление и клевета, как и прочие, совершенные с использованием почтовой связи, когда письма адресатам в другом государстве по различным причинам доставлены не были. Здесь имеет место покушение на преступление, совершенное на территории двух государств — государства, где расположено соответствующее отделение связи, куда было сдано письмо, и государство, где находится адресат.

В зарубежной буржуазной литературе, в особенности немецкой литературе конца XIX — начала и середины XX вв., в связи с рассмотрением преступлений с использованием средств связи возник спор о территориальной локализации т. н. «транзитных преступлений»²⁰.

В советской науке уголовного права эта проблема не обсуждалась, так как не выдвигалась практикой. Мы полагаем, что при ее решении следует исходить из интересов охраны установленного правопорядка в государстве, пересекаемом транзитным путем. Нельзя отрицать права государства применять свои уголовные законы к тем, кто, желая посягнуть на интересы какого-либо третьего государства или его граждан, ставит под угрозу интересы данного государства, территория которого только пересекается, тем более, что необходимость пересечения этой территории и пренебрежение к правопорядку, установленному в данном государстве, охватывается умыслом виновного.

Значительный интерес представляет также установление места совершения такого преступления, для оконченого состава которого обязательным является совершение двух действий, осуществляемых на территории различных государств. Таким преступлением может быть, например, спекуляция валютными ценностями, когда последние скупаются за границей и перепродаются по более дорогой цене в Союзе ССР, или наоборот. Мы полагаем, что СССР должен быть признан местом совершения преступления в обоих случаях. Такого же мнения мы придерживаемся в отношении преступлений, состав которых предусматривает альтернативные преступные действия, причем совершение каждого из них достаточно для наличия окончен-

ного состава преступления. Если в СССР совершено одно из этих действий или покушение на совершение такого действия, территория СССР может быть признана местом совершения преступления. Например, если в СССР изготовлена поддельная иностранная валюта с целью ее сбыта за границей или наоборот, то в обоих случаях преступление совершено в СССР. Так же должен решаться вопрос о месте совершения преступления, если виновный в пределах СССР только приобретает наркотические вещества, а сбывает их за границей, или наоборот. Следует признать, что в СССР в этих случаях совершается самостоятельное оконченное преступление и есть основание для применения советского уголовного закона.

Проблема определения места совершения преступления в СССР не исчерпывается перечисленными преступлениями. Должно быть еще определено место совершения длящихся и продолжаемых преступлений, частью совершенных в СССР и частью — вне его пределов.

Эти вопросы в рассматриваемом нами аспекте мало освещены в советской уголовно-правовой литературе. Нам представляется, что исходная позиция для их решения должна быть общей — признание повсеместности совершенного преступления, иными словами, признание каждой территории, где фактически осуществлялась какая-то часть преступного деяния, местом совершения преступления. Во всех случаях, когда преступление частично совершалось на территории СССР, место преступления находится в СССР и имеется основание для применения советских уголовных законов.

Под длящимся преступлением мы понимаем деяние (действие или бездействие), которое характеризуется непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния²¹. Особенностью длящегося преступления является то обстоятельство, что осуществленный деянием состав определенного преступления не просто продолжается во времени, а непрерывно осуществляется. Конструируя состав длящихся преступлений, законодатель не предусматривает наступления конкретных последствий, а потому ущерб правоохраняемому объекту причиняется в момент совершения (или несовершения) определенного деяния и в течение всего периода невыполнения виновным обязанностей совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенных действий. Длительность причиняемого объекту вреда не является необходимым признаком состава такого преступления, а фактическим отражением особенностей самого деяния (продолжающегося действия или бездействия). Начальным моментом длящегося преступления явля-

ется совершение описанного в законе активного действия (например, лишение кого-либо свободы, т. е. насильственное водворение этого лица в какое-нибудь помещение, приобретение огнестрельного оружия с целью его хранения) или неисполнение предписанного законом действия (например, неуплата средств на содержание детей). Конечным моментом длящегося преступления является отпадение состава преступления вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления, т. е. длящееся преступление прекращается по воле, вопреки воле или независимо от воли виновного²².

Территория Союза ССР является местом совершения длящегося преступления в случае, если в ее пределах реализован в течение какого-либо времени состав преступления, хотя в остальное время он осуществлялся вне ее пределов. Так, если лицо в течение какого-то времени хранило оружие в пределах СССР и продолжало его хранить вне его пределов, или если лицо проживало вне пределов СССР по подложным документам, а затем продолжало использовать эти же подложные документы в СССР, то место совершения преступления находится в пределах территории СССР, и в этих случаях должен быть применен соответствующий советский уголовный закон, ибо состав преступления реализован в СССР. Так же, если гражданин злостно уклоняется в СССР от уплаты алиментов в пользу своего ребенка, проживающего с матерью вне пределов СССР, то преступление — злостное уклонение от уплаты алиментов — совершено в СССР; оно совершено в СССР и тогда, когда злостно уклоняющийся от уплаты алиментов отец находится вне пределов СССР, но обязан был содержать ребенка в СССР.

Под продолжаемым преступлением следует понимать целенаправленное последовательное совершение двух или более идентичных (содержащих признаки одного и того же состава преступления) действий или актов бездействия, взаимосвязанных единством результата, охватываемого единым умыслом виновного²³. Началом совершения продолжаемого преступления следует считать выполнение первого из идентичных преступных актов, направленных к общей цели. Моментом окончания продолжаемого преступления является совершение виновными последнего преступного деяния (акта действия или бездействия), в совокупности с предшествующими такими же деяниями составляющими единое продолжаемое преступление²⁴.

Для преступления, которое может быть совершено по час-

тям, виновный может избрать продолжаемую форму его осуществления. Поэтому в форме продолжаемого преступления может быть осуществлено почти любое преступление (кроме одномоментных)²⁵.

Территория СССР должна быть признана местом совершения продолжаемого преступления во всех тех случаях, когда хотя бы один из идентичных преступных актов, направленных на достижение единого преступного результата, имел место на территории Союза ССР, хотя остальные идентичные акты совершались вне его пределов и последствие наступило вне его пределов; территория Союза ССР является местом совершения продолжаемого преступления и в том случае, когда все идентичные преступные акты, составляющие это единое преступление, совершены вне пределов СССР, но результат наступил в пределах Союза ССР.

Определение места совершения преступления соучастниками вызвало в зарубежной литературе оживленную дискуссию, так как этот вопрос не был специально регламентирован в законодательстве, а учение об акцессорной природе соучастия затрудняло его решение. По этому вопросу выявились три позиции: 1) место совершения деяния исполнителем является определяющим и должно быть признано местом совершения преступления и для остальных соучастников (подстрекателя, пособника); 2) место фактического осуществления каждым из соучастников обусловленных соглашением действий (бездействия) является местом совершения преступления, независимо от места реализации состава преступления исполнителем; 3) местом совершения преступления при соучастии является для всех соучастников то место, где исполнитель совершил преступные действия, а для каждого соучастника еще и то место, где им непосредственно были совершены действия, причинно связанные с действиями исполнителя и способствующие осуществлению общего преступного замысла.

Мы полагаем, что для установления, в каких случаях территория СССР может быть признана местом совершения преступления в соучастии, следует защищать третью точку зрения: территория СССР должна быть признана местом совершения преступления для всех соучастников как в случаях, когда исполнитель совершил основное деяние в СССР, а остальные соучастники содействовали извне, находясь на территории иностранного государства, так и в случаях, когда исполнитель совершил основное деяние вне СССР, а соучастники, содействовавшие в реализации преступного замысла, находились на территории Союза ССР и здесь совершали уголовно наказуемые деяния.

Поскольку территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве признан всеми государствами, и в последнее время намечается тенденция к определению места совершения преступления в соответствии со смешанной теорией, не исключены случаи, когда два или несколько государств признают преступление совершенным на своей территории и каждое претендует на право осуществления своей уголовной юрисдикции. Такая конкурирующая юрисдикция вполне возможна. Если виновное лицо понесло наказание за границу за преступление, признаваемое советскими законами совершенным на территории СССР, это не лишает СССР права привлечь виновное в совершении преступления лицо к уголовной ответственности и наказать его по советским законам. Однако следует учесть, что в этом случае уголовная юрисдикция осуществляется в СССР в соответствии с территориальным принципом действия уголовного закона в пространстве, а не в соответствии с принципом гражданства. Поэтому уголовной ответственности подлежат не только граждане СССР и лица без гражданства, но и иностранцы в соответствии со ст. 4 Основ уголовного законодательства, т. е. по законам места совершения преступления, а не места задержания и привлечения к уголовной ответственности. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не предусматривали смягчения наказания в случае, если лица понесли наказание за это же преступление за границей. Это, конечно, не исключает право суда при назначении наказания учесть отбытое за границей наказание, смягчить или даже освободить виновного от наказания. Соответствующую норму следовало бы предусмотреть в Основях уголовного законодательства.

Несколько иное положение создается, когда преступление совершается лицом на границе двух государств. Такая ситуация может возникнуть, когда имеет место незаконный переход государственной границы, контрабанда и т. п. Например, лицо незаконно переходит советско-польскую границу: оно незаконно выезжает из Союза ССР и незаконно въезжает в ПНР, т. е. в СССР совершает преступление, предусмотренное ст. 20 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, в ПНР — предусмотренное ст. 288 § 1 УК ПНР. Такое лицо, если оно и понесло наказание в ПНР, подлежит уголовной ответственности в СССР по советским уголовным законам в соответствии с территориальным принципом (ст. 4 Основ уголовного законодательства), а не в соответствии с принципом гражданства (ст. 5 Основ уголовного законодательства). Каждое из государств в такой ситуации имеет основание считать

преступление совершенным на своей территории и наказывать в соответствии со своими законами²⁶.

Подобное положение может создаться, если лицо незаконно вывозит из СССР в другую страну, например, в СРР товары, ввоз которых в последней запрещен и рассматривается законодательством СРР как контрабанда. В этом случае СССР и СРР имеют самостоятельное право на основании территориального принципа привлечь виновного к уголовной ответственности по своим законам.

Сказанное позволяет сделать вывод, что преступление должно быть признано совершенным на территории СССР во всех случаях, когда какая-то его часть, хотя бы одно из его звеньев, была осуществлена (одним лицом или в соучастии) на территории СССР. К лицу, виновному в совершении такого деяния (независимо от гражданства), должно быть применено советское уголовное законодательство — общесоюзный или республиканский уголовный закон — на основании территориального принципа действия уголовного закона в пространстве. Это положение должно быть закреплено в общесоюзном уголовном законодательстве — в Основях уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Проблема места совершения преступления в рассматриваемом нами плане имеет и международно-правовое звучание. Вопрос о локализации некоторых преступлений приводит даже к конфликтам между государствами. Хотя таких случаев не много²⁷, они имеют принципиальное значение для международной практики, а потому в течение нескольких десятилетий анализируются и комментируются в советской²⁸ и зарубежной²⁹ международно-правовой и уголовно-правовой литературе. Особое значение приобретает вопрос об определении места совершения преступления в связи с проблемой выдачи преступников.

Глава VII

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В предыдущей главе мы рассмотрели один из аспектов проблемы определения места совершения преступления, однако еще больший интерес для прокурорско-следственной и судебной практики представляет другой аспект — решение вопроса о месте совершения преступления внутри Союза ССР, т. е. установление, когда данная союзная республика может быть признана местом совершения преступления, дающим право на применение к виновному уголовного закона, действующего на территории этой республики, поскольку на территории Союза ССР действует пятнадцать самостоятельных уголовных кодексов союзных республик. Решение вопроса во втором аспекте, как мы покажем ниже, можно дать только путем установления определенного, основанного на законе порядка в применении уголовного законодательства союзных республик. Это может быть сделано при помощи совокупности интерлокальных коллизионных норм, т. е. коллизионного уголовного права, точнее интерлокального или интертерриториального коллизионного уголовного права¹. А. А. Тилле совершенно справедливо подчеркивает, что коллизионная норма является единственным способом регулирования внутрисоюзных коллизий законов².

Вопросы интерлокального уголовного права актуальны для всех государств, на территории которых одновременно действует различное региональное уголовное законодательство³. Они актуальны для США, где, кроме федерального уголовного законодательства, имеется уголовное законодательство штатов, причем федеральное уголовное законодательство имеет свою компетенцию и не является основой для законодательства штатов⁴, а также для Австралийского Союза⁵.

Следует подчеркнуть, что решение проблемы интерлокального коллизионного уголовного права для Союза ССР имеет особое принципиальное и практическое значение. Принципиаль-

ная значимость этой проблемы обусловлена формой государственного устройства Союза ССР, суверенного федеративного государства, в состав которого входят равноправные суверенные союзные республики, каждая из которых является независимой от другой или других союзных республик в осуществлении государственной власти. Ни одна союзная республика не может быть ущемлена и в плане установления пределов действия республиканских уголовных законов. Общесоюзное уголовное законодательство и уголовное законодательство союзных республик составляют принципиально единое законодательство, причем общесоюзное уголовное законодательство является одновременно органической частью уголовных кодексов союзных республик⁶. Кроме того, содержащиеся в общесоюзном законодательстве принципы и установленные ими общие положения определяют пути развития уголовного законодательства всех союзных республик. Поэтому решение вопроса о пределах действия республиканского уголовного законодательства в одной союзной республике не может расходиться с решением этого же вопроса в других республиках.

Практическая же значимость рассматриваемой проблемы обусловлена тем положением, что суды каждой из республик лишены права рассматривать дела о преступлениях, совершенных на территории других союзных республик⁷. Из этого следует, что для применения уголовного законодательства, действующего в месте совершения преступления, не имеет значения, в каком месте осуществляется уголовная юрисдикция, в каком месте виновное в совершении преступления лицо привлекается к уголовной ответственности, предается суду или в каком месте выносится виновному приговор.

Так, в уголовных кодексах многих союзных республик прямо записано, что в случае рассмотрения судами данной республики дел о преступлениях, совершенных на территории других союзных республик, применяется уголовное законодательство, действующее в месте совершения преступления⁸. Таким образом, вопрос о месте совершения преступления с позиции материального уголовного права не может вызвать никаких сомнений только если преступление полностью совершается на территории одной союзной республики (в том числе, когда его отдельные этапы осуществляются на большом расстоянии один от другого⁹). Это относится не только к случаям, когда уголовное дело о совершенном преступлении рассматривает суд данной республики, но также к случаям, когда оно рассматривается судом другой республики. На этот последний случай в общесоюзном уголовном законодательстве и законодательстве союзных

республик. имеются соответствующие коллизионные нормы¹⁰.

Не возникает никаких трудностей и коллизий при применении уголовного законодательства союзных республик, когда два различных преступления совершены одним лицом на территории двух союзных республик. В соответствии со ст. 4 Основ уголовного законодательства к каждому из этих преступлений применяется уголовное законодательство той союзной республики, на территории которой оно совершено, а наказание назначается по совокупности преступлений в соответствии со ст. 35 Основ уголовного законодательства и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик.

Однако одно преступление может быть фактически совершено частично на территории одной союзной республики и частично на территории другой или других союзных республик, когда установить фактически единое место совершения преступления невозможно, ибо такового не существует. Если, например, наркотические вещества незаконно изготавливались в Таджикской ССР, а продавались в Туркменской ССР, если оружие изготовлено в Эстонской ССР, а хранилось в Латвийской ССР, если незаконно скупались дефицитные товары в Литовской ССР, а продавались в Грузинской ССР — во всех случаях имеются две «потерпевшие» союзные республики, на территории двух союзных республик нарушен установленный правопорядок, на территории двух союзных республик совершены преступления. Из этого факта и следует исходить при решении вопроса о пределах применения республиканского уголовного законодательства.

По каким уголовным законам должна определяться ответственность лица, совершившего единое преступление в двух (или более) местах, расположенных на территории различных республик, — на этот вопрос ст. 4 Основ уголовного законодательства ответа не дает. Уголовные кодексы союзных республик этого вопроса также непосредственно не решили, так как Основами уголовного законодательства им такое право не было предоставлено. Если бы вопрос о месте совершения преступления союзные республики в таких случаях решали различно, то могли бы возникнуть серьезные затруднения в применении уголовного законодательства, вплоть до того, что к некоторым деяниям нельзя было бы применить уголовный закон ни одной союзной республики¹¹.

Поскольку речь идет о коллизии между уголовными законами союзных республик, ее решение может быть дано только в общесоюзном законодательстве. Поэтому *de lege ferenda* речь

может идти только о создании общесоюзных интерлокальных коллизионных норм.

В науке советского уголовного права различно решается вопрос об установлении места совершения преступления, когда оно фактически совершено на территории двух или более союзных республик. Различно оно решается и в судебной практике, поскольку Пленум Верховного Суда Союза ССР не дал в таком плане толкования ст. 4 Основ уголовного законодательства.

Проблема определения места совершения преступления, если оно совершено на территории нескольких союзных республик, очень сложна. В советской науке уголовного права в той или иной связи предлагалось решение только отдельных аспектов этой проблемы, главным образом, применительно к материальным составам преступлений с отдаленными в пространстве последствиями, к длящимся или продолжаемым преступлениям, причем иногда давались весьма противоречивые и непоследовательные решения.

Прежде чем дать комплексное решение проблемы, мы попытаемся показать, как различные представители советской науки уголовного права предлагают решить проблему определения места совершения преступления внутри Союза ССР, и проанализируем их взгляды. Поскольку высказывания советских авторов касаются различных по конструкции составов преступлений, мы изложим их взгляды с учетом этого обстоятельства.

А. Больше всего высказываний в советской уголовно-правовой литературе имеется по вопросу определения места совершения дистанционного преступления с отдаленным в пространстве результатом, когда действие (бездействие) имело место на территории одной союзной республики, а последствия — на территории другой. На вопрос о том, территория какой союзной республики должна быть в этом случае признана местом совершения преступления, даются различные ответы и приводятся различные обоснования.

Так, часть советских ученых считает, что местом совершения преступления (определяющим применение уголовного законодательства) является та территория, где виновный окончил совершение самого преступного деяния, а не та, где наступили предусмотренные законом общественно опасные последствия¹². Высказывается и противоположная точка зрения¹³. Имеется и третье мнение, согласно которому местом совершения преступления является место воздействия на потерпевшего (независимо от места совершения преступления и места фактического наступления последствий преступления¹⁴).

Мнения советских ученых об определении места совершения

неоконченного дистанционного преступления с отдаленным в пространстве результатом также не совпадают. Часть ученых считает местом совершения неоконченного преступления только территорию, где имели место действия, непосредственно направленные на совершение преступления, независимо от того, где по замыслу виновного должны были наступить желаемые общественно опасные последствия¹⁵. Другие авторы заняли противоположную позицию — признали местом совершения преступления при покушении, совершенном на территории двух республик, территорию той республики, где по замыслу виновного должны были наступить предусмотренные законом общественно опасные последствия¹⁶.

Каждую из изложенных точек зрения с позиции *de lege lata* можно обосновать, более детально аргументировать, но можно и опровергнуть, так как ни одна из них непосредственно не вытекает из действующего уголовного законодательства. Преступление же в рассматриваемых случаях частично совершено в каждой из этих республик. Это фактическое положение никем из авторов не может быть оспорено, ввиду чего может быть обосновано право каждой из заинтересованных республик наказывать совершившее преступление лицо по своим уголовным законам. Однако никому из авторов, обосновавших право только одной из заинтересованных союзных республик применить свои уголовные законы к виновному в совершении преступления, не удавалось оспорить такое же право другой заинтересованной союзной республики, ибо это сделать с позиции *de lege lata* невозможно. Мы полагаем, что попытка найти в цепи единого преступного деяния звено, за которым можно было бы признать значение фактора, определяющего место совершения преступления и обуславливающего применения уголовного закона только одной союзной республики, бесперспективно. Следует ставить вопрос не о том, какой элемент или звено преступного деяния следует признать решающим для обоснования применения уголовных законов одной из заинтересованных союзных республик, а о том, как наилучшим образом согласовать безусловное право каждой из заинтересованных союзных республик применять свои уголовные законы. Ответить на этот вопрос может только общесоюзный уголовный закон — Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, где должна быть предусмотрена на этот счет специальная интерлокальная коллизийная норма. Назначение такой коллизийной нормы — способствовать максимальному утверждению суверенитета и равноправия всех союзных республик в интересующей нас области, наилучшему осуществлению уголовной юрисдикции

и обеспечению наиболее успешной борьбы с преступлениями, совершенными на территории двух или более союзных республик.

Мы полагаем, что общесоюзная интерлокальная коллизийная норма должна признать право каждой союзной республики применять свое национальное уголовное законодательство к каждому преступлению, частично совершенному на территории, если уголовная юрисдикция осуществляется в этой союзной республике. В этом случае не имеет значения, совершено ли на территории данной республики само общественно опасное действие (допущено бездействие), наступили ли там общественно опасные последствия или имело место воздействие на правоохраняемый объект. Каждой из этих союзных республик должно быть предоставлено право применять свои уголовные законы также к виновным в совершении неоконченного преступления, так как в одной из них нарушен установленный ею порядок совершением запрещенных законом действий, во второй — порядок поставлен в опасность.

Практически такое решение означало бы, конечно, что в большинстве случаев применялся бы уголовный закон той союзной республики, где пресечено общественно опасное деяние, потому что на территории этой союзной республики, как правило, возбуждается уголовное дело, ведется следствие, виновный предается суду и судом рассматривается уголовное дело. Возможна, однако, и другая практика применения уголовных законов союзной республики.

С позиции предлагаемого нами решения вопроса об установлении места совершения дистанционного преступления, посягающего на порядок двух или более союзных республик, известный интерес представляет судебная практика Латвийской ССР по делам о хищении государственного и общественного имущества, когда общественно опасные действия, направленные на безвозмездное завладение государственным или общественным имуществом, были совершены на территории Латвийской ССР, а общественно опасные последствия — реальное уменьшение государственного или общественного имущества — имели место на территории других союзных республик, что охватывалось умыслом виновных. Уголовные дела, о которых идет речь, возникли в связи с разработкой буреломного и ветровального леса на территории Латвийской ССР колхозами и совхозами различных областей РСФСР, УССР и других союзных республик. Хотя по фабуле уголовные дела этой категории отличаются одно от другого, общее для них заключается в том, что последствия умышленного незаконного безвозмездного изъятия государственного или общественного имущества

территориально не совпадают с местом осуществления преступного умысла¹⁷.

Изучение уголовных дел этой категории показывает, что следственные органы и суды Латвийской ССР применяют уголовные законы Латвийской ССР к лицам, которые частично совершили хищение на территории Латвийской ССР, т. е. сами преступные действия имели место на этой территории, а охватываемые составом преступления последствия наступили вне ее пределов. Если же на территории Латвийской ССР только было вскрыто хищение, совершенное на территории других республик, то в этом случае хищение квалифицируется по уголовным кодексам тех союзных республик, где оно было совершено¹⁸.

В постановлении Пленума Верховного Суда Союза ССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» дается руководящее указание о применении республиканского уголовного закона к лицам, совершившим хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах на территории нескольких республик, однако речь не идет о совершении дистанционного преступления с отдаленным в пространстве результатом. В нем говорится о совершении нескольких самостоятельных хищений любым способом, причиняющих ущерб социалистической собственности каждой из союзных республик, а в совокупности составляющих хищение в особо крупных размерах.

Но единообразного применения республиканского уголовного закона можно будет добиться только тогда, когда законодатель будет установлена соответствующая общесоюзная интерлокальная коллизионная норма. Предлагаемое нами содержание этой коллизионной нормы, как мы показали, соответствует судебной практике Латвийской ССР.

Однако этот вариант решения вопроса о месте совершения дистанционного преступления оставляет без ответа вопрос о применении республиканского уголовного закона к материальным дистанционным преступлениям, совершенным на территории двух (или более) республик, если уголовное дело об этом преступлении рассматривается не судом одной из этих союзных республик, а судом третьей союзной республики, на территории которой данное преступление вообще не совершалось¹⁹. Для этого случая должна быть установлена дополнительная интерлокальная коллизионная норма.

Мы полагаем, что следует рекомендовать законодателю установить применение уголовного закона той союзной респуб-

лики, где преступление было окончено (если не только сами последствия, но и место их наступления охватывается предвидением виновного) или пресечено. Это не единственное из возможных решений, но оно может быть обосновано практическими соображениями, так как даст возможность более глубоко оценить всю преступную деятельность виновного, в том числе и причины, в силу которых эта деятельность была прекращена.

Б. Место совершения т. н. формального состава преступления в советской уголовно правовой литературе не обсуждалось. Мы полагаем, это объясняется тем, что случаи осуществления формального состава преступления на территории двух союзных республик встречаются нечасто.

Судебная практика знает случаи, когда на территории двух республик совершается коммерческое посредничество²⁰, занятие запрещенным промыслом²¹, посредничество во взяточничестве²², не говоря уже о совершении различных преступлений с использованием почтовой или иной связи (оскорбления, клеветы, вымогательства, ложного доноса, даже хулиганства, взяточничества).

Во всех этих случаях единое преступление совершается на территории двух союзных республик, и должен быть решен вопрос, уголовное законодательство какой из них следует применить, причем возможны две противоположные позиции. Однако мы не видим оснований для того, чтобы признать только одну из союзных республик местом совершения преступления, дающим исключительное право на применение уголовного законодательства этой союзной республики. Решение этой коллизии под силу только общесоюзному законодателю. Это относится также к неоконченному формальному дистанционному преступлению (состав которого не требует определенных последствий).

В. Некоторые советские ученые высказали свое мнение по вопросу об определении места совершения дистанционного преступления с двумя действиями, т. е. преступления, объективную сторону оконченного состава которого составляют два обязательных действия, осуществляемые на территории различных республик. Таким преступлением является в первую очередь спекуляция в тех случаях, когда скупка товаров имеет место на территории одной союзной республики, а перепродажа — на территории другой союзной республики. Поскольку с этой категорией уголовных дел судебная практика встречается наиболее часто, вопрос о применении уголовного законодательства одной или другой союзной республики представляет особый практический интерес. В литературе на этот вопрос имеется единый взгляд. Преступление считается совершенным на территории

той республики, где имела место перепродажа скупленных для этой цели товаров²³. Однако единая позиция ученых по данному вопросу, т. е. авторитетное толкование ст. 4 Основ уголовного законодательства применительно к данному составу преступления, не является основанием для решения спорного вопроса о применении уголовных законов только одной союзной республики, когда преступление фактически совершалось на территории по крайней мере двух союзных республик. К сожалению, авторы, отстаивающие применение к случаям спекуляции законодательства только той союзной республики, где перепродавались товары с целью наживы, не обосновывают свою точку зрения, а выдают ее как бесспорную, якобы не нуждающуюся в обосновании. Сделанная же отдельными авторами попытка обосновать эту позицию недостаточно убедительна²⁴.

Если коснуться сущности самого преступления и его опасности для установленного правопорядка, то трудно сказать, какой из нескольких союзных республик спекуляцией причиняется больший вред — той, где товары скупаются, или той, где они продаются. Поскольку объектом спекуляции являются интересы советской торговли в сфере снабжения потребителей товарами, а также материальные интересы потребителей²⁵, то закономерно вопрос поставить так: на территории какой республики нарушается нормальная деятельность и интересы советской торговли, на территории какой республики действиями спекулянтов вызывается искусственный недостаток товаров в торговой сети и в связи с этим причиняется реальный ущерб интересам потребителей. Придется признать, что такой республикой является та, в которой скупаются и с территории которой вывозятся товары, а не наоборот.

На территории союзной республики, где продаются товары по завышенным ценам, происходит другой отрицательный процесс — отдельные лица получают возможность незаконно обогащаться за счет граждан, скупающих товары по завышенным ценам (хотя и с их ведома и согласия). Таким образом, вызывает сомнение, обосновано ли категорическое утверждение о том, что местом совершения преступления должно быть признано только место перепродажи товаров.

Однако для вывода о том, что местом совершения преступления следует признать только место скупки товаров для их последующей перепродажи, также нет достаточных оснований. Мы имели в виду показать, что предлагаемая схема — «куплено в одной республике, перепродано в другой — применяется закон этой второй республики» — во-первых, вовсе не бесспорна и, во-вторых, слишком упрощена. Она не дает основания для

решения вопросов применения уголовных законов в наиболее сложных случаях спекуляции, совершаемой на территории нескольких республик.

Как следует из судебной практики, лица, виновные в оконченной спекуляции, как правило, привлекаются к уголовной ответственности и предстают перед судом той союзной республики, на территории которой они перепродают скупленные в другой республике товары. Вполне понятно, что следственные органы и суд применяют уголовные законы той союзной республики, где дело расследуется и рассматривается судом, т. е. уголовные законы той союзной республики, где совершается перепродажа товаров, где спекуляция окончена.

Исходя из сложившейся судебной практики (по нашему мнению, совершенно правильной), советские ученые пришли к решению вопроса о применении уголовных законов союзных республик в пользу закона, действующего в месте перепродажи товаров. Но следственные органы и суды знают случаи применения к лицам, скупившим товары на территории одной союзной республики и перепродавшим их на территории другой, уголовных законов той республики, где совершалась скупка товаров, а не их перепродажа. Такие случаи известны судебной практике Латвийской ССР²⁶. Исходя из ныне действующего уголовного законодательства, вряд ли есть основание признать, что суды неправильно применили закон. Ст. 4 Основ уголовного законодательства не содержит соответствующего запрета.

Все высказанные нами выше соображения относятся и к неоконченному дистанционному преступлению²⁷, для наличия оконченного состава которого требуется совершение двух самостоятельных действий. Интерлокальная коллизийная норма должна решить и этот вопрос, исходя из закрепленного в законе права каждой союзной республики применять к преступлениям, совершенным в пределах ее территории, действующие на ее территории уголовные законы. Для решения этого вопроса значительный интерес представляет постановление Пленума Верховного Суда СССР от 13 октября 1972 г. по делу Зобновой и Шпакова²⁸, в особенности принципиальное положение, содержащееся в обосновании постановления по этому делу о том, что действия виновных, поскольку они совершались и в месте задержания виновных, должны квалифицироваться по законам союзной республики, на территории которой они были пресечены. Мы согласны с такой позицией и полагаем, что она по существу совпадает с нашим положением о том, что следственные и судебные органы союзной республики применяют действующие в данной республике уголовные законы, если преступление частично

совершалось также на территории этой республики. Однако все эти вопросы заслуживают обсуждения на Пленуме, специально посвященном пределам действия уголовных законов союзной республики.

Для случаев, когда на территории союзной республики, где рассматривается уголовное дело, преступление даже частично не было совершено и суду надлежит решать, уголовный закон какой из двух или более союзных республик должен быть применен, следует предусмотреть применение уголовного закона той союзной республики, где имел место последний эпизод преступной деятельности виновного (будь то скупка или перепродажа), т. е. где преступление было пресечено²⁹.

С позиции *de lege lata* это решение в такой же мере произвольно, как и все прочие предлагаемые в литературе решения этого спорного вопроса. Мы выдвигаем его как предложение *de lege ferenda*, как возможный и, как нам представляется, наиболее целесообразный вариант содержания интерлокальной коллизионной нормы, который, по нашему мнению, дает возможность отказаться от выдвижения мало обоснованных теорий приоритетов отдельных элементов состава преступления для применения уголовного законодательства той или иной союзной республики, дает возможность наилучшим образом обеспечить суверенные права союзных республик в установлении пространственных пределов действия республиканских уголовных законов.

Г. По вопросу определения места совершения дистанционного преступления, состав которого предусматривает альтернативу преступного поведения, т. е. для которого законодатель предусмотрел несколько вариантов общественно опасного действия или бездействия, причем каждый из этих вариантов характеризует окончанный состав преступления, в советской юридической литературе высказываний нет. Составы преступления такой конструкции не выделяются в самостоятельную группу и в интересующем нас плане не рассматриваются, хотя практическая необходимость в этом есть, поскольку таких составов преступления в уголовном законодательстве союзных республик немало (в большинстве случаев это т. н. формальные составы³⁰ преступления, но имеются и отдельные т. н. материальные составы³¹), и они зачастую осуществляются на территории нескольких республик.

В случае совершения таких преступлений еще более очевидно, чем во всех ранее рассмотренных случаях, что местом совершения преступления невозможно признать территорию только одной союзной республики. Однако вряд ли можно рас-

членить единый состав преступления и признать, что каждое из описанных в законе альтернативных деяний образует самостоятельный состав преступления и может быть самостоятельно квалифицировано по законам соответствующей союзной республики, а наказание назначено по правилам о совокупности преступлений. По существу, в случаях совершения виновным нескольких альтернативно предусмотренных в законе преступных деяний имеют место различные стадии реализации виновным единого преступного замысла на территории различных союзных республик³². Поэтому данное преступление следует квалифицировать по уголовным законам только одной союзной республики, так как на территории нескольких союзных республик совершается одно единое преступление³³. Это положение, казалось бы, должно быть признано бесспорным всеми. В действительности же, как показывает проведенный нами опрос ученых, работающих в области уголовного права, а также практических работников юридических ведомств Латвийской ССР — судей, прокуроров, следователей и адвокатов — это не так. 52 человека (9 из 80 опрошенных ученых и 43 из 297 практических работников), т. е. 13,8%, ответили, что в случае совершения альтернативных действий на территории различных союзных республик должны быть применены уголовные законы всех этих союзных республик³⁴. Произведенный нами опрос показал также, что нет единого мнения о применении уголовного закона союзных республик и у тех специалистов, которые исключают применение уголовных законов нескольких республик, т. е. ими различно определяется место совершения преступления.

Как и в предыдущих случаях, мы полагаем, что каждая из союзных республик, на территории которой осуществляется уголовная юрисдикция, вправе применять свои уголовные законы, если какая-то стадия осуществления единого оконченного преступления была совершена на ее территории, т. е. если одно из преступных деяний, предусмотренных альтернативно в законе, совершено на территории данной союзной республики³⁵.

Если же на территории данной республики не было совершено ни одного из альтернативно предусмотренных в законе общественно опасных деяний, то следовало бы установить порядок применения уголовного законодательства той союзной республики, где преступление было окончено или пресечено. Однако такой порядок может установить только сам законодатель в соответствующей интерлокальной коллизионной норме.

Мы полагаем, что высказанное нами соображение соответствует определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Галимзяновой³⁶.

Д. Наибольшие разногласия среди советских ученых вызывает решение вопроса об определении места совершения длящихся преступлений. Часть ученых предлагает применять к длящимся преступлениям, совершенным на территории двух или больше союзных республик, уголовные законы той союзной республики, в которой установлена за это преступление более суровая мера наказания; при равной тяжести наказания за данное преступление предлагается применять законы той республики, где длящееся преступление было завершено. Такого мнения придерживается В. Н. Кудрявцев, хотя допускает и другие варианты решения этого спорного вопроса³⁷. Н. Д. Дурманов предлагает к длящемуся преступлению применять уголовный закон той союзной республики, где виновный предается суду; если же деяние неодинаково наказывается в уголовных кодексах союзных республик, то применять закон устанавливающий более суровое наказание³⁸. Существуют и другие точки зрения, причем особого внимания заслуживает мнение авторов, предлагающих применять к длящимся преступлениям уголовный закон той союзной республики, где преступление было окончено³⁹.

Судебная практика также по разному решает эти вопросы⁴⁰.

Необходима интерлокальная коллизийная норма, которая бы установила, уголовные законы какой союзной республики должны применяться к лицу, совершившему длящееся преступление на территории двух или нескольких союзных республик. Наиболее правильным было бы применять уголовные законы той союзной республики, на территории которой виновные преданы суду и осуждены, если на этой территории частично совершалось длящееся преступление.

Однако следует обратить особое внимание на ту категорию длящихся преступлений, которые заключаются в длительном бездействии, в непрерывном неисполнении определенной обязанности на территории одной из союзных республик. Такое преступление, как и любое другое т. н. формальное преступление, совершенное путем бездействия, не может быть признано совершенным на территории двух или более союзных республик, даже если виновный и находился в этот период на территории этих республик, потому что он не посягал на установленный правопорядок в этих республиках. Поэтому во всех этих случаях местом совершения длящегося преступления является только то место, где виновное лицо обязано было действовать определенным образом, выполнять определенную обязанность, обеспечить определенное поведение. В этом плане значительный интерес представляют также преступления, как недонесение, если ви-

новный не донес о готовящемся или совершенном преступлении в одной союзной республике, и самовольное оставление воинской части или места службы⁴¹.

По-иному должен быть решен вопрос о месте совершения такого длящегося преступления, как злостное уклонение от уплаты алиментов. Для этого состава длящегося преступления характерно наличие определенных обязанностей во всех тех союзных республиках, где проживает виновный. В случае злостного уклонения от уплаты алиментов местом совершения преступления следует признать, с одной стороны, каждую союзную республику, в которой виновный злостно уклоняется от уплаты алиментов, т. е. где виновный проживает и потому обязан заниматься общественно полезным трудом и сделать возможным взыскание причитающихся с него средств на содержание ребенка по исполнительному листу; с другой же стороны, следует признать ту союзную республику, где проживает ребенок, от содержания которого злостно уклоняется виновный, т. е. где виновный обязан доставлять средства на содержание своего ребенка в соответствии и исполнительным листом⁴².

Изученная нами судебная практика по делам о злостном уклонении от уплаты алиментов в 1961—1973 гг. в Латвийской ССР свидетельствует о том, что во всех без исключения случаях продолжавшегося в течение длительного времени злостного уклонения от уплаты алиментов, когда виновный менял местожительства и с целью уклонения от уплаты алиментов переезжал из одной союзной республики в другую, суды Латвийской ССР применяли уголовный закон Латвийской ССР (ст. 118 УК), если виновный обязан был содержать своего ребенка в Латвийской ССР. Однако судебная практика Латвийской ССР пошла по пути признания местом совершения преступления территорию Латвийской ССР и в тех случаях, когда виновный в злостном уклонении от уплаты алиментов проживает в Латвийской ССР, хотя дети, которым он обязан платить алименты, проживают с матерью на территории других союзных республик. Проведенный нами опрос ученых и практических работников по вопросу применения уголовных законов союзных республик к случаям злостного уклонения от уплаты алиментов, имевших место на территории нескольких союзных республик, дает основание для вывода, что судебная практика Латвийской ССР совпадает с мнением абсолютного большинства практических работников юридических ведомств республики, а также большинства опрошенных советских ученых⁴³.

При определении места совершения такого преступления, как злостное уклонение от уплаты алиментов, следует еще

учесть, что возможны случаи, когда родитель злостно уклоняется от уплаты алиментов на содержание двух детей, проживающих на территории двух различных союзных республик, или этот же родитель длительное время уклоняется от содержания одного ребенка, который проживал одно время на территории одной союзной республики, а затем переехал на территорию другой республики, о чем было известно этому родителю. Местом совершения преступления в этих случаях является, кроме тех союзных республик, где находился виновный, также территория республик, где проживают дети. Однако, поскольку совершено одно единое преступление, хотя и длящееся, должен быть применен уголовный закон только одной союзной республики. Следует, как мы полагаем, применить уголовный закон той союзной республики, на территории которой рассматривается уголовное дело; если же преступление рассматривается судом третьей республики, где преступление не было совершено даже частично, то следует применять уголовный закон той союзной республики, где преступление было окончено или пресечено, т. е. прекращено по зависящим или не зависящим от воли виновного обстоятельствам.

Эти положения следовало бы закрепить в общесоюзной интерлокальной коллизивной норме.

Е. В советской уголовно-правовой литературе вопрос о продолжаемом преступлении рассматривается главным образом в связи с необходимостью отграничить продолжаемое преступление от повторного⁴⁴ и преимущественно в связи с рассмотрением уголовных дел о хищении государственного и общественного имущества, потому что эти вопросы имеют самое большое практическое значение⁴⁵.

По вопросу об определении места совершения продолжаемого преступления, если оно частично осуществлялось на территории двух или более союзных республик, в советской теории уголовного права нет единого мнения. Так, В. Н. Кудрявцев⁴⁶ и Я. М. Брагиниц⁴⁷ предлагают вопрос о применении уголовного закона в этих случаях решить следующим образом: применять уголовный кодекс той республики, который признает это преступление сравнительно более тяжким. Если же в этих республиках наказание за данное преступление одинаково, действия виновного следует квалифицировать по уголовному кодексу той республики, где это преступление было совершено. Н. Д. Дурманов⁴⁸ предлагает учитывать сравнительную тяжесть наказаний, предусмотренных в законодательстве различных республик; однако при одинаковой наказуемости считает необходимым применить закон той союзной республики, где виновный привле-

чен к уголовной ответственности и предан суду. И. И. Горелик по существу также приходит к выводу о том, что следует применять наиболее строгий республиканский закон, но в отличие от других ученых не рассматривает продолжаемое преступление в качестве единого преступления, с чем нельзя согласиться⁴⁹.

Автор настоящей работы в свое время предлагал считать местом совершения продолжаемого преступления территорию той республики, где преступление завершено, независимо от сравнительной тяжести наказания, однако с учетом интересов той республики, на территории которой наступили общественно опасные последствия. Более глубокое изучение судебной практики привело к убеждению, что и такое решение не всегда возможно и не всегда правильно⁵⁰. Мы полагаем, что и в данном случае следовало бы предусмотреть применение уголовного закона той союзной республики, в которой виновный предан суду, если на территории этой республики совершались отдельные акты продолжаемого преступления. Если же виновный предан суду в союзной республике, на территории которой не был совершен ни один акт единого продолжаемого преступления, следует установить применение уголовного законодательства той союзной республики, где преступная деятельность закончилась или была пресечена.

Продолжаемые преступления рассматриваются, как правило, по месту наступления общественно опасного последствия или по месту пресечения продолжаемого преступления⁵¹, поэтому в большинстве случаев применяются уголовные законы той союзной республики, где имел место последний акт оконченного или неоконченного продолжаемого преступления, т. е. в той республике, где преступная деятельность закончилась или была пресечена⁵².

Пленум Верховного Суда Союза ССР в п. 15 постановления от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» указал, что «совершение нескольких хищений (например, путем краж), причинивших в общей сложности крупный ущерб, если содеянное свидетельствует о едином продолжаемом преступлении, надлежит квалифицировать как хищение в крупном размере по закону той союзной республики, в которой преступная деятельность закончилась или была пресечена»⁵³.

Таким образом, в соответствии с толкованием Пленумом Верховного Суда Союза ССР местом совершения продолжаемого хищения является территория той союзной республики, где преступная деятельность закончилась или была пресечена, не-

зависимо от того, на территории какой республики рассматривается уголовное дело. Что касается продолжаемого хищения, то нет оснований возражать против такого решения вопроса, однако вряд ли оно может быть признано наилучшим вариантом определения места совершения всякого иного продолжаемого преступления⁵⁴. Необходима законодательная регламентация и этого вопроса.

Вопрос о месте совершения преступления соучастниками, действовавшими на территории нескольких республик, должен быть решен отдельно для двух форм соучастия — соисполнения (простого соучастия) и соучастия в узком смысле слова (сложного соучастия). К сожалению, за редкими исключениями⁵⁵, этого не делается.

В случае соисполнения каждый соучастник является исполнителем преступления. Он сам непосредственно выполняет полностью или частично действия, предусмотренные составом соответствующего преступления. Если два или более соисполнителя совместно совершают преступные деяния на территории нескольких союзных республик, то местом совершения преступления является каждая из союзных республик, на территории которой частично совершается преступление хотя бы одним из соисполнителей. Соисполнители могут совместно совершить и т. н. материальное преступление, для оконченого состава которого необходимо наступление определенных последствий.

Принципиальный подход к решению вопроса о месте совершения преступления не меняется: местом совершения преступления являются как те союзные республики, на территории которых совершаются действия каждого из соисполнителей, направленные на достижение преступного результата, так и та союзная республика, где наступил преступный результат. Однако в этом случае возможны и иные варианты решения коллизии между уголовными законами союзных республик⁵⁶.

Если к уголовной ответственности привлекается только один из соисполнителей, а в отношении второго соисполнителя уголовное дело выделяется в отдельное производство и направляется для дальнейшего расследования в другую союзную республику, то содеянное вторым соисполнителем квалифицируется по статьям уголовного кодекса союзной республики, где расследуется и рассматривается судом дело. Если же соисполнители привлекаются к уголовной ответственности на территории третьей республики, где они преступных действий вообще не совершали, то следует установить применение уголовных законов той из союзных республик, где была завершена или пресечена их преступная деятельность.

В случае совершения преступления в соучастии в узком смысле слова также имеются все основания вменить в вину каждому из соучастников в полном объеме совместно совершенное преступление. В плане установления места совершения преступления соучастниками в тесном смысле слова, действовавшими на территории нескольких союзных республик, возможны следующие варианты: 1) признать местом совершения преступления для всех соучастников ту союзную республику, на территории которой осуществил преступление исполнитель без всякого учета того места, где фактически действовали остальные соучастники — организатор, подстрекатель и пособник; 2) признать местом совершения преступления каждого соучастника ту союзную республику, на территории которой данный соучастник совершал общественно опасные действия, способствующие осуществлению преступного замысла, т. е. ту союзную республику, где организатор организовал совершение преступления или руководил его совершением, где подстрекатель склонил к совершению преступления исполнителя, где пособник содействовал совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также где лицо заранее обещало скрыть преступление, независимо от того, где совершались преступные действия исполнителем; 3) признать местом совершения преступления для исполнителей то место, где они совершили преступное деяние или где наступили или должны были наступить обусловленные их действиями последствия, а для прочих соучастников — то место, где они совершили опасные деяния, так и то место, где преступное деяние совершено исполнителем и где наступили или должны были наступить общественно опасные последствия в результате его действий.

В последнем из указанных возможных случаев неизбежны коллизии, которые могут быть урегулированы различным образом: исходя из строгости предусмотренного наказания за эти деяния в законодательстве союзных республик, исходя из степени значимости и опасности деяния, совершенного в каждой из союзных республик, и, наконец, исходя из места предания суду и рассмотрения судом уголовного дела. За и против каждого из этих предложений можно высказать различные соображения.

В советской уголовно-правовой литературе господствующим является мнение о том, что местом совершения преступления для всех соучастников является территория той союзной республики, на которой совершено преступление исполнителем, т. е. действия всех соучастников — исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника — должны квалифицироваться по уго-

ловному кодексу той союзной республики, где исполнитель совершил предусмотренное уголовным законом деяние, независимо от того, на территории какой республики он сам совершил преступное деяние⁵⁷.

Проведенный нами опрос ученых, работающих в области уголовного права, а также практических работников юридических ведомств Латвийской ССР показал, что большинство опрошенных (188 из 291 практика, 64,5% и 62 из 80 ученых, 77,5%) придерживается такого мнения⁵⁸. Из того же опроса видно, что значительное количество практических работников и ученых придерживается и других точек зрения⁵⁹, что не может не повлиять на практику применения уголовных законов к соучастникам, действующим в разных республиках.

Однако следует отметить, что в судебной практике в большинстве случаев мы встречаемся именно с таким решением вопроса: действия прочих соучастников, совершивших преступные деяния вне пределов союзной республики, где совершил преступление исполнитель, квалифицируются по законам той союзной республики, где осуществлен состав преступления исполнителем. Мы полагаем, что судебную практику следует объяснить тем, что преступление, совершенное в соучастии, как правило, раскрывается по месту осуществления преступного замысла исполнителем; здесь же возбуждается уголовное дело и виновные предаются суду и осуждаются. Поскольку преступные деяния соучастников, способствовавших наступлению преступного результата на территории данной республики или осуществлению самого преступного деяния исполнителем, суд применяет ко всем соучастникам уголовные законы данной республики.

Изученная нами судебная практика Латвийской ССР по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, когда часть соучастников действовала вне территории Латвийской ССР⁶⁰, убедила нас в том, что суды республики во всех случаях (когда преступление соучастниками совершено частью в Латвийской ССР и частью на территории других союзных республик) к соучастникам применяют уголовные законы Латвийской ССР, независимо от того, идет ли речь о соучастии в тесном смысле слова или о соинновничестве.

Так, во всех случаях рассмотрения судами Латвийской ССР дел о спекуляции, когда часто соисполнителей или пособников (в том числе и укрывателей) действовала вне пределов республики, ко всем соучастникам применялись уголовные законы Латвийской ССР, т. е. действия всех их, в том числе и соисполнителей,

совершивших преступные деяния вне территории Латвийской ССР, квалифицировались по УК Латвийской ССР. К такому же выводу мы пришли в отношении имевшего место за пределами республики пособничества расхищению государственного или общественного имущества, совершенному на территории Латвийской ССР. Эта практика нам представляется совершенно правильной. Суды Латвийской ССР применяют свое республиканское уголовное законодательство ко всем соучастникам, которые полностью или частично совершили преступление на территории Латвийской ССР.

Господствующая точка зрения в литературе недостаточно аргументируется. Ее можно было бы теоретически обосновать только с позиции акцессорной природы соучастия. Однако советские ученые, за исключением М. И. Ковалева⁶¹, полностью отвергают акцессорную ответственность соучастников⁶², в том числе и авторы, высказавшиеся за установление места совершения преступления соучастниками в зависимости от места совершения преступления исполнителем. Рекомендации, даваемые приверженцами господствующей точки зрения, невозможно реализовать, если исполнитель совершал преступные деяния на территории нескольких республик и в каждой из этих республик имел пособников. Еще труднее установить место совершения преступления в соучастии, если два или более соисполнителя совершают преступные действия на территории нескольких союзных республик и в каждой из этих республик им оказывают содействие соучастники. В этом случае коллизия между уголовными законами двух союзных республик на основании господствующей концепции вообще не разрешима, потому что невозможно признать местом совершения преступления территорию только одной союзной республики.

Проанализировав наиболее спорные случаи установления места совершения преступления в пределах Союза ССР, необходимо отметить, что действующее общесоюзное уголовное законодательство делает возможным разное толкование ст. 4 Основ уголовного законодательства и обоснование различных критериев установления места совершения преступления. Это приводит к несогласованным, порой противоречивым решениям одного и того же вопроса в отношении разных категорий преступлений в доктрине советского уголовного права и в судебной практике.

Как мы уже показали, многими советскими авторами предлагались различные решения для установления единого места совершения преступления: одно решение только для материальных дистанционных преступлений, другое — для продолжаемых

или длящихся преступлений, третье — для преступлений, совершенных в соучастии и т. д.

Критериями, которыми предлагается пользоваться при установлении места совершения преступления применительно к отдельным категориям преступлений, являются, как мы уже установили, место совершения самого общественно опасного деяния или место наступления общественно опасных последствий, место пресечения или завершения преступления и др. Порой трудно объяснить, почему каждый из этих критериев предлагается учеными только для одной определенной категории преступлений и отвергается для другой⁶³. Но дело не в некоторой непоследовательности отдельных авторов. Наиболее трудным является избрать правильный путь решения интерлокальной коллизии — коллизии между республиканскими законами.

Многие из предлагаемых решений, как мы уже говорили, приводят к спору о том, какой из элементов состава преступления должен быть признан главным при определении места совершения преступления, а какой можно игнорировать, т. е. к возобновлению на советской почве догматического спора (длившегося между виднейшими учеными различных стран в течение столетий⁶⁴) о приоритете отдельных элементов состава преступления.

Вряд ли с точки зрения принципа социалистической законности представляется возможным убедительно обосновать исключительное значение какого-то одного элемента состава преступления для определения места совершения преступления в целом, т. е. утвердить одну позицию и отвергнуть другую. Каждое звено преступного деяния, осуществленного в пределах союзной республики, нарушает правопорядок, установленный в данной республике. Вряд ли возможно установить, какое из деяний — совершенное в пределах территории данной республики и повлекшее последствия вне ее пределов или совершенное вне ее пределов и повлекшее последствия в ее пределах — в большей мере посягает на установленный ею правопорядок. Поэтому каждая советская социалистическая республика должна быть признана местом совершения любого преступления, если на ее территории осуществлено одно из звеньев преступного деяния, один из элементов состава преступления, один из этапов продолжаемого или длящегося преступления, одна из стадий неоконченного преступления, одно из альтернативно предусмотренных законом деяний. В случае совершения окончченного преступления или покушения не должны приниматься во внимание приготовительные действия, в правовом смысле безразличные промежуточные последствия и последствия, выхо-

дящие за рамки окончченного состава преступления. Место совершения приготовительных действий (при покушении или окончченном преступлении), как и место наступления в правовом смысле безразличных последствий или последствий, выходящих за рамки предусмотренных законом последствий, не влияют на применение уголовных законов союзной республики. Не может быть признана местом совершения преступления также территория той союзной республики, на которой случайно наступили предусмотренные законом последствия, если виновный не предвидел, не мог и не должен был предвидеть их наступления в этом месте.

Таким образом, каждый из нескольких актов или составных частей единого преступного деяния имеет самостоятельное значение при определении места совершения преступления; такое же самостоятельное значение имеет каждое из юридически значимых промежуточных и окончательных последствий. Это означает, во-первых, что каждая союзная республика, на территории которой преступление совершено не только полностью, но и частично, должна быть признана местом совершения преступления; во-вторых, что две и более союзных республик одновременно могут быть признаны местом совершения преступления. Прав А. А. Тилле в том, что коллизии республиканского законодательства являются неизбежным фактом на данном этапе развития Союза ССР. Поэтому необходимо разработать четкие правила правового регулирования коллизий республиканского законодательства⁶⁵.

Мы полагаем, что правовое регулирование коллизий в праве применения республиканских уголовных законов должно основываться на принципах советского уголовного права и принципах осуществления советской уголовной юрисдикции. Исходя из принципов советского уголовного права, вряд ли можно считать обоснованным такое решение коллизии между уголовными законами союзных республик, как применение наиболее строгого уголовного закона, т. е. уголовного закона той из союзных республик, который предусматривает наиболее строгое наказание⁶⁶. Нет никакого основания считать, что ныне действующее уголовное законодательство дает основание для применения более строгого уголовного закона⁶⁷. Такое положение ни прямо и ни косвенно не вытекает из ныне действующего советского уголовного законодательства; поэтому такое толкование закона в настоящее время не имеет законного основания⁶⁸. Полагаем, что следует отказаться от такого решения интерлокальных коллизий и не ориентировать в таком направлении советского законодателя. Вряд ли стоит вводить в советское право при-

менения уголовного закона положение в пользу более строгого закона⁶⁹.

Основание для решения вопроса следует искать не в оценке сравнительной значимости элементов состава преступлений, не в сравнительной тяжести наказаний, установленных законодательством союзных республик, а в закрепленных в законодательстве Союза ССР суверенных правах союзной республики на осуществление своей уголовной юрисдикции и на применение своих уголовных законов к деяниям, совершенным в пределах ее государственной территории, даже если эти деяния только частично совершены на ее территории, а в какой-то своей части совершались также на территории других союзных республик.

Верховный Совет Союза ССР, приняв 11 февраля 1957 г. закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов»⁷⁰, закрепил право и обязанность каждой из советских социалистических республик обеспечить охрану установленного в ней правопорядка, который нарушают преступные деяния, совершаемые как лицами, находящимися в пределах данной союзной республики, так и лицами, находящимися на территории других союзных республик и своими деяниями вызывающими общественно опасные последствия в данной союзной республике, а также лицами, которые в отдельности или совместно с другими (в соучастии) осуществляют какую-то часть преступления в пределах территории данной республики.

«...Партия взяла твердый курс на расширение прав союзных республик в хозяйственном и культурном строительстве, — указывал Л. И. Брежнев. — Этот курс был одобрен XX и XXII съездами КПСС, всем советским народом. Укрепление хозяйственной самостоятельности повлекло за собой и расширение законодательных прав союзных республик»⁷¹. Исходя из расширенных прав союзных республик в области законодательства и его применения, за каждой союзной республикой должно быть признано право осуществления уголовной юрисдикции на основании своих уголовных законов, если преступными действиями был в какой-то мере нарушен установленный в пределах ее территории правопорядок. Такое решение весьма спорного вопроса явилось бы наилучшей гарантией и утверждением равноправия союзных республик в плане установления пределов действия республиканского уголовного законодательства в пространстве.

В предлагаемой системе интерлокальных коллизийных норм должна быть предусмотрена также норма, определяющая,

какой уголовный закон должен быть применен в случаях, когда уголовное дело рассматривается в той союзной республике, на территории которой преступление вообще не совершалось. Полагаем, что следует законодательно закрепить применение уголовного закона той союзной республики, на территории которой закончилась преступная деятельность (преступление фактически было завершено, прекращено или пресечено).

Такое решение вопроса не противоречит ни суверенитету ни равноправию союзных республик и, как мы полагаем, дает наибольшую возможность суду правильно оценить общественную опасность содеянного, причины, по которым деяние не было доведено до конца или не возобновлена преступная деятельность. Кроме того, такое решение имеет значительные практические преимущества (не требует изучения и сравнительного анализа судом уголовного законодательства нескольких союзных республик и др.), что законодателем должно быть учтено, так как, в свою очередь, приведет к правильному и единообразному применению уголовных законов⁷².

Глава VIII

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНОСТРАНЦЕВ, НЕ ПОДСУДНЫХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ СОВЕТСКИМ СУДЕБНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ч. 2 ст. 4, как и уголовные кодексы всех союзных республик, установили, что «вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые согласно действующим законам и международным соглашениям не подсудны по уголовным делам советским судебным учреждениям, в случае совершения этими лицами преступления на территории Союза ССР, разрешается дипломатическим путем».

В случаях совершения преступления на территории Союза ССР дипломатическими представителями иностранных государств и иными иностранными гражданами вопрос об их неподсудности по уголовным делам советским судебным учреждениям в настоящее время определяется Положением о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1966 г.¹, в котором решен вопрос, какие представители иностранных государств и в каких пределах пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик. Это Положение принято в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях в 1961 г.², являющейся основным международно-правовым документом, определяющим статус и функции дипломатического представительства при главах государств,³ и Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г., регулирующей все вопросы консульских отношений между государствами⁴. Им учтены также требования Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций 1946 г.⁵ и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений Организации Объединенных Наций 1947 г.⁶, а также Конвенции

о правоспособности, привилегиях и иммунитете Совета экономической взаимопомощи, подписанной 14 декабря 1959 г. в Софии⁷. Положение 1966 г. дает основание сделать вывод, что в ст. 4 Основ уголовного законодательства речь идет о различных категориях представителей иностранных государств и международных организаций, которые согласно действующим законам и международным соглашениям, как правило, по уголовным делам не подсудны советским судебным учреждениям, а потому вопрос об их уголовной ответственности разрешается дипломатическим путем. Вопросы уголовной юрисдикции каждой из этих категорий лиц требуют самостоятельного анализа.

1. Глава дипломатического представительства иностранного государства в ранге посла, посланника и поверенного в делах, как и члена дипломатического персонала представительства — советники, торговые представители, военные, военно-морские и военно-воздушные атташе, первые, вторые и третьи секретари, атташе, секретари-архивисты, а также заместители торговых представителей, помощники военных, военно-морских и военно-воздушных атташе пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР (ст. 13 Положения). Венская конвенция 1961 г. называет этих лиц дипломатическими агентами, относит к ним главу представительства и членов дипломатического персонала представительства (членов персонала представительства, имеющих дипломатический ранг). Ст. 31 Венской конвенции устанавливает, что дипломатические агенты пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания, что не освобождает их от юрисдикции аккредитующего государства. Однако, эти лица, могут подлежать юрисдикции СССР и союзных республик в случае ясно выраженного согласия на это аккредитующего государства.

2. Иммунитет от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик распространяется также на членов семьи главы дипломатического представительства и членов семей дипломатического персонала представительства, если они проживают вместе с указанными лицами и не являются советскими гражданами (ст. 15 Положения). Венская конвенция также решила вопрос об иммунитете от уголовной юрисдикции государства пребывания членов семьи дипломатического агента, не указав, кого из родственников следует причислить к членам семьи. В ранее действовавшем Положении о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР от 14 января 1927 г. было сказано (прим. 2 к ст. 2), что права и преимущества дипломатических представителей распространяются на супругов и несовершеннолетних де-

тей. Но, как указывается в советской международно-правовой литературе, практика СССР пошла в этом отношении несколько дальше, включив в состав семьи совершеннолетнюю дочь, находящуюся на иждивении отца и не имеющую собственных средств к существованию⁸. Таким образом, в семью бесспорно входят супруг и несовершеннолетние дети и, как правило, лица, состоящие на иждивении дипломатов. Главное условие, которое выдвигается советскими учеными в области международного права, это наличие тесных уз или особых обстоятельств, связывающих лиц, живущих с дипломатическим агентом. Они усматривают наличие таких уз, если, например, близкая родственница ведет хозяйство посла или дальний родственник живет в семье в течение многих лет и практически стал членом семьи⁹. Однако в советской литературе по международному праву подчеркивается, что в практике государств нет единого мнения по вопросу о том, на каких членов семьи дипломата распространяется иммунитет от уголовной юрисдикции. Спорен даже вопрос о том, относятся ли к членам семьи родители дипломата¹⁰.

Аккредитуемое государство может отказаться от иммунитета в отношении членов семьи дипломата, т. е. ясно выразить согласие на передачу их суду в СССР. Международная практика знает случаи, когда аккредитуемое государство отказалось от иммунитета в отношении членов семьи дипломатов.

3. Сотрудники административно-технического персонала дипломатического представительства и проживающие вместе с ними члены их семей, если они не являются советскими гражданами или не проживают в СССР постоянно, пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик, однако только на основе взаимности (ст. 16). Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств 1966 г. не дает определения административно-технического персонала. Венская конвенция 1961 г. к членам административно-технического персонала относит членов персонала представительства, осуществляющих административно-техническое обслуживание представительства, и распространяет на них иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания (ч. 2 ст. 37 Венской конвенции). В советской литературе по международному праву к этой категории лиц относятся: заведующие канцеляриями, бухгалтеры, переводчики, шифровальщики, технические секретари, машинистки и др.¹¹. В СССР вопрос о привилегиях и иммунитетах членов административно-технического персонала иностранных государств был положительно решен еще до Венской конвенции. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке предоставления

прав и преимуществ техническому и обслуживающему персоналу иностранных посольств и миссий в СССР» от 27 марта 1956 г. предусматривал распространение прав и преимуществ, установленных Положением о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств 1927 г., на технический и обслуживающий персонал иностранных посольств и миссий, но исходя из принципа взаимности в отношении каждой отдельной страны.

В Положении о дипломатических и консульских представительствах 1966 г. ничего не сказано о том, что иностранное государство, аккредитовавшее этих лиц, может отказаться от иммунитета от уголовной юрисдикции в государстве пребывания. Однако Венская конвенция указала, что аккредитуемое государство может отказаться от иммунитета от уголовной юрисдикции и в этом случае.

4. Сотрудники обслуживающего персонала дипломатического представительства (к которым относят шоферов, курьеров, лифтеров, швейцаров и пр.)¹², если они не являются советскими гражданами или не проживают в СССР постоянно, пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции только в отношении действий, совершенных ими при исполнении служебных обязанностей, на основе взаимности. Так же определено применение уголовной юрисдикции в отношении упомянутых лиц в Венской конвенции. Ни Положение 1966 г., ни Венская конвенция не предусмотрели иммунитета от уголовной юрисдикции в отношении членов семьи обслуживающего персонала представительства. На сотрудников обслуживающего персонала может быть распространен иммунитет от уголовной юрисдикции в отношении действий, совершенных ими вне исполнения служебных обязанностей, исходя из принципа взаимности в отношении каждого отдельного государства. Домашние работники сотрудников представительства в соответствии с Положением о дипломатических и консульских представительствах иммунитетом от уголовной юрисдикции не пользуются. Эти лица не являются служащими аккредитуемого государства. Венская конвенция предусмотрела, однако, что государство пребывания должно осуществлять свою юрисдикцию над этими лицами так, чтобы не вмешиваться ненадлежащим образом в осуществление функций представительства.

5. Глава консульского представительства и консульские должностные лица пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции в том, что касается их служебной деятельности (например, получение взяток), т. е. не подлежат уголовной юрисдикции государства пребывания в отношении действий, совершае-

мых ими при выполнении консульских функций. Они не могут быть подвергнуты задержанию или аресту, иначе как в случае преследования за совершение тяжкого преступления или исполнения вступившего в законную силу приговора суда (ст. 25). Однако в Положении специально подчеркивается, что на основе специального соглашения с иностранным государством на консульских должностных лиц могут быть распространены и другие привилегии и иммунитеты, предоставляемые членам дипломатического персонала, в том числе и иммунитет от уголовной юрисдикции, исходя из принципа взаимности в отношении каждого отдельного государства. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. в ст. 73 указала, что Конвенция не препятствует созданию особого режима для своих консульских учреждений в соответствии с двухсторонними международными соглашениями, отличающегося от режима консульских учреждений по данной конвенции. И. П. Блищенко отмечает, что тенденция развития современной консульской практики в настоящих условиях идет по пути большей иммунизации консульских должностных лиц, в том числе и в отношении уголовной юрисдикции¹³. По этому пути идет и практика Союза ССР. Об этом же свидетельствуют консульские конвенции, заключенные СССР не только с зарубежными социалистическими странами, но и рядом капиталистических стран¹⁴. В Положении о дипломатических и консульских представительствах специально указано, что в тех случаях, когда международным договором, в котором участвует СССР, установлены иные правила, чем содержащиеся в Положении, применяются правила международного договора (ст. 3).

В новых консульских соглашениях с социалистическими странами предусмотрен иммунитет консульских должностных лиц от уголовной юрисдикции¹⁵. В настоящее время положение консула приравнивается по существу к положению дипломата. Консульские конвенции, заключенные между СССР и многими капиталистическими странами, также предусматривают более благоприятный режим, чем Венская консульская конвенция 1963 г. и Положение о дипломатических и консульских представительствах 1966 г.¹⁶

Венская консульская конвенция 1963 г. в ст. 45 установила, что отказаться от любых иммунитетов и привилегий работников консульских учреждений может только представляемое государство. Такой отказ должен быть определенно выражен в письменной форме. Все консульские конвенции между СССР и зарубежными социалистическими странами также предусмотрели право представляемого государства отказаться от иммунитета консульских должностных лиц и членов их семей, прожи-

вающих вместе с ними, установив для этого в большинстве случаев письменную форму отказа. Такое же положение о возможности отказа от иммунитета имеется во всех конвенциях, заключенных между СССР и капиталистическими странами. Во всех случаях требуется, чтобы отказ был высказан со всей определенностью, а Конвенция с Японией требует, чтобы отказ был выражен в письменной форме дипломатическим путем (п. 3 ст. 18).

6. Полсьжением о дипломатических и консульских представительствах иммунитеты, предусмотренные для членов дипломатического персонала представительства, распространяются также на представителей иностранных государств и на членов парламентских и правительственных делегаций, которые приезжают в СССР для участия в межгосударственных переговорах, международных конференциях и совещаниях или с другими официальными поручениями. Сказанное относится также к членам семьи указанных лиц, если последние не являются советскими гражданами.

7. На сотрудников делегаций иностранных государств, которые приезжают в СССР для участия в межгосударственных переговорах, международных конференциях и совещаниях или с другими официальными поручениями, иммунитет от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик распространяется на основе взаимности. Это относится также к членам семьи этих лиц, если они не являются советскими гражданами. В советской международно-правовой литературе указывается на необходимость признания за этими представителями иностранных государств статуса специальных миссий дипломатического характера. Глава государства, глава правительства, министр иностранных дел или другие лица высокого ранга, участвующие в специальной миссии, пользуются в принимающем государстве или в третьем государстве, кроме тех преимуществ, которые указаны в данной Конвенции, преимуществами, привилегиями и иммунитетами, которые признаются за ними международным правом¹⁷.

8. Положение о дипломатических и консульских представительствах не установило, какие привилегии и иммунитеты предоставляются международным межправительственным организациям на территории СССР, представителям иностранных государств при этих организациях, а также их должностным лицам, но указало, что этот вопрос решается соответствующими международными соглашениями, в которых участвует СССР. Поэтому, чтобы определить, какие иммунитеты и привилегии предоставляются находящимся на территории СССР представителям и должностным лицам международных межправительственных организаций, в том числе кому и в каких случаях предоставляется иммунитет от уголовной юрисдикции СССР и союз-

ных республик, необходимо обратиться к некоторым международным соглашениям, в которых регламентированы эти вопросы. Уже в Уставе ООН от 26 июня 1945 г. было записано, что представители членов ООН и ее должностные лица пользуются привилегиями и иммунитетами, необходимыми для самостоятельного выполнения ими своих функций, связанных с деятельностью ООН¹⁸.

Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций, принятая Генеральной Ассамблеей 13 февраля 1946 г. установила привилегии и иммунитеты самой ООН, ее должностных лиц, представителей членов ООН, экспертов в командировках по делам ООН¹⁹.

Генеральный секретарь и все помощники Генерального Секретаря ООН пользуются в отношении себя, своих жен и несовершеннолетних детей привилегиями и иммунитетами, изъятиями и льготами, предоставляемыми дипломатическим представителям. Отказаться от иммунитета в отношении Генерального Секретаря может только Совет Безопасности, в отношении прочих упомянутых лиц — Генеральный Секретарь. Представители членов ООН в главных и вспомогательных органах и на конференциях, созываемых ООН, при исполнении ими своих служебных обязанностей и во время поездки к месту заседания пользуются всякого рода судебным-процессуальным иммунитетом в отношении всего сказанного, написанного или совершенного. Такое же положение предусмотрено для должностных лиц ООН и экспертов в командировках по делам ООН.

21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о привилегиях и иммунитете специализированных учреждений ООН. Из этой Конвенции следует, что сотрудники каждого социального учреждения ООН пользуются привилегиями и иммунитетами на территории государства — члена ООН. Каждое специализированное учреждение ООН определяет категории должностных лиц, на которых распространяются привилегии и иммунитеты, о чем доводится до сведения правительств всех государств — членов через Генерального секретаря ООН. Конвенция предоставляет также главному администратору и лицам, исполняющим его обязанности в его отсутствие, их женам и несовершеннолетним детям те же привилегии и иммунитеты, которыми пользуются дипломатические представители. Советский Союз является членом этой Конвенции²⁰.

14 декабря 1959 года в Софии была подписана Конвенция о правоспособности, привилегиях и иммунитетах Совета экономической взаимопомощи²¹. В ст. 4 Конвенции говорится о предоставлении представителям стран — членов Совета экономической

взаимопомощи привилегий и иммунитетов. К представителям отнесены главы, их заместители, члены и секретари делегаций, а также советники и эксперты. Установлен иммунитет от личного ареста или задержания, а также от юрисдикции судебных учреждений в отношении всех действий, которые ими могут быть совершены в качестве представителей стран — членов Совета²².

Советские ученые в области международного права приходят к выводу, что международные должностные лица являются дипломатами особого рода, представляющими международную организацию и защищающими интересы международной организации. Они составляют так называемое «обрамление дипломатического корпуса» в период временного пребывания на территории государства — члена организации²³. Таким образом, вопрос об уголовной ответственности представителей иностранных государств и международных межправительственных организаций, если этими лицами совершаются преступления на территории Союза ССР, решается дипломатическим путем во всех перечисленных выше случаях, поскольку законодательством Союза ССР или соответствующими международными соглашениями, в которых участвует СССР, установлена неподсудность этих лиц судебным учреждениям СССР и союзных республик.

Таким образом, перечисленные лица в случае совершения ими преступлений не подлежат уголовной юрисдикции Союза ССР и союзных республик без специального согласия на это, полученного дипломатическим путем. Это не означает, что к перечисленным лицам вообще не могут быть применимы советские уголовные законы, что на преступления, совершенные этой категорией лиц, не может быть распространено действие советских уголовных законов. Мы не согласны с высказанным в теории советского уголовного права мнением о том, что из территориального принципа действия советского уголовного закона в пространстве имеется изъятие — действие уголовного законодательства СССР и союзных республик не распространяется на глав и членов дипломатического персонала дипломатического представительства иностранных государств в СССР и других иностранцев, которые не подсудны по уголовным делам советским судебным органам в силу международных договоров или советских законов, т. е. на лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом²⁴. В этих случаях советскими учеными делается ссылка на ст. 4 Основ уголовного законодательства, которая якобы предусматривает такое изъятие из действия советского уголовного закона в пространстве. Мы не усматриваем оснований для такого толкования ч. 2 ст. 4 Основ уголовного законодательства²⁵. Вопрос в плане материального уголовного

права не решается вовсе, и изъятий из территориального принципа действия уголовного закона в пространстве. Основами уголовного законодательства не установлено, решается только вопрос о территориальной подсудности и в ч. 2 ст. 4 Основ уголовного законодательства содержится лишь уголовно-процессуальная норма. Ей соответствует уголовно-процессуальная норма, содержащаяся в уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик. Так, в уголовно-процессуальных кодексах Грузинской (ч. 2 ст. 22) и Литовской ССР (ч. 2 ст. 20) записано, что полномочия органов расследования, прокурора, суда, предоставляемые ими данными кодексами, не распространяются на лиц, обладающих неприкосновенностью. В уголовно-процессуальных кодексах РСФСР (ч. 2 ст. 33), Белорусской (ч. 2 ст. 21), Армянской (ч. 2 ст. 18), Киргизской (ч. 2 ст. 26), Туркменской ССР (ч. 2 ст. 20) сказано, что в отношении лиц, обладающих правом дипломатической неприкосновенности, процессуальные действия, предусмотренные этими кодексами, производятся лишь по их просьбе или с их согласия.

Это не исключает, конечно, обязанности соответствующих органов власти в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело по факту преступления, чтобы установить событие преступления и лиц, его совершивших. Непосредственно возникает целый ряд уголовно-процессуальных отношений. По мере развития уголовно-процессуальных отношений более рельефно выступает и делается определенным уголовно-правовое отношение, так как устанавливаются все обстоятельства совершенного преступления²⁶. Чтобы решить дипломатическим путем вопрос об уголовной ответственности иностранцев, пользующихся иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик, необходимо раскрыть преступление и изобличить виновного. Таким образом, первые две задачи, выдвигаемые ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, — быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных, т. е. лиц, действительно совершивших преступления; — должны быть решены и в случае совершения преступления иностранцами, перечисленными в ч. 2 ст. 4 Основ уголовного законодательства²⁷. Только третья задача, поставленная ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, — «обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» — не может быть выполнена до решения вопроса об уголовной ответственности дипломатическим путем.

С момента, когда Министерство иностранных дел СССР по-

лучает мотивированное постановление следователя о наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления иностранцу, пользующемуся дипломатическим иммунитетом, и решения вопроса об его ответственности дипломатическим путем, появляется основание для возникновения международных правоотношений.

В международно-правовой литературе не отрицается, что односторонние действия государств также имеют юридические последствия и затрагивают либо сферу правовых отношений внутри государств, либо сферу международно-правовых отношений. Советские ученые рассматривают некоторые односторонние действия государств как юридические факты, влекущие за собой определенные правовые последствия — возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей субъектов международного права²⁸. К этим односторонним действиям государств причисляют также такой относящийся к области дипломатической службы юридический факт как объявление дипломатического представителя «*persona non grata*», т. е. по отношению к этому дипломатическому лицу ранее данное согласие на его назначение дипломатическим представителем (агента) может быть ликвидировано, и оно должно покинуть страну в установленные сроки²⁹.

Однако дипломатическая практика знает случаи отказа аккредитующего государства от дипломатического иммунитета и выражения согласия на привлечения к уголовной ответственности бывшего дипломата своей страны в государстве пребывания³⁰.

Если вопрос об уголовной ответственности иностранца, пользующегося иммунитетом от уголовной юрисдикции СССР и союзных республик, аккредитующее государство решает дипломатическим путем в пользу привлечения этого лица к уголовной ответственности в СССР, то продолжают существовать уголовно-процессуальные отношения. Виновный в совершении преступления подвергается справедливому наказанию на основании советских уголовных законов, применяемых в соответствии с территориальным принципом действия советских уголовных законов в пространстве.

Мы приходим к выводу, что ныне действующее уголовное законодательство СССР и союзных республик не предусматривает исключений из территориального принципа действия советского уголовного закона в пространстве, что, безусловно, свидетельствует об основополагающем характере этого принципа. Это не означает, что государство не может заключать двухсторонние и многосторонние соглашения, предусматривающие определенные исключения из этого правила.

Глава IX

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ОТНОШЕНИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СОЮЗА ССР СОВЕТСКИМИ ГРАЖДДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

1. Действие советских уголовных законов в отношении деяний, совершенных за пределами Союза ССР советскими гражданами. В соответствии с принципом гражданства (национальным принципом, активным персональным принципом) граждане Союза ССР, совершившие преступления за границей, подлежат уголовной ответственности по уголовным законам Союза ССР и союзных республик. Поскольку предпосылкой применения советских уголовных законов в данном случае является советское гражданство лица, совершившего преступление за границей, необходимо в первую очередь уточнить, кто является гражданином СССР.

Советское гражданство регулируется Законом «О гражданстве СССР», принятым Верховным Советом СССР 19 августа 1938 г.¹ В основе этого Закона лежат положения Конституции СССР 1936 г. и конституций союзных республик о едином союзном гражданстве — каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР². По Закону 1938 г. гражданами СССР являются: а) лица, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи и не утратившие советского гражданства; б) лица, которые приобрели советское гражданство в установленном законом порядке (ст. 2). Гражданами СССР являются также дети, родители которых к моменту их рождения являлись советскими гражданами, независимо от того, родились эти дети в пределах СССР или вне его пределов, т. е. гражданство СССР приобретается в силу рождения от граждан СССР. При различном гражданстве родителей, один из которых является гражданином СССР, а другой — иностранцем, если хотя бы один из родителей в момент рождения ребенка проживает на территории СССР, ребенок считается советским граждани-

ном. Если же один из родителей является гражданином СССР в момент рождения ребенка, но оба родителя проживают вне пределов СССР, вопрос о гражданстве решается соглашением родителей³. Общий единый порядок приобретения гражданства СССР иностранцами и лицами без гражданства установлен ст. 3 Закона о гражданстве — в гражданство СССР может быть принято любое лицо, независимо от национальности и расы, по его ходатайству Президиумом Верховного Совета СССР или Президиумом Верховного Совета союзной республики, на территории которой это лицо проживает.

Кроме этих положений Закона о гражданстве 1938 г., вопросы приобретения гражданства и восстановления в гражданство СССР регулируются еще и целым рядом специальных указов Президиума Верховного Совета СССР. Особый порядок предоставления прав гражданства СССР был установлен в связи с вхождением новых советских республик в состав СССР и в связи с воссоединением территорий⁴. Приобретение советского гражданства может иметь место в порядке оптации⁵ и репатриации в соответствии со специальными на этот счет указами Президиума Верховного Совета СССР. Ряд указов Президиума Верховного Совета Союза ССР предусмотрел особый порядок восстановления (рентурализация) в правах советского гражданства бывших подданных Российской империи (в связи с их многочисленными просьбами), проживавших за границей.⁷

В соответствии со ст. 4 Закона 1938 г. выход из гражданства СССР разрешается только Президиумом Верховного Совета СССР. Иной порядок выхода из советского гражданства может быть установлен специальными указами Президиума Верховного Совета СССР в связи с особыми условиями⁸. При утрате гражданства СССР дети, не достигшие 14 лет, следуют гражданству своих родителей, а гражданство детей старше 14 лет может быть изменено только с их согласия.

Лишение гражданства СССР в соответствии с Законом 1938 г. может иметь место по приговору суда и в силу особого в каждом случае указа Президиума Верховного Совета СССР (ст. 7). Однако в настоящее время лишения гражданства по приговору суда неприменимо, а потому первое из перечисленных в ст. 7 оснований следует считать утратившим силу⁹. В Законе не указывается, в каких случаях советский гражданин может быть лишен гражданства; основанием для этого следует считать совершение действий, не совместимых со статусом гражданина СССР¹⁰.

Лица, которые приобрели советское гражданство в установленном законом порядке, не вышли из советского гражданства,

не утратили и не лишены его, являются гражданами Союза ССР. На этих лиц распространяется уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик в случае совершения ими преступлений за границей.

В советском уголовном законодательстве не решен вопрос о применении советских уголовных законов к гражданам СССР, совершившим преступления за границей до того, как они приняты в гражданство СССР. На основании действующих в настоящее время законов такое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности в СССР. Однако такое лицо в соответствии с действующими в настоящее время уголовным законодательством и договорной практикой вряд ли может быть выдано иностранному государству для привлечения его к ответственности в месте совершения преступления или для отбытия наказания¹¹. Решение этого вопроса не представляет трудностей для большинства зарубежных социалистических государств, так как они могут применить к этой категории лиц свой национальный закон в соответствии с принципом представительной, или замещающей, компетенции, допускающим применение национального уголовного закона к иностранцам, совершившим преступления за границей, которые находятся в данном государстве и не выдаются иностранному государству¹².

В капиталистических государствах этот вопрос решается различно: некоторые страны выдают лиц, приобретших гражданство страны после совершения преступления (например, Франция в соответствии с законом о выдаче 1927 г.), другие не допускают выдачу в этом случае (например, Бельгия в соответствии с Законом о выдаче от 15 марта 1874 г.). В уголовно-правовой литературе ФРГ эта группа граждан именуется новыми гражданами (Neubürger); утверждается, что они, как правило, не должны выдаваться.

В договорах о взаимной помощи по правовым вопросам, заключенным Союзом ССР с другими социалистическими государствами, этот вопрос не решен, а общее положение о том, что граждане своей страны не выдаются иностранным государствам для привлечения к уголовной ответственности и исполнения наказания, дают основание сделать вывод, что и эта категория советских граждан не должна выдаваться. Однако, если с таким решением вопроса согласиться, необходимо предусмотреть в советском уголовном законодательстве возможность применения к этим лицам советского уголовного закона. Приобретение советского гражданства не может быть основанием для освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления за границей до приобретения ими советского граж-

данства, если совершенное за границей преступление является таковым также по законодательству Союза ССР или по законодательству той союзной республики, где это лицо проживает. Решение этого вопроса представляет не только теоретический интерес, но является, безусловно, и практически значимым в связи с тем, что за послевоенные годы советское гражданство приобрело большое количество лиц, проживавших до этого в различных странах.

В практике может возникнуть вопрос об уголовной ответственности и применении уголовного закона к совершившим преступления вне пределов Союза ССР лицам, имеющим двойное гражданство, т. е. одновременно являющимися гражданами Союза ССР и гражданами другого государства. При территориальных изменениях двойное гражданство в современных условиях почти не возникает, поскольку вопросы гражданства в таких случаях решаются в соответствующих международных договорах.

Советский Союз урегулировал спорные вопросы гражданства с зарубежными социалистическими государствами в двухсторонних конвенциях. Такие конвенции заключены почти со всеми социалистическими государствами¹³. Конвенции не только урегулировали вопросы о гражданстве лиц с двойным гражданством, но и наметили пути предотвращения возникновения случаев двойного гражданства. Однако полностью искоренить это явление очень сложно; его можно только сократить путем заключения двухсторонних договоров. Преобладающим источником двойного гражданства являются коллизии правовых норм различных государств по вопросам гражданства. Право государств самостоятельно регулировать собственное гражданство, как справедливо отмечают советские ученые в области советского государственного и международного права, не может обеспечить полную согласованность законов о гражданстве различных государств¹⁴. Источники двойного гражданства различны — коллизия законов, касающихся приобретения гражданства в силу рождения и натурализации, т. е. коллизия между законами, основанными на «праве крови» и на «праве почвы»; коллизия между законами «право крови» в двух государствах; коллизия при несовпадении натурализации с утратой прежнего гражданства; коллизия в результате вступления в брак, если не совпадают принципы установления гражданства вступающих в брак (принцип единства гражданства семьи и принцип равноправия сторон в браке) и др.¹⁵

В уголовно-правовом плане нас интересует, как может сказаться наличие двойного гражданства у лиц, совершивших

преступление вне пределов СССР, на применении советского уголовного закона в соответствии с принципом гражданства. Поскольку каждое государство в этих случаях вправе рассматривать такое лицо исключительно как своего гражданина, поскольку это право рассматривается как неотъемлемая часть государственного суверенитета и иностранное гражданство, с точки зрения внутреннего права государства, не имеет значения, постольку следует признать, что двойное гражданство не влияет на применение советского уголовного закона если только лицо находится в пределах юрисдикции Союза ССР.

К советским гражданам, совершившим преступления за пределами Союза ССР, применяется уголовный закон той союзной республики, где они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду, т. е. применение материального уголовного закона союзной республики предопределяется применением уголовно-процессуального закона данной республики. Каждая союзная республика применяет свой уголовный закон, если в ее пределах расследуется или рассматривается судом уголовное дело о совершении гражданином СССР за границей преступления. Именно так и записано в уголовных кодексах союзных республик¹⁶.

В большинстве случаев такая регламентация применения материального уголовного права не может вызвать коллизий между законами, так как, как правило, уголовное дело рассматривается судом той республики, где виновный привлечен к уголовной ответственности. Однако в отдельных случаях такая регламентация применения уголовного закона может вызвать коллизию между уголовными законами двух республик. Если лицо, совершившее преступление за границей, привлекается к уголовной ответственности на территории одной союзной республики, а уголовное дело рассматривается в суде другой союзной республики (такая возможность законом предусмотрена и по процессуальным соображениям не исключена)¹⁷, то может возникнуть вопрос, какой из уголовных законов двух союзных республик должен быть применен — действующий в месте привлечения лица к ответственности или в месте рассмотрения уголовного дела в суде. Мы полагаем, что суд союзной республики в этом случае в соответствии со своим процессуальным законодательством применяет материальный уголовный закон своей республики, если это не влечет изменения к худшему для подсудимого¹⁸. В противном случае должен применяться уголовный закон той союзной республики, где лицо было привлечено к уголовной ответственности. Таким образом, если не совпадают уголовные законы двух республик, то должен применяться более благо-

приятный для подсудимого закон. Это положение должно быть отражено в самом законодательстве, т. е. в ст. 5 Основ уголовного законодательства должно быть указано на приоритет в применении уголовных законов двух союзных республик в случае коллизии между ними.

Основы уголовного законодательства, как и уголовные кодексы союзных республик, установили, что если граждане СССР за совершенные преступления понесли наказание за границей, то суд может соответственно смягчить им наказание или полностью освободить виновного от отбывания наказания (ч. 3 ст. 5 Основ уголовного законодательства). Ранее действовавшее советское уголовное законодательство не содержало такой нормы. Это, безусловно, положительное изменение в законодательстве. Однако мы полагаем, что дальнейшее развитие советского уголовного законодательства должно привести к внесению еще более существенных изменений в регламентацию ответственности советских граждан, совершивших преступления за границей.

Во-первых, мы считаем, что с позиции принципа справедливости и гуманизма — одного из основных принципов назначения наказания по советскому уголовному праву — следовало в ст. 5 Основ уголовного законодательства установить, что лицам, понесшим наказание за границей за совершенное там преступление, суд засчитывает отбытое за границей наказание. Так, решили вопрос о назначении наказания своим гражданам, совершившим преступления за границей, зарубежные социалистические государства.

Во-вторых, мы полагаем, что принцип социалистического интернационализма должен быть развит и расширен в советском праве применения уголовных законов. В соответствии с этим принципом должен быть внесен ряд новых положений в ст. 5 Основ уголовного законодательства и соответственно в уголовные кодексы союзных республик. Учитывая классовую сущность уголовного права зарубежных социалистических государств, его цели и задачи, его служебную роль в строительстве социализма, его однотипность с уголовным правом Союза ССР, следовало бы внести изменения в условия реализации принципа гражданства, распространив положение *pop bis in idem* на приговоры, вынесенные судами социалистических государств, т. е. отказаться от привлечения к уголовной ответственности советских граждан, которые совершили преступления в зарубежных социалистических государствах и там были привлечены к уголовной ответственности и наказаны. В этой связи следовало бы внести соответствующее дополнение также в ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, уста-

навливающее новое обстоятельство, исключющее производство по уголовному делу. В соответствии с принципом социалистического интернационализма следовало бы закрепить в действующем уголовном законодательстве Союза ССР положение о том, что в случае привлечения гражданина СССР к уголовной ответственности за преступление, совершенное им в зарубежных социалистических государствах, за которое он не был привлечен к уголовной ответственности, суду при назначении наказания надлежит в какой-то мере учитывать сравнительную строгость наказаний, предусмотренных за содеянное в СССР (имеется в виду соответствующая союзная республика) и в стране, где преступление совершено, с тем, чтобы виновный в совершении преступления не мог быть наказан строже, чем это допустимо в месте совершения преступления. Из уважения к установленному правопорядку в зарубежных социалистических государствах, как мы полагаем, вытекает положение о неприменении уголовного наказания к советским гражданам, совершившим преступления в зарубежном социалистическом государстве и освобожденных там от уголовной ответственности и наказания в силу давности уголовного преследования или на другом основании, в том числе на основании амнистии и помилования. Вопрос о создании системы уголовно-правовых норм, регламентирующих применение уголовного закона к советским гражданам, совершившим преступления вне пределов Союза ССР, в соответствии с принципом социалистического интернационализма заслуживает в настоящее время самого пристального внимания.

2. Действие советских уголовных законов в отношении деяний, совершенных за пределами Союза ССР лицами без гражданства. Применение советских уголовных законов к лицам без гражданства, совершившим преступление за пределами Союза ССР, в действующем уголовном законодательстве регулировано так же, как и в отношении советских граждан, т. е. лица без гражданства, совершившие преступления за границей, подлежат уголовной ответственности по уголовным законам Союза ССР и союзных республик. В этой связи надлежит выяснить, кто должен быть признан лицом без гражданства.

До принятия ныне действующего Закона о гражданстве СССР 1938 г. советскому законодательству не было известно правовое понятие «лицо без гражданства». Ранее действовавшее законодательство¹⁹ всех лиц, не имевших доказательства своей принадлежности к иностранному гражданству, рассматривало в качестве советских граждан. В ст. 8 Закона о гражданстве СССР 1938 г. указано, что лица, проживающие на территории СССР, не являющиеся гражданами СССР и в то же время не

имеющие доказательства своей принадлежности к иностранному гражданству, признаются лицами без гражданства. В ст. 1 Конвенции, принятой в сентябре 1954 г. в Нью-Йорке, также записано, что термин «лицо без гражданства» означает лицо, которое по законам любого государства не считается гражданином²⁰.

Безгражданство (аполидизм) может возникнуть при рождении лица от родителей, не имеющих гражданства, в случае рождения в государстве, придерживающегося «права крови»; вследствие вступления в брак в случаях, когда имеются противоречия между законами, основанными на принципе единства семьи и принципе равноправия супругов; вследствие утраты либо лишения гражданства и неприобретения другого гражданства и др.²¹. В СССР состояние безгражданства может возникнуть в случае, если лицо, проживающее в СССР, утратило свое первоначальное гражданство и не приобрело гражданства СССР. Лицом без гражданства также является проживающее в СССР лицо, которое ранее никакого гражданства не имело и не приобрело советского гражданства в установленном законом порядке.

Существующий в СССР порядок приобретения советского гражданства обеспечивает возможность сокращения числа лиц без гражданства. Кроме того, Президиум Верховного Совета СССР 16 декабря 1954 г. принял постановление «О лицах, длительное время проживающих на территории СССР и не оформивших своего гражданства». Согласно этому постановлению лица, родившиеся за границей, прибывшие в разное время в СССР (кроме политэмигрантов) и не представившие документы о своей принадлежности к иностранному государству (подданству), и их дети являются гражданами СССР²². Число лиц, не имеющих гражданства, в нашей стране во много раз сократилось. В настоящее время они составляют весьма незначительную часть населения²³.

В Союзе ССР лицам без гражданства обеспечено право на труд, на отдых, на материальное обеспечение в случае потери трудоспособности, право на образование и многие другие права, принадлежащие гражданам СССР. Ограничено лицо без гражданства только в сфере общественно-политической деятельности, а именно: лицо без гражданства в СССР не может избирать и быть избранным в советские органы государственной власти, не может служить в Советской Армии. В интересах государственной безопасности лица без гражданства ограничены в праве передвижения по стране и в выборе места жительства²⁴. Все остальные права и свободы, относящиеся к положению личности в СССР, распространяются и на лицо без гражданства.

Вопросы уголовной ответственности лиц без гражданства и

применения к ним советского уголовного закона в советском уголовном законодательстве до 1958 г. специально не регламентировались. В уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик до принятия Основ уголовного законодательства 1958 г. и Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. вообще не упоминалось понятие лиц без гражданства. Следует полагать, что на эту категорию лиц распространялись все законоположения, относившиеся к иностранцам, поскольку уголовный закон не приравнивал эту категорию лиц к гражданам СССР и не распространял на них действие советского уголовного закона, если ими совершались преступления за пределами СССР. Лица без гражданства, так же как и иностранцы, не могли привлекаться к уголовной ответственности в СССР за преступления, совершенные ими за границей, даже за преступления, направленные против СССР и его граждан.

Впервые вопросы применения советского уголовного закона к лицам без гражданства регламентированы в ст. 5 Основ уголовного законодательства. В ч. 2 ст. 5 указывалось, что находящиеся в СССР лица без гражданства, совершившие преступления за пределами СССР, несут ответственность на тех же основаниях, что и граждане СССР, т. е. они подлежат уголовной ответственности по уголовным законам, действующим в союзной республике, на территории которой они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду. Если лица без гражданства за совершенные ими преступления понесли наказание за границей, суд может в таком случае соответственно смягчить назначенное наказание или полностью освободить виновного от отбывания наказания. Это законоположения восприняты уголовными кодексами всех союзных республик без изменений. Поскольку на лиц без гражданства полностью распространяются законоположения о действии советского уголовного закона в отношении советских граждан, совершивших преступления за границей, высказанные нами соображения о возможной коллизии при применении уголовных законов двух союзных республик и необходимости ее решения в законодательстве относятся и к случаям совершения преступлений за пределами СССР лицами без гражданства. На лиц без гражданства распространяются также положения о зачете отбытого за границей наказания за то же преступление, как и об особой регламентации вопросов применения советского уголовного закона в случаях, если лицо без гражданства понесло наказание за преступление, совершенное в зарубежных социалистических государствах, или если лицо без гражданства было освобождено в зарубежном социалисти-

ческом государстве от уголовной ответственности и наказания.

Для применения уголовного закона к лицам без гражданства, совершившим преступления за границей, следует выяснить, имеется ли в законодательстве в виду любое лицо без гражданства, находящееся в СССР, или только лицо, проживающее в СССР. Само словоупотребление в данном случае не вызывает и не должно вызывать сомнений. Поэтому советскими учеными под «находящимся в СССР лицом без гражданства» понимается каждое лицо без гражданства, независимо от того, где оно проживает постоянно, сколько времени и в каких целях находится в СССР.

Мы полагаем, что вряд ли имеется необходимость в распространении положений об ответственности гражданина СССР за преступления, совершенные им за пределами СССР на всех лиц без гражданства, в том числе и прибывающих в СССР на короткий срок, например, находящихся в СССР в служебной командировке, в качестве туриста, по приглашению родственников и т. п. или же находящегося в СССР проездом.

Такое лицо ничем не связано с Союзом ССР. Оно, в отличие от лиц без гражданства, постоянно или в течение определенного времени проживающих в СССР, не пользуется социально-экономическими правами, личными правами и свободами, гарантированными советским общественным и государственным строем, не пользуется защитой своих прав и интересов со стороны Советского государства. Сомнительна также заинтересованность государства в столь широком распространении действия советского уголовного закона в пространстве. Мы полагаем, что интересам Советского государства соответствует распространение советского уголовного закона на лиц без гражданства, не проживающих в СССР, только в случае совершения ими вне пределов СССР преступлений, посягающих на интересы Союза ССР или его граждан. Таким образом, ответственность лиц без гражданства, не проживающих в СССР, следовало бы установить, исходя из положений реального принципа или принципа защиты и пассивного персонального принципа. Поэтому предлагаем распространить действие советского уголовного закона в соответствии с положениями принципа гражданства только на лиц без гражданства, постоянно проживающих в СССР.

Ни одно из зарубежных социалистических государств не предусмотрело применения национального уголовного закона к лицам без гражданства, совершившим преступления за границей, если они не являются постоянными жителями этого государства. Так, уголовные кодексы ГДР, СРР и ЧССР распрост-

ранили действие национального уголовного закона на лиц без гражданства, совершивших преступления за границей, только если эти лица постоянно проживают в этих государствах, т. е. в этом случае лица без гражданства приравниваются по вопросам применения уголовного закона к гражданам государства²⁵. К остальным лицам без гражданства применяется национальный уголовный закон на основании положений, установленных для иностранцев. Уголовные кодексы ПНР, НРБ и ВНР специально не регламентировали применение национального уголовного закона к лицам без гражданства, т. е. лицам без гражданства по вопросам применения уголовного закона приравниваются к иностранцам²⁶. Уголовные кодексы капиталистических государств также приравнивают лиц без гражданства по вопросам ответственности за преступления, совершенные ими за границей, к иностранцам²⁷.

Глава X

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ОТНОШЕНИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СССР ИНОСТРАНЦАМИ

Законодательством Союза ССР и союзных республик установлены весьма ограниченные пределы действия советских уголовных законов в отношении преступных деяний, совершенных за пределами Союза ССР иностранцами. За преступления, совершенные вне пределов СССР, иностранцы подлежат ответственности по советским уголовным законам только в случаях, предусмотренных международными соглашениями. В ч. 4 ст. 5 Основ уголовного законодательства и соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик, регулирующих вопросы уголовной ответственности иностранцев за совершенные ими вне Союза ССР преступления, имеются в виду все иностранцы, находящиеся в пределах Союза ССР, за исключением лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом. Последние за совершенные ими за границей преступления по советским уголовным законам не могут отвечать и ни при каких условиях не подлежат советской уголовной юрисдикции. Это относится также к иностранцам, пользующимся консульским иммунитетом, к экипажам иностранных военных кораблей и военных самолетов, к военнослужащим воинских частей. Остальные иностранцы, проживающие в СССР постоянно или временно, например, иностранные журналисты, спортсмены, туристы, экипажи торговых и пассажирских судов, экипажи самолетов гражданской авиации, обслуживающий персонал поездов международного сообщения, лица, приезжающие по личным делам, члены делегаций по вопросам научного, технического и культурного обмена, как и иностранцы, получившие в СССР политическое убежище, подчинены юрисдикции СССР в полном объеме. Для этих иностранцев в СССР создан так называемый национальный режим; они пользуются в СССР теми же правами и несут те же обязанности, что и граждане СССР, за некоторым изъятием, установ-

ленными законами СССР. Советское государство обеспечивает этим категориям иностранцев право на труд, право на отдых, право на образование, обеспечивает им право на материальное обеспечение и на получение пенсий. Однако они не могут участвовать в выборах, не несут воинской обязанности, не могут разрабатывать недра СССР, не допускаются к рыбным промыслам, не могут входить в состав экипажей советских торговых судов и самолетов гражданской авиации, обязаны соблюдать правила передвижения на территории СССР. На этих иностранцев, если они совершили преступления, предусмотренные международными соглашениями, распространяется действие советских уголовных законов, если этими соглашениями установлено применение национального уголовного закона к иностранцам.

Международные соглашения заключаются в целях борьбы с международными преступлениями, с одной стороны, и с преступлениями, посягающими на международный правопорядок, с другой.

К первой группе преступлений — к международным преступлениям — Устав Международного трибунала отнес преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. К преступлениям против мира Устав отнес планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленном к осуществлению любого из перечисленных действий. Военными преступлениями Трибуналом были признаны нарушения обычаев войны — убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников, ограбление общественной или частной собственности; бесмысленное разрушение городов или деревень; разорение, неоправданное военной необходимостью, и другие преступления. К преступлениям против человечности Уставом отнесены убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления, или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права той страны, где они были совершены, или нет¹.

В период после Второй мировой войны было заключено несколько международных конвенций, которые предусматривали борьбу с международными преступлениями. 9 декабря 1948 г.

была заключена Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него². Она признала геноцидом убийство членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы, причинение членам такой группы серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, преднамеренное создание для определенной группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее, меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в такой группе, насильственную передачу детей из одной человеческой группы в другую, если эти деяния совершены с намерением уничтожить полностью или частично эту группу лиц.

Государства — участники Конвенции — обязались при подписании Конвенции провести необходимое законодательство, предусмотрев эффективные меры наказания для лиц, виновных в совершении геноцида и других упомянутых в Конвенции преступлений³. Однако эта Конвенция признала подсудность дел о геноциде компетентным судам того государства, на территории которого было совершено преступление, или международному уголовному суду, который может иметь юрисдикцию в отношении участников конвенции, признавших юрисдикцию такого суда. Таким образом, Конвенция о предупреждении преступления геноцида не предусмотрела применения уголовного закона в соответствии с универсальным принципом, т. е. не дает основания для применения национального уголовного закона к иностранцам, совершившим преступления геноцида вне пределов этого государства.

12 августа 1949 г. в Женеве были приняты четыре конвенции о защите жертв войны, предусмотревшие международно-правовую борьбу с военными преступлениями⁴. Конвенция о защите гражданского населения во время войны признала преступными следующие деяния: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжких страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, незаконное депортирование, перемещение и арест покровительствуемого лица, принуждение такого лица служить в вооруженных силах неприятельской державы или лишение его права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, взятие заложников, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью (ст. 147). Женевская конвенция об обращении с военнопленными, Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, явившаяся результатом пересмотра Же-

невской конвенции от 27 июля 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, явившаяся результатом пересмотра X Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1906 г., предусмотрел примерно такие же преступления, как и Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны.

Все эти четыре конвенции вменили в обязанность государствам — участникам Конвенций ввести в свое национальное законодательство законы о применении эффективных уголовных наказаний за предусмотренные преступления, разыскивать лиц, обвиняемых в совершении таких деяний, и предавать их своему суду, независимо от их гражданства. Таким образом, всеми четырьмя конвенциями предусмотрено применение уголовного закона в соответствии с универсальным принципом действия уголовного закона в пространстве. Иностранцы, виновные в совершении за границей преступлений, перечисленных в Женевских конвенциях о защите жертв войны, подлежат ответственности по советским законам, если они будут обнаружены в Союзе ССР. В соответствии с положениями Женевских конвенций, Закон об уголовной ответственности за воинские преступления от 25 декабря 1958 г., как и уголовные кодексы всех союзных республик, предусмотрел наказуемость перечисленных в конвенциях деяний (ст. 30—33).

Право государств — участников Женевских конвенций 1949 г. применять свои уголовные законы к лицам, виновным в совершении военных преступлений вне пределов государств, не исключает права выдачи виновного для суда заинтересованному государству в соответствии с положениями своего законодательства.

СССР является участником большинства конвенций, заключенных в целях борьбы с преступлениями, посягающими на международный правопорядок. Л. Н. Галенская считает, что признание для сообщества государств этих преступлений особо опасными, требующими для эффективной борьбы совместных усилий, объясняется тем, что: «а) они совершаются, как правило, на территории нескольких государств или на территории, не подпадающей под юрисдикцию ни одного государства; б) отягощены иностранным элементом (деяние совершено на иностранной территории, имеются иностранцы-соучастники и т. д.); в) два вышеуказанных момента предопределяют, что в борьбе с такого рода деяниями использование только национальных средств не может дать должного эффекта»⁵.

В международных конвенциях по борьбе с этой категорией преступлений вопросы уголовной юрисдикции и границы применения национального уголовного закона решаются по-разному.

Конвенция по охране подводных телеграфных кабелей, заключенная 14 марта 1884 г. в Париже⁶, к которой СССР присоединился 2 февраля 1926 г.⁷, закрепила в качестве основного принципа действия национального уголовного закона в пространстве территориальный принцип, установив, что нарушения постановлений Конвенции подлежат ведению судебных учреждений той страны, которой принадлежит судно, на котором совершено нарушение, приведшее к повреждению кабеля. Только в тех случаях, когда это положение не может быть приведено в исполнение, допускается осуществление уголовной юрисдикции государством гражданства виновного лица. Таким же образом решены вопросы уголовной подсудности и действия уголовного закона в пространстве в соглашении о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими, заключенном 4 мая 1910 г. в Париже, к которому СССР присоединился 8 июля 1915 г.⁸ Обе конвенции утверждают принцип территориальной подсудности и, в виде исключения, принцип гражданства.

Конвенция о рабстве, подписанная 25 сентября 1926 г.⁹, как и принятая в 1930 г. Генеральная конвенция № 29 относительно принудительного или обязательного труда¹⁰, а также принятая 4 сентября 1956 г. в Женеве Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством¹¹, установили, что следует понимать под рабством и работорговлей, определили понятие принудительного или обязательного труда, регламентировали условия, при которых допустимо привлечение к принудительному труду, предусмотрели уголовную наказуемость привлечения к принудительному или обязательному труду. Однако все эти конвенции по борьбе с рабством и работорговлей не решают вопросов уголовной юрисдикции. Конвенция об открытом море 1958 г., установившая в ст. 22 право военного корабля в открытом море подвергать осмотру судно, подозреваемое в том, что оно занимается работорговлей, не решила вопроса, имеет ли военное судно право на захват этого иностранного торгового судна, убедившись, что оно занимается работорговлей. В ней не дается также ответа на вопрос о том, какое государство должно наказывать виновных лиц, — государство флага судна, государство, гражданином которого является виновный, или государство флага военного корабля. Л. Н. Галенская полагает, что командир военного корабля должен в подобных ситуациях поступать в соответствии с законами государства флага¹², т. е. она до-

пускает здесь применение советского уголовного закона к иностранцу, совершившему преступление вне пределов Союза ССР, на основании международных соглашений, хотя непосредственно об этом в указанных конвенциях не говорится. Однако в этом случае действующее уголовное законодательство не может обеспечить применение советского уголовного закона, ибо отсутствует соответствующая уголовно-правовая норма.

Подписанная 21 марта 1950 г. в Нью-Йорке Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами¹³, заменившая ранее действовавшие конвенции и соглашения, в ст. 12 специально указала, что она не нарушает принципа, согласно которому предусмотренные Конвенцией преступления определяются каждым отдельным государством, а виновные в совершении их лица преследуются и наказываются по законам этого государства. Если государство не выдает своих граждан, то оно подвергает их уголовному преследованию и наказанию по суду их собственного государства. Это положение, однако, не применяется к иностранцу, если требование о выдаче его не может быть удовлетворено. Таким образом, эта Конвенция не допускает применение национального закона в соответствии с универсальным принципом.

Заключенная 20 апреля 1929 г. в Женеве Конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков¹⁴, предусматривая уголовную ответственность за подделку находящихся в обращении отечественных денежных знаков и иностранной валюты, а также за любые способы обманных действий по изготовлению или изменению денежных знаков, их сбыт, действия, направленные к сбыту, к ввозу в страну или к получению, добыванию для себя поддельных денежных знаков, в ст. 8 установила ответственность своих граждан, совершивших такое преступление за границей, в соответствии с принципом гражданства, если государство ее выдает своих граждан. Это положение распространяется Конвенцией и на случаи, когда виновный приобрел гражданство после совершения правонарушения. Иностранцы в соответствии с данной конвенцией подлежат выдаче. Применение национального закона к иностранцу, совершившему за границей предусмотренное Конвенцией преступление, допускается только в случаях: 1) если иностранец находится на территории государства, допускающего в качестве общего правила принцип привлечения к ответственности за правонарушения, совершенные за границей, и 2) если выдача такого иностранца была потребована, но отклонена страной места пребывания по причине, не связанной с данным делом. Таким образом, данная Конвенция допускает применение к иностранцам национального закона в соот-

ветствии с принципом представительной, или заменяющей, компетенции. Мы полагаем, что из данной конвенции вытекает распространение советского уголовного закона на случаи подделки денег, совершенные иностранцем в иностранном государстве.

Международная борьба с изготовлением, незаконной торговлей и использованием наркотических средств осуществляется в настоящее время на основании Единой конвенции 1961 г. о наркотических средствах¹⁵ которая заменила все ранее принятые конвенции, соглашения и протоколы о наркотиках (за исключением Конвенции о запрещении незаконной торговли наркотическими средствами от 26 июня 1936 г.). В ст. 36 Конвенции перечислен весьма широкий круг уголовно наказуемых деяний. Л. Н. Галенская условно разбивает их на три группы: 1) правонарушения, связанные с производством наркотических средств; 2) правонарушения, связанные с продажей и покупкой наркотиков; 3) правонарушения, связанные с транспортировкой наркотиков¹⁶. В соответствии с п. 4 ст. 36 Конвенции признаки конкретных составов преступлений должны устанавливаться внутренним правом каждой из договаривающихся сторон¹⁷.

Единая Конвенция (как и Конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков) предусматривает применение национального уголовного закона в соответствии с территориальным принципом. Осуществление юрисдикции государства, на территории которого преступник обнаружен, возможно в виде исключения, только если его выдача не допускается и он не был наказан за совершение этого преступления. В п. 3 ст. 36 Единой Конвенции установлено, что «в вопросах юрисдикции постановления уголовного права заинтересованной стороны имеют преимущественную силу перед постановлениями настоящей статьи». Таким образом, каждое государство, на территории которого находится лицо, совершившее за его пределами одно из перечисленных в конвенции преступлений, может применить свой закон в соответствии с принципом представительной компетенции, если этот принцип установлен в действующем законодательстве соответствующего государства.

Мы полагаем, что эта Конвенция не исключает применения национального закона в соответствии с универсальным принципом, если экстрадиция в соответствии с национальным законодательством государства не допускается.

Значительный интерес в плане применения национального законодательства в соответствии с универсальным принципом представляет вопрос об уголовной ответственности за пиратство. До Женевской конвенции об открытом море 1958 г. пиратство

считалось преступлением по обычному международному праву. В 1958 г. впервые было дано определение пиратства в договоре¹⁸. В ст. 19 Конвенции было установлено, что в открытом море или в любом другом месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства, любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат или судно, захваченное посредством пиратских действий и находящееся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество. В этой же статье указывается, что судебные учреждения того государства, которое совершило этот захват, могут выносить постановления о наложении наказаний и определять, какие меры должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов и имущества.

Таким образом, вопрос об осуществлении юрисдикции на основании национального уголовного закона в соответствии с универсальным принципом не вызывает сомнений. Так же этот вопрос решался международным обычным правом. Всеми признавалось, что пираты подчиняются юрисдикции государства, захватившего их, и осуждение происходит по законам этого государства. Следует учесть, однако, что международное право не устанавливает все признаки состава пиратства и не определяет меру наказания за его совершение. Это предоставлено праву государства¹⁹. Международное право не обязывает государства преследовать пиратов, оно лишь уполномочивает их привлекать к ответственности лиц независимо от флага пиратского судна.

Мы полностью согласны с Л. Н. Галенской в том, что отсутствие нормы в действующем советском уголовном законодательстве, предусматривающей ответственность за пиратство, лишает возможности применять законы СССР в случаях задержания лиц, виновных в совершении пиратства. Поэтому в интересах охраны международного правопорядка желательно предусмотреть в уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик соответствующую норму²⁰.

Несколько международных конвенций предусматривает ответственность за правонарушения, приводящие к столкновению морских судов в открытом море, а также и за неоказание помощи на море. 23 сентября 1910 г. в Брюсселе были заключены две конвенции — Международная конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов и Международная конвенция для объединения некоторых правил относительно оказания помощи и спасания на море²¹. СССР признал

эти конвенции действующими 2 февраля 1926 г.²². Эти конвенции не решили вопросов уголовной юрисдикции. Женевская конвенция об открытом море 1958 г. в ст. 11 решила вопросы уголовной юрисдикции только для случая столкновения судов в открытом море²³. Конвенция об открытом море признала юрисдикцию государства флага судна и того государства, гражданином которого это лицо является, т. е. юрисдикцию двух государств — действие уголовного закона в соответствии с принципом гражданства и принципом территориальности.

С. В. Молодцов справедливо полагает, что доминирующая роль в преследовании за правонарушения принадлежит судебным органам государства флага. Вопрос о применении в этих случаях юрисдикции государства, гражданином которого является обвиняемое лицо, по его мнению, практически может возникнуть в том случае, когда обвиняемый по каким-либо причинам избежал ответственности за совершенное им правонарушение по законам государства, флаг которого несло судно²⁴. Применение уголовного закона в соответствии с универсальным принципом Конвенцией не предусмотрено, поэтому такое применение недопустимо. Виновные в неоказании помощи на море и в несообщении названия судна, порта приписки судна и других требуемых данных также подчиняются юрисдикции государства флага судна.

За последние десять лет заключено несколько международных конвенций по борьбе с преступлениями, посягающими на безопасность воздушного транспорта. СССР, как уже было сказано, является участником двух конвенций — Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г.²⁵ и Монреальской конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 23 сентября 1971 г.²⁶

Гаагская конвенция в ст. 1 установила, что «любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете, которое: а) незаконно, путем насилия или угрозы применением насилия, или путем любой другой формы запугивания, захватывает это воздушное судно или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, или в) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое действие, совершает преступление...». Конвенция предусмотрела применение национального закона также и в соответствии с универсальным принципом, обязав каждое государство — участника Конвенции принять такие меры, какие могут оказаться необходимыми, чтобы установить свою юрисдикцию над преступлением в случае, когда предполагаемый

преступник находится на его территории и оно не выдаст его (п. 2 ст. 4).

Монреальская Конвенция признала, что лицо совершает преступление, направленное против безопасности гражданской авиации, если оно незаконно и преднамеренно: «а) совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности воздушного судна; или в) разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете; или с) помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить такое воздушное судно или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; или д) разрушает или повреждает аэронавигационное оборудование или вмешивается в его эксплуатацию, если любой такой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; или е) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете.» Преступление совершает также любое лицо, если оно пытается совершить какое-нибудь из перечисленных преступлений или является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое преступление. Каждое государство — участник Конвенции в соответствии с пунктом 2 ст. 5 принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, чтобы установить свою юрисдикцию над упомянутыми выше преступлениями (за исключением преступлений, связанных с вмешательством в эксплуатацию аэронавигационного оборудования и с сообщением заведомо ложных сведений) в случае, когда предполагаемый преступник находится на его территории и не выдается в соответствии с данной Конвенцией. В этом случае государство немедленно производит предварительное расследование, заключает преступника или предполагаемого преступника под стражу или иным способом обеспечивает его присутствие, чтобы предпринять уголовно-процессуальные действия или действия по выдаче. Если это государство не выдает преступника, оно обязано передать его дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования в соответствии со своим законодательством. Таким образом, Конвенцией закреплен универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Решение Конвенцией вопроса о юрисдикции над преступлениями, совершенными на борту воздушного судна, обеспечивает во всех случаях нака-

зание преступника, однако допускает конкурирующую юрисдикцию²⁷.

СССР является также участником региональных международных конвенций, предусматривающих уголовно-правовую борьбу с отдельными преступлениями. Такими являются Конвенция 1956 г. о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между СССР и Японией²⁸, а также Временная конвенция о сохранении котиков в северной части Тихого океана, заключенная в 1957 г. между СССР, Канадой, Японией и США²⁹. Однако наказание виновных в совершении предусмотренных конвенциями нарушений относится к компетенции той страны, которой принадлежит судно или гражданином которой является виновный. Применение уголовного закона на основании универсального принципа исключается.

Анализ международных конвенций по борьбе с международными преступлениями и прочими преступлениями, посягающими на международный правопорядок, свидетельствует о том, что универсальный принцип действия национального уголовного закона в пространстве закреплен только в редких случаях. Большинство конвенций закрепило только территориальный принцип или же территориальный принцип и принцип гражданства, в отдельных случаях принцип представительной компетенции. Таким образом, пределы применения советского уголовного закона к иностранцам, совершившим преступления за пределами СССР, весьма ограничены. Поэтому неверны утверждения некоторых советских ученых, что иностранец, совершивший преступление, предусмотренные международными конвенциями, за границей, если он задержан на территории СССР, должен нести ответственность по советскому уголовному закону³⁰. На самом деле это относится только к некоторым категориям преступлений, предусмотренным международными конвенциями.

Нельзя согласиться также с утверждением ряда ученых, что целью международных конвенций по борьбе с отдельными видами преступлений является установление единообразия в борьбе с этими преступлениями³¹. На самом деле признаки составов преступлений и наказание за них устанавливаются самостоятельно в национальном законодательстве каждого из участников конвенций³².

Осуществление универсального принципа действия советского уголовного закона в пространстве требует установления в национальном уголовном законодательстве соответствующих законоположений, на основании которых находящийся в СССР иностранец может быть привлечен к уголовной ответственности и наказан за преступление, совершенное им за границей. Здесь

мы столкнулись с проблемой приведения в действие норм международного права. Не касаясь этой сложной проблемы в целом³³, отметим только, что каждая страна решает ее самостоятельно, ибо формы и методы обеспечения выполнения принятых государством международных обязательств относятся к исключительно суверенному праву каждой страны.

Формой включения международно-правовых норм во внутригосударственное право СССР была и остается в первую очередь трансформация — приведение в действие на территории данного государства норм международного права путем издания специальных внутригосударственных правовых актов, иными словами, преобразование нормы международного права в норму внутригосударственного права путем издания внутригосударственного нормативного акта, изменяющего содержание нормы международного права³⁴. Второй возможной, но практически не используемой в уголовном праве формой приведения в действие норм международного права, касающихся борьбы с международными или иными преступлениями, может быть отсылка закона к международному праву³⁵.

Таким образом, путем трансформации происходит превращение норм международного права в нормы внутригосударственного права, обязательного для всех граждан данного государства и находящихся в его пределах иностранцев и лиц без гражданства³⁶. Вновь созданные уголовно-правовые нормы могут быть облечены только в форму закона — акта Верховного Совета Союза ССР или Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР с последующим утверждением на ближайшей сессии Верховного Совета Союза ССР. Таким трансформационным актом является, например, Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 3 января 1973 г. «Об уголовной ответственности за угон воздушного судна», установивший уголовную ответственность за различные виды угона и захвата воздушного судна³⁷.

Решая проблему приведения в действие норм международного права, следует учесть, что в соответствии с законом от 1 февраля 1944 г. расширены права союзных республик в области внешних сношений³⁸. Им предоставлено право самостоятельно заключать международные соглашения, в том числе и право заключать международные соглашения о борьбе с международными преступлениями. Так, например, конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, принятую на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 декабря 1949 г., подписали, кроме Союза ССР, также Украинская и Белорусская ССР³⁹. В силу этого наряду с общесоюз-

ными трансформационными и другими актами действуют в некоторых республиках республиканские трансформационные акты, которые отличаются не по существу и форме, а только по своим территориальным предслам. Однако мы полагаем, что в тех случаях, когда участником международного договора является СССР, трансформационный акт должен быть также общесоюзным, а не республиканским, что не всегда имеет место на практике⁴⁰.

Поскольку трансформационные акты, как и акты, содержащие отсылку к международному праву, являются важнейшим условием обеспечения выполнения международных договоров, порядок и срок издания этих актов, приводящих в действие нормы международного уголовного права, должны быть установлены в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Для реализации универсального принципа действия советских уголовных законов в пространстве следует законодательно регламентировать также применение уголовного законодательства союзных республик к находящимся в СССР иностранцам, совершившим преступления вне пределов СССР. Как известно, в ч. 4 ст. 5 Основ уголовного законодательства говорится только о применении советских уголовных законов и не указывается, законы какой республики подлежат применению в этом случае к иностранцам. Этот пробел следует восполнить, установив, такой порядок применения уголовного законодательства союзных республик, какой уже предусмотрен в ч. 1 ст. 5 Основ уголовного законодательства для осуществления принципа гражданства, т. е. следует установить применение уголовных законов, действующих на территории той республики, где иностранец привлечен к уголовной ответственности или предан суду.

Эти вопросы выдвигает на повестку дня осуществление универсального принципа действия советского уголовного закона в пространстве.

Глава XI

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВЫДАЧИ ПРЕСТУПНИКОВ

Вопрос о выдаче преступников непосредственно связан с вопросами действия национального уголовного закона в пространстве. Это один из «старейших» вопросов так называемого международного уголовного права. Под выдачей преступников (*l'extradition, die Auslieferung, the extradition*) понимается передача совершившего преступление лица государством, на территории которого оно находится, государству, на территории которого оно совершило преступление, против интересов которого оно совершило преступление или гражданином которого оно является, для суда над ним или для отбытия им наказания в соответствии с вступившим в силу приговором суда. Выдача преступников является актом высших органов государственной власти, осуществляемым дипломатическим путем.

Истоки института выдачи следует искать в древности¹. Истории института и его развития, различным его аспектам, вопросам уголовного права, уголовного процесса и международного права посвящено немало трудов ученых всех стран в XIX и начале XX вв.² Интерес к нему не утрачен и в настоящее время³.

Институт выдачи преступников начал выработываться посредством деятельности и практики государств, придерживавшихся в отдельных случаях принципа взаимности. Дальнейшее его развитие обусловлено международными договорами по различным вопросам, в которые стали включать и положения о взаимной выдаче различных лиц, в том числе и беглых преступников. Специальные договоры о выдаче преступников появились в Западной Европе в XVIII в. В XIX в институт выдачи преступников развивается не только путем практики и международных договоров, но и путем издания специальных законов, посвященных определению правил выдачи преступников (экстрадиционных законов)⁴, а также с помощью включения специальных законоположений в общие уголовные и уголовно-процессуальные законы.

Как справедливо указывает Л. Н. Галенская⁵, институт выдачи носит комплексный характер: нормы о выдаче преступников содержатся как в национальном законодательстве — в специальных законах о выдаче, уголовных и уголовно-процессуальных кодексах, так и в двухсторонних и многосторонних⁶ договорах о выдаче или других договорах и международных конвенциях.

Следует отметить, что советская правовая литература вопросам выдачи преступников до последнего времени уделяла недостаточное внимание⁷. Мы полагаем, что недооценка разработки вопросов материального уголовного права института выдачи преступников объясняется тем, что этот вопрос не регламентирован специальными законами.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (в ч. 3 ст. 16) указывали, что «выдача лиц, привлеченных к следствию или суду, а также осужденных судебными учреждениями по требованию правительств иностранных государств, обращенному к правительству Союза ССР, допускается только в случаях и в порядке, установленных договорами, соглашениями и конвенциями Союза ССР с иностранными государствами или специальными соглашениями правительства Союза ССР с иностранными правительствами, а также специальным законом, издаваемым в порядке общесоюзного законодательства». Однако специальных законов⁸, регулирующих выдачу преступников, не было принято. СССР не участвует в конвенциях о выдаче преступников. Специальных двухсторонних договоров о выдаче СССР также не заключал. Вопросы выдачи регулируются в настоящее время только двухсторонними соглашениями об оказании правовой помощи (заключенными только с социалистическими странами⁹), соглашением, заключенным с Авгаристаном, а также многосторонними конвенциями по борьбе с отдельными видами преступлений (например, Гагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. и Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 23 сентября 1971 г.) или решаются путем дипломатических переговоров. Однако отсутствие в действующем законодательстве соответствующих уголовно-правовых норм не освобождает ученых, работающих в области уголовного права, от обязанности исследовать вопросы материального уголовного права, связанные с выдачей преступников и вытекающие из двухсторонних договоров и международных конвенций, и разрабатывать *de lege ferenda* систему уголовно-правовых норм о выдаче преступников в соответствии с принципами советского уголовного права.

Мы полагаем, что в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик должны быть закреплены основополагающие положения материального уголовного права о выдаче преступников, тем более, что многие конвенции по борьбе с отдельными видами преступлений — международными преступлениями и преступлениями, посягающими на международный правопорядок, — предусматривают выдачу преступников заинтересованному государству даже при отсутствии соглашений о выдаче преступников между участниками конвенций, т. е. при отсутствии договоров они являются юридическим основанием для выдачи преступников. При этом вопросы выдачи решаются в соответствии с законодательством государства, к которому обращаются с просьбой выдать находящегося в его пределах преступника. Нормы, содержащиеся в соглашениях с зарубежными социалистическими государствами о выдаче преступников, могут быть положены в основу законодательной регламентации этого вопроса.

В плане материального уголовного права наибольший интерес представляют два вопроса: какие лица подлежат выдаче иностранному государству и за какие деяния лица могут быть выданы иностранному государству. Из договоров Союза ССР с другими социалистическими странами можно сделать следующие выводы о субъекте выдачи. Во-первых, выданы могут быть только лица, в отношении которых на территории другой страны возбуждено уголовное преследование или должен быть приведен в исполнение приговор¹⁰, т. е. субъектом выдачи может быть только обвиняемый или осужденный. Не могут быть выданы граждане СССР. Поэтому субъектом выдачи может быть только иностранец или лицо без гражданства, совершившее преступление вне пределов СССР, за исключением: а) иностранцев¹¹, которым в соответствии со ст. 129 Конституции СССР 1936 г. предоставлено право убежища, т. е. преследуемым за защиту интересов трудящихся или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу¹²; б) лиц, в отношении которых за это же преступление был вынесен приговор или постановление о прекращении производства по делу, вступившее в законную силу.

Необходимо отметить, что зарубежные социалистические государства невыдачу собственных граждан предусмотрели в своих уголовных или уголовно-процессуальных кодексах¹³, причем большинство из зарубежных социалистических стран не предусмотрело никаких исключений из этого принципа; только ВНР предусмотрела исключение для случаев, «когда международным договором (соглашением) предусмотрено иное»¹⁴. СРР

невыдачу своих граждан предусмотрела в специальном законе¹⁵. Выдача своих граждан запрещена законодательством также большинства капиталистических государств¹⁶. Запрещение выдачи собственных граждан некоторыми социалистическими¹⁷ и капиталистическими¹⁸ государствами возведено в конституционный принцип. В то же время отдельные государства допускают возможность выдачи собственных граждан на основе взаимности и при наличии договора — это Великобритания, США, Австралия, Индия, Израиль и Канада.

В договорах об оказании правовой помощи между социалистическими государствами ничего не сказано в отношении тех лиц, которые получили гражданство данного государства после совершения ими преступления в другой стране. Поскольку для этой категории лиц никаких исключений договорами не предусмотрено, следует полагать, что и эти советские граждане не подлежат выдаче¹⁹.

В отношении преступлений, влекущих выдачу (т. е. экстрадиционных преступлений), из договоров о правовой помощи между СССР и другими социалистическими государствами следует, что выдача в целях привлечения к уголовной ответственности допустима только в случаях, если деяние в соответствии с законодательством СССР и страны, возбудившей требование о выдаче, является уголовно наказуемым (принцип «двойной» преступности), за его совершение предусматривается законом наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание, а выдача в целях приведения в исполнение приговора может иметь место, если приговор вступил в законную силу и лицо, выдача которого требуется, осуждено к лишению свободы на срок свыше 1 года или к более тяжкому наказанию (т. е. круг экстрадиционных преступлений устанавливается, исходя из тяжести предусмотренного законом или назначенного судом наказания). При этом выдача для привлечения к ответственности и для исполнения наказания допустима, если к моменту поступления запроса о выдаче не истекли сроки давности, не имели место амнистия и помилование и иные законные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Выдача преступников не может иметь места, если преступление совершено в СССР, а также если законы СССР или государства, предъявившего требование о выдаче за деяние, в связи с которым предъявлено требование, отнесено к категории преступлений, за совершение которых выдача не разрешается. Договоры о правовой помощи СССР с зарубежными социалистическими государствами, содержащие положения о выдаче пре-

ступников, не предусмотрели клаузулы о невыдаче за политические преступления. Л. Н. Галенская полагает, что для этого имеются глубокие основания — «одинаковая политическая основа, общность цели не может не делать преступниками в глазах социалистических стран лиц, покушающихся на политический и экономический строй одной из них»²⁰.

Советскими учеными в области уголовного права единодушно отвергается допустимость выдачи советских граждан иностранному государству для следствия и суда над ними или исполнения наказания²¹. Это принципиальное положение, относящееся к статусу советского гражданина, должно найти отражение в советском законодательстве. Мы полагаем, что предпочтительно закрепление этого принципа в Советской Конституции, а не только в общесоюзном уголовном законодательстве. В то же время необходимо учесть, что в советской юридической литературе проблема невыдачи собственных граждан совершенно справедливо рассматривается различно в зависимости от того, идет ли речь о невыдаче граждан, совершивших уголовные преступления или международные преступления — посягательства на интересы всего человечества. Советские ученые, как и ученые зарубежных социалистических государств, единогласно отвергают принцип невыдачи собственных граждан, когда речь идет о лицах, совершивших международные преступления²².

Уже Московская Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства 30 октября 1943 г. от имени Великобритании, Соединенных штатов и Союза ССР объявила, что германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены эти преступления²³.

13 февраля 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Выдача и наказание военных преступников», в которой рекомендовала членам ООН принять немедленно все нужные меры для того, чтобы преступники, которые несут ответственность за военные преступления, а также преступления против мира и человечества или приняли в них непосредственное участие, были арестованы и высланы в те страны, где они совершили свои ужасные деяния, для суда и наказания согласно законам этих стран. ООН обратилась и к правительствам государств, которые не являлись членами ООН, также принять все нужные меры для ареста таких преступников на их территории с целью немедленной высылки в страны, где ими были совершены преступления, для суда и наказания согласно законам этих стран²⁴. В резолюции от 31 октября 1947 года

«Выдача преступников войны и изменников» Генеральная Ассамблея ООН вновь обратилась к государствам — членам ООН с рекомендацией продолжать с неустанной энергией выполнять лежащие на них обязанности по выдаче и преданию суду преступников войны²⁵.

В Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 28 ноября 1968 г. (в ст. III) вновь установлено, что государства — участники Конвенции обязуются принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы в соответствии с международным правом создать условия для выдачи лиц, виновных в совершении военных преступлений, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и Женевскими конвенциями о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., а также преступлений против человечества, независимо от того, были они совершены во время войны или в мирное время²⁶.

Вопросы ответственности преступников войны и их выдачи решены также в мирных договорах с Болгарией, Венгрией, Румынией, Италией, Финляндией, подписанных 10 февраля и вступивших в силу 15 сентября 1947 г.²⁷ Такие же положения имеются в мирных договорах с Финляндией (ст. 9), Венгрией (ст. 6), Болгарией (ст. 5) и Румынией (ст. 6)²⁸.

В советской литературе неоднократно подчеркивалось, что преступления, совершенные гитлеровцами во время второй мировой войны, не поддаются сравнению с какими бы то ни было другими преступлениями. Это тягчайшее преступление против всего человечества, угрожающее его существованию, исключительные преступления по своей массовости, особой жестокости и чрезвычайной опасности для дела мира и безопасности всех народов. Ни с правовой, ни с моральной точки зрения их нельзя отождествлять с простыми уголовными преступлениями²⁹, как это пытаются сделать отдельные государственные деятели и «теоретики» за рубежом.

Следует отметить, что часть западногерманских ученых, как и ученых некоторых других западных держав, всячески пыталась выгородить преступников войны, обосновывая свои теоретические положения о несостоятельности применения наказания нацистским преступникам ссылкой на принципы национального уголовного законодательства большинства государств, в том числе и на принципы невыдачи своих граждан для следствия и суда и исполнения наказания. В советской международно-правовой и уголовно-правовой литературе неоднократно указы-

валось на неправильность подобных приемов³⁰. Советские ученые в области международного права со всей убедительностью показали, что процесс постоянного движения, свойственный международному праву, все более подвержен воздействию общепризнанных принципов международного права, смысл которых неоднократно толковался различными органами ООН. В определенной степени эти принципы находят соответствующее выражение в обычаях, в исторически сложившихся представлениях о морально-этических ценностях, а также и в требованиях, выдвигаемых международным общественным правосознанием³¹.

Прав С. Глазер, который утверждает, что международное уголовное право ведет свое начало из международного правосознания и защищает важные интересы, общие для многих государств, и потому приходит к выводу о неприменимости к международному праву принципов, вытекающих из национального права. Сказанное С. Глазером о принципе «*nullum crimen sine lege*» вполне применимо и к принципу невыдачи собственных граждан³². Отказ от выдачи военных преступников и лиц, совершивших преступления против мира и человечества, реакционными правительствами зачастую оправдывается ссылкой на то, что выдаче не подлежат лица, обвиняемые в совершении политических преступлений, т. е. ссылкой на право убежища³³.

Советские ученые категорически отвергают попытки предоставления убежища преступникам войны, ибо «нельзя применять понятие политических преступников к тем, для кого политика только удобный предлог к удовлетворению расовой ненависти и хищнической алчности, к тем, которые зверским образом истребляли миллионы людей (фабрики смерти в Майдаке, Гартгенбоше, Освенциме и др.) и произвели совершенно исключительные по зверству разрушения и опустошения (Лидице, Новгород, Смоленск, Киев и др.) Подобно древним пиратам, они могут рассматриваться только как враги человеческого рода»³⁴.

В Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него сказано, что в отношении выдачи виновных геноцид и другие, перечисленные в Конвенции преступления, не рассматриваются как политические преступления. Поэтому участники Конвенции обязались осуществлять выдачу виновных в соответствии со своим законодательством и действующими договорами (ст. VII)³⁵. Выдача военных преступников, даже своих граждан, вытекает и из четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.

Причисление военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества, к политическим преступни-

кам — это всего лишь выгораживание лиц, совершивших самые тяжкие международные преступления. Этот метод, как и использование различных теоретических положений национального законодательства, относящихся к обычным преступлениям, направлен на укрывательство и амнистирование тяжчайших преступников. Две противоположные политики в борьбе с преступлениями против человечества достаточно освещены в советской юридической литературе³⁶. Некоторые зарубежные авторы, например, Ю. Баумани, указывают, что расследование по делам нацистских преступников ведется лишь в отношении сотен лиц, в то время как в убийствах виноваты тысячи³⁷.

Л. Оппенгейм в своем курсе международного права также указывал, что отказ нейтральных государств выдать, передать или выслать военных преступников, злодеяния которых возмутили совесть всего цивилизованного мира, равносильны злоупотреблению правом суверенитета и должен быть, с точки зрения международного права, признан незаконным³⁸.

Таким образом, вопрос о выдаче лиц, совершивших международные преступления — военные преступления, преступления против мира и человечества, должен быть решен каждым государством в соответствии с нормами международного права. Вопрос о выдаче всех прочих уголовных преступников для суда над ними и исполнения в отношении них вступивших в силу приговоров иностранных судов решается каждым государством самостоятельно в силу государственного суверенитета, решается на основании двухсторонних или многосторонних договоров, в которых это государство участвует, или же при отсутствии последних — дипломатическим путем на основании своего национального законодательства о выдаче преступников, а в случае отсутствия такового, в соответствии с принципами своего права.

Мы полагаем, что практика сотрудничества СССР с другими государствами по вопросу выдачи преступников дает основание для разработки системы норм материального и процессуального права о выдаче преступников, которые следует внести в Основы уголовного законодательства и в Основы уголовного судопроизводства.

Полагаем также, что нормы материального уголовного права, связанные с выдачей преступников, относятся к праву применения советских уголовных законов. Эти вопросы должны освещаться в разделе учения о советском уголовном законе, посвященном пределам действия уголовного закона в пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ I

¹ См. Mommsen Th. Römische Strafrecht, Leipzig, 1899, S. 68, 104—112, 192; Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts. Zürich, 1910, S. 27, 28; Bar L. Geschichte des Strafrechts. 1882, S. 17—36.

² Монтеские Ш. О духе законов. — Избранные произведения. М., 1955, с. 590.

³ См. Neumeyer K. Die gemeinrechtliche Entwicklung des internationalen Privat und Strafrechts bis Bartolus. Bd. 1. 1902, S. 5.

⁴ Учение Бартола, продолженное его учеником Бальдом, сводилось к следующим положениям: 1) иностранец, совершивший деликт в пределах чужого государства, отвечает по уголовным законам последнего, если он знал или должен был знать эти законы или если эти законы соответствуют общему праву (зачатки территориального принципа); 2) если судья места совершения преступления не хочет или не может привлечь к ответственности иностранца, то это может сделать судья по месту нахождения потерпевшего (зачатки пассивного персонального принципа, которому отводится субсидиарное значение); 3) граждане определенного государства подчиняются юрисдикции своей страны в отношении преступлений, совершенных вне ее пределов, только в случае, если в самом законе специально предусмотрено расширение его на деяния своих граждан, совершенные вне пределов территории (зачатки активного персонального принципа); 4) если место деяния не совпадает с местом наступления последствий, то решающим следует считать место наступления последствий; 5) подстрекатель подлежит ответственности по закону места осуществления преступления исполнителем; 6) вор, совершивший кражу вне пределов своего государства, а затем перенесший украденную вещь на его территорию, подлежит наказанию по закону своего государства; 7) бродяги подлежат наказанию повсеместно по законам места задержания (зачатки универсального принципа); 8) совершенные за пределами государства преступления должны быть приняты во внимание при определении наказания за рецидив в связи с преступлением, совершенным в пределах своей страны; 9) обвинительный приговор, вынесенный за пределами данной страны, должен быть признан в данной стране, если назначенное им наказание предусматривает воздействие на самого виновного, а не на его имущество; 10) выдача преступников является обязанностью государства (см. подробнее Meili F. Bartolus als Haupt der ersten Schule des internationalen Strafrechts. Zürich, 1908; Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts. S. 25—74).

⁵ Ю. Клар пришел к выводу, что за дистанционное преступление виновный может быть привлечен к уголовной ответственности как в месте совершения преступного деяния, так и в месте наступления последствий (см. подробнее Meili F. Die hauptsächlichsten Entwicklungsperioden des internationalen Strafrechts seit der mittelalterlich — italienischen Doktrin. Zürich, 1908, S. 9—16, 41—50). Однако итальянская доктрина разъясняла отдельные по-

ложения уголовного права и собирала мнения юристов по каждому вопросу, отдавая предпочтение не лучше обоснованному решению, а решению, собранному больше голосов. Общее мнение ученых (communis opinio doctorum) считалось непререкаемым авторитетом (см. Кнестяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Общая часть. Киев, 1882, с. 62—63; также Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев, 1907, с. 26).

⁶ См. Renault. Etude sur les dispositions pénales des diverses législations relatives à la répression des crimes commis hors du territoire. — «Bulletin de la Société de législation comparée», 1880, Nr. 9, p. 386.

⁷ См. Meili F. Die hauptsächlichsten Entwicklungsperioden des internationalen Strafrechts seit der mittelalterlich-italienischen Doktrin, S. 27—40; Bar L. Lehrbuch des internationalen Privat- und Strafrechts. Stuttgart, 1892, S. 507.

⁸ Вут обосновывает это положение тем, что преступник заслуживает того, чтобы быть наказанным в пределах страны не только, если он в ее пределах совершил преступление, но также если он совершил преступление вне пределов страны, однако своим появлением в ее пределах проявил неуважение к этой стране и ее законам, и, наконец, потому что ни одно преступление не должно оставаться ненаказанным. Судья, по мнению Вута, компетентен не только наказывать в своей стране, но и применять уголовное право своей страны. Если в связи с применением уголовного права данной страны виновному может быть назначено более строгое наказание, чем установлено в месте совершения преступления, судья должен сам соразмерить наказание и назначить наказание, которое ему представляется правильным. К дистанционным преступлениям Вут предлагал применять уголовный закон того государства, где преступник задержан. Подстрекатель, по его мнению, подлежал ответственности по закону того государства, где преступление было совершено (см. подробнее Meili F. Die hauptsächlichsten Entwicklungsperioden des internationalen Strafrechts seit der mittelalterlich-italienischen Doktrin. S. 9—16, 41—50; Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts, S. 51—54; Swinderen O. Q. van. Esquisse du droit pénal actuel dans les Pays-bas et à l'étranger. T. I. G. Groningue, Noordhoft, 1891, p. 56—87).

⁹ Гроций Г. О право войны и мира. М., 1957, с. 508, 509.

¹⁰ Одним из виднейших юристов XVI—XVII вв. является Бургунд (Burgundus). Он отстаивал преимущества территориального принципа, хотя допускал применение национального закона к своим гражданам, совершившим преступления за границей, если это специально оговорено в самом законе, т. е. считал такое применение закона исключением из общего правила.

¹¹ Другой представитель голландской школы в XVII в. Ульбрих Губер придерживался в основном взглядов Бургунда. Однако в отличие от Бургунда, Губер отстаивал установление ответственности лица перед судом по месту его задержания (forum deprehensionis). Он считал, что приговор, вынесенный за пределами данного государства, не может иметь какой-либо силы в данном государстве, однако высказывался за то, чтобы иностранный приговор учитывался при вынесении приговора в данной стране.

¹² Ленин В. И. Под чужим флагом. — Полн. собр. соч. изд. 5-е т. 26, с. 143.

¹³ См. Helie F. Traité de l'instruction criminelle. T. 2. Ed. 2. Paris, 1883, p. 123. Meili F. Die hauptsächlichsten Entwicklungsperioden des internationalen Strafrechts seit der mittelalterlich-italienischen Doktrin, S. 46—50, 62—68.

¹⁴ «Начала госуларственного права требуют, — писал Монтескье, — чтобы всякий человек подчинялся уголовному и гражданскому суду той страны, в которой он находится» (Монтескье Ш. Указ. соч., с. 576, 577).

¹⁵ «Местом наказания, — писал Чезаре Беккариа, — является только место совершения преступления, ибо только там и шуте иначе принуждены люди причинять зло одному человеку, чтобы предотвратить зло от всего общества. Злодей, не нарушивший договоров того общества, членом которого он не является, может вызвать к себе страх. Он может быть поэтому исключен и изгнан высшей властью этого общества. Но он не может быть формально наказан по законам, карающим человека за нарушение договоров, а не за его внутреннюю испорченность» (Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939, с. 338).

¹⁶ См. Schwarze. Der Wirkungskreis des Strafgesetzes betreffs der Zeit, des Raumes und der Personen. Handbuch des deutschen Strafrechts in Einzelbeiträgen, herausgegeben von Fr. Holtzendorf. Bd. 2. Berlin, 1871, S. 31; Rohland W. Das internationale Strafrecht. 1877, S. 22—37.

¹⁷ Так, Аберг в 1819 г. утверждал, что действие законов каждой страны ограничено ее территориальными пределами: компетенция судов данного государства не распространяется на лиц, совершивших преступления за границей и там же находящихся (см. Aberg Jul. F. Über die Bestrafung der im Auslande begangenen Verbrechen. Landshut. 1819). Бескомпромиссными защитниками территориального принципа в Германии были также Штрубе и Шлагенберг (см. Strube D. G. Rechtliche Bedenken, systematisch geordnet, ergänzt, berichtigt und mit Anmerkungen begleitet von Spangenberg E. Bd. 3. Hannover, 1828, S. 3, 4), а также Мартин (см. Martin Ch. Lehrbuch des deutschen gemeinen Kriminal-Prozesses mit besonderer Rücksicht auf das im Jahre 1813 publizierte Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern ausgearbeitet. Heidelberg, 1831. S. 43). Развернутое учение о территориальном принципе действия уголовного закона в пространстве дано в трудах Р. Кёстлина (см. Köstlin R. System des deutschen Strafrechts. Tübingen, 1855, Bd. 1).

¹⁸ Коркунов. Опыт конструкции международного уголовного права. — «Журнал гражданского и уголовного права», 1889, № 1.

¹⁹ См. Berner A. F. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Leipzig, 1874, S. 251.

²⁰ См. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903, с. 103.

²¹ Köstlin R. Neue Revision der Grundbegriffe des Kriminalrechts. Tübingen, 1845, S. 746—750. Однако это положение Кёстлина было подвергнуто резкой критике в литературе конца XIX и начала XX вв. (см. Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts. Zürich, 1910, S. 75—80; Rohland W. Указ. соч. 42—67).

²² См. подробнее о территориальной компетенции, а также критический анализ положений этой системы: Donnedieu de Vabres H. M. Les principes modernes du droit pénal international. Paris, 1928, pp. 11—53; Berner A. F. Wirkungskreis des Strafgesetzes nach Zeit, Raum und Personen. Berlin. 1853, S. 88—130.

²³ См. Villefort A. Des crimes à l'étranger. Paris, 1855, p. 12—27.

²⁴ См. Никольский Д. О выдаче преступников по началам международного права. СПб, 1884, с. 3, 7, 8.

²⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. СПб, 1902, с. 320, 321.

²⁶ См. Лист Ф. Указ. соч., с. 104, 346.

²⁷ Фейербах А. в своем учебнике пришел к следующим выводам: а) иностранцы, совершившие преступления в данной стране, подлежат ответствен-

ности по ее законам; б) подданные данной страны подлежат ответственности по ее законам даже за преступления, совершенные ими за границей, но только, если они совершили преступление в отношении согражданин или своего государства; в) подданные данной страны, совершившие преступления за границей в отношении иностранцев, подчиняются карательной власти иностранного государства, если с. ециальными законами не предусмотрено иное (см. Feurbach A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Gießen, 1832, 2 Auflage. §§ 31 und 40).

²⁸ См. Lanza V. Diritto penale italiano. Principii generali. 1908, p. 97; Heymann Ed. Territorialitätsprinzip und Distanzdelikt. Dissert. Berlin, 1914.

²⁹ См. Halsbury. The Laws of England. Vol. 10. London, 1957, p. 318; Archbold. Pleading, Evidence and Practice in Criminal Cases. London, 1959, p. 29—34; Fitzgerald P. J. Criminal Law and Punishment. Oxford, 1972, p. 164—166; Mendelssohn-Bartholdy. Das räumliche Herrschaftsgebiet des Strafgesetzes. Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Allg. Teil. Bd. 6, S. 247—267; Kitzinger F. Ort und Zeit der Handlung. Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Allg. Teil. Bd. 1. Berlin, 1908, S. 167; Bergmann L. Der Begehungsort im internationalen Strafrecht Deutschlands, Englands und der Vereinigten Staaten von Amerika. Berlin. 1966, S. 5—118; Грюнхут, Английское уголовное право. — В кн.: «Современное зарубежное уголовное право». Т. 3. М., 1961, с. 250; Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949, с. 318, 371, 467, 468; Блум М. Место совершения преступления в английском уголовном праве. — В кн.: «Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Рига, 1973, с. 147—184.

³⁰ См. Beale J. H. A Treatise on the Conflict of Laws. Vol. 2. N. Y., 1935, p. 1349; Wharton's Criminal Law and Procedure, by Anderson R. A. Vol. 4. N. Y., 1957, § 1501; Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts, S. 219—224; Kitzinger F. Указ. соч., с. 166—171; Mendelssohn-Bartholdy. Указ. соч., с. 183—225; Miller J. Handbook of Criminal Law. St. Paul, Minn., 1934, p. 516—533.

³¹ Территориальный принцип действия уголовного закона был закреплен в дореволюционной России в ст.ст. 168, 169 и 170 Уложения о наказаниях (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб, 1904; см. также Кистяковский А. Ф. Указ. соч. с. 201; Пусторослев П. Русское уголовное право, с. 100—103. В ст. 4 Уголовного Уложения 1903 г. также был утвержден территориальный принцип действия уголовного закона (Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. Рига, 1922 г.). Действие уголовного права и судебной власти уголовных судов по английскому общему праву (common law) определяется только в соответствии с принципом территориальности (см. Кенни К. Указ. соч., с. 464—468; Грюнхут. Указ. соч., с. 250, 251). Территориальный принцип последовательно отстаивается в США, где он основывается на ст. 6 дополнений к Конституции, в которой сказано, что подсудный имеет право на быстрое открытое рассмотрение дела беспристрастным судом того штата или округа, где преступление было совершено. В конституциях многих штатов США закреплен принцип ответственности по законам того штата, где преступление совершено. Территориальный принцип признается «well established rule» (Wharton F. A. Treatise on the Conflict of Laws in Private International Law. Vol. 2. 3. ed Rochester, 1905, p. 1609; Beale J. H. Указ. соч., с. 1349). Волосы территориальной подсудности в таком же плане решены в проекте Федерального уголовного кодекса США (Reform of the Federal Criminal Laws. Hearings before the subcommittee on criminal laws and procedures of the Committee on the Judiciary United States Senate. Report of the national Commission. Part. 1. Washington, 1971). Примерный уголовный кодекс (США) в ст. 1. 03 также утвердил

⁴⁶ Ст.ст. 689 Французского УПК (Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г. М., 1967); ст.ст. 6 и 7 Бельгийского УПК 1878 г. (Servais J., Mechelunsk. Les Codes belges. Bruxelles, 1969); ст. 6 Швейцарского УК (Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. М., 1947; Пфенninger Ф. Указ. соч., с. 311, 312); пп. 2в и 2с ч. 1 § 1 Финского УК 1894 (Финляндское Уголовное Уложение и относящиеся к нему узаконения. СПб., 1907; Хонкасало Б. Указ. соч., т. 46—47); пп. 1 и 2 § 7 УК Дании (Датский уголовный кодекс 15 апр. 1920 г. Л., 1938 г., рукопись; Hurwitz S. Den danske Kriminalret. Kobenhavn, 1925, Sg 150—155); ст. 5 Нидерландского УК 1881 г. (Нидерландское Уложение от 3 марта 1881 г. СПб., 1881; Hazewinkel-Suringa D. Указ. соч., с. 320—323); п. 3 ст. 12 Норвежского УК 1902 г. (The Norwegian Penal Code. In: «The American series of Foreign Penal Codes». N.Y., 1961; Andenaes J. Alminnelig Strafferett. Oslo, 1965, p. 322—477); ст. 2 Шведского УК 1965 г. (The penal code of Sweden. Stockholm, 1965); ст. 9 Итальянского УК 1930 г. (Итальянский уголовный кодекс 1930. М., 1941; Bettiol G. Указ. соч., с. 124—151); ст. 5 УК ФРГ 1871 г. (Strafgesetzbuch mit 77 Nebengesetzen. Textausgabe mit Verweisungen und Sachverzeichniss. München, 1970); §§ 76 и 235 Австрийского УК 1852 г. (Das österreichische Strafgesetz samt den wichtigsten Novellen und Nebengesetzen. Zweite Auflage. Wien, 1966); ст. 6 Греческого УК 1950 г. (см. Мангакис Г. А., Гафос И. Указ. соч., с. 384); §§ 3 и 4 Японского УК 1908 г. (The Criminal Code of Japan as amended in 1954 and The minor offenses law of Japan. Tokyo, 1954; Сайто К. Указ. соч., с. 209); ч. 2 ст. 1 Аргентинского УК 1922 г. (República Argentina. Código penal. Buenos Aires, 1956; Нуньес Р. Аргентинское уголовное право. Кордова. — В кн.: «Современное зарубежное уголовное право». Т. 1. М., 1957, с. 45); § 5 Турецкого УК 1926 г. (Önder A. Указ. соч., с. 439, 440); ст. 200 Иранского УПК (Dafatary Ali Akbar Khan. Geschichte und System des iranischen Strafrechts nebst einer Übersetzung des iranischen Strafgesetzbuchs. В кн.: Schwinge E. Rechtsvergleichende Untersuchungen zur gesamten Strafrechtswissenschaft. Heft 3. Bonn, 1975, S. 56). В Англии персональный принцип, хотя и отвергается в общем плане, все же закреплен во многих законодательных актах. Английские граждане отвечают по английским законам за многие преступления, совершенные за границей, — измену (Local Government Act, 1888), убийство (Offences against the Person Act, 1861), двоеубийство (Sexual Offences Act, 1956), преступление по службе (Criminal Justice Act, 1948) и др. (Archbold. Указ. соч., с. 27—34).

⁴⁷ См. Лист Ф. Указ. соч., 104; Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts, S. 82; Meyer H. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 5 Auflage. S. 116 ff.

⁴⁸ См. Janka K. Das österreichische Strafrecht. Prag, 1884.

⁴⁹ См. Кистяковский А. Ф. Указ. соч., с. 200—204.

⁵⁰ Подробное изложение положений реальной компетенции и критический анализ разновидностей этой теории см. Donnedieu de Vabres H. Указ. соч., с. 85—134.

⁵¹ См. Villefort M. Указ. соч.

⁵² См. Pessina E. Elementi di diritto penale. Parte generale. Napoli, 1872; Pessina E. Manuale del diritto penale italiano. Parte prima. Napoli, 1893.

⁵³ См. Fiore P. Effetti internazionali delle sentenze penali. Pisa, 1877; Fiore P. Traité de droit pénal international. T. I. Antoin, 1879.

⁵⁴ См. Heinze R. Staatsrechtliche und strafrechtliche Erörterungen. 1870; Heinze R. Universelle und partikuläre Strafrechtspflege. 1893; Rohland W. Указ. соч.; Binding K. Handbuch des Strafrechts. Bd. 1. Leipzig, 1885; Belling E. Beiträge zum Völkerrecht und zum Strafrecht. Breslau, 1896; Die Lehre vom Verbrechen. Tübingen, 1905; Seuffert H. Ein neues Strafgesetz-

buch für Deutschland. 1902; Wächter. Deutsches Strafrecht. Vorlesungen, 1881.

⁵⁵ См. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов., с. 391, 392; Пусторослев П. П. Русское уголовно-судебное право; Вып. 1. Юрьев, 1914, с. 61.

⁵⁶ См. Schwarze. Указ. соч., с. 41—43.

⁵⁷ Он указывал на то, что полагаться на защиту иностранным государством интересов данного государства (имелась в виду Германия) от преступлений, совершаемых за границей, как и надеяться на охрану своих интересов со стороны другого государства — это чуждый жизненной правде идеализм. Поэтому государство должно само при помощи своего уголовного права позаботиться об охране своих государственных интересов (см. Hippel R. Deutsches Strafrecht. Bd. 2. Berlin, 1930, S. 71).

⁵⁸ См. Hegler A. Prinzipien der internationalen Strafrechts. Breslau, 1908, S. 200—208; Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts, S. 83, 84.

⁵⁹ См. Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 317, 318.

⁶⁰ Так, Роланд утверждал, что руководящим принципом для уголовной юрисдикции государства является положение о том, что государству надлежит карать все государственства на его собственные правовые блага, а также государственства на правовые блага иных государств, если эти государственства совершены его подданными. В первом случае основанием права государства наказывать за совершенное преступление является принадлежность государству правового блага, во втором — принадлежность государству самого преступника (см. Rohland W. Указ. соч., с. 157).

⁶¹ Так, Гельшнер утверждал, что реальный принцип не должен быть признан самостоятельным, потому что его положения могут быть положительно восприняты только в случаях, если наказание граждан данного государства за совершенные ими за границей преступления против иностранного государства обосновывается с помощью национального принципа, а наказуемость иностранцев за государственства на иностранное государство, совершенное на территории данного государства, с помощью положений территориального принципа (см. Hälschner H. Das gemeine deutsche Strafrecht. B. 1. Bonn, 1899). Такого же мнения был и А. Фингер (Finger A. Das Strafrecht. B. 1. Berlin, 1894, S. 91).

⁶² См. Kohler J. Internationales Strafrecht. Stuttgart, 1917, S. 93—97.

⁶³ Ranieri S. Manuale di diritto penale. Vol. 1. Parte Generale. Padova, 1956, p. 61—65; Bouzat P., Pinatel I. Traité de droit pénal et de criminologie T. 2. Paris, 1933, p. 1309, 1310; Donnedieu de Vabres H. Указ. соч., с. 111 и сл.; Merle R. Droit pénal général complémentaire. Paris, 1957, p. 60, 61; Merle R., Vitu A. Traité de droit criminel. Paris, 1967, p. 200; Hafner E. Lehrbuch des schweizerischen Strafrechts. Allg. Teil. Berlin, 1926, S. 48, 49.

⁶⁴ По мнению Л. Оппенгейма, реальная теория является правильной по отношению к большинству случаев (хотя она не может применяться во всех случаях), ибо иначе нельзя будет охватить как действия, совершенные за границей для подготовки общеуголовных преступлений, так и случаи соучастия в преступлениях, которые совершены или на совершение которых покушаются в стране, притязателей на осуществление юрисдикции, и, наконец, действия, причиняющие вред гражданам данного государства или посягающие на его собственную безопасность. (См. Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948, Т. 1. полутом 1, с. 30.—705)

⁶⁵ См. Оппенгейм Л. Указ. соч., с. 304, 305.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. ст. 694 УПК Франции (Уголовно-процессуальный кодекс Франции

1958 г. М., 1967); ст. 10 УПК Бельгии (Servais J., Mechelynck. Les Codes Belges. Bruxelles 1969); ст. 4 Швейцарского УК (Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. М., 1947); п. 2а ч. 1 § 1, ч. 2 § 2 п. § 3 Финского УК 1894 (Хонкасало Б. Указ. соч., с. 46, 47); пп. 1 и 2 ч. 1 § 8 УК Дании (Датский уголовный кодекс 15 апр. 1930 г. Л., 1938 г., рукопись; Маркус Ф. Указ. соч., с. 132, 133); §§ 28 Австрийского УК 1852 г. (Das österliche Strafgesetz. Wien, 1966); ст. 4 Нидерландского УК 1881 г. (Hazevinkel-Suringa D. Указ. соч., с. 324—326); пп. 4 и 4а ст. 12 Норвежского УК 1902 г. (The Norwegian Penal Code, In: «The American series of Foreign Penal Codes». N. 7; 1961); ст. 3 Шведского УК 1965 г. (The Penal Code of Sweden. Stockholm, 1965); ст.ст. 7, 8 и ч. 1 ст. 10 Итальянского УК 1900 г. (Итальянский уголовный кодекс 1930. М., 1941; Sattelli C. Comento teorico del codice penale. Roma, 1956); ст. 5 УК ФРГ (Strafgesetzbuch mit 77 Nebengesetzen. München, 1970); пп. а-д ст. 7 Греческого УК 1950 г. (См. Мангакис Г. А., Гафос И. Указ. соч., с. 384); § 2 Японского УК 1908 г. (The Criminal Code of Japan as amended in 1954 and The minor Offenses Law of Japan. Tokyo, 1954); ст. 6 Чилийского УК 1874 г. (Lazzo S. Указ. соч.); ст. 16 Аргентинского закона о преступлениях против государственной безопасности (Нуньес Р. Указ. соч., с. 45); § 4 Турецкого УК 1926 г. (Önder A. Указ. соч., с. 438, 439).

⁶⁸ См. Horrow M. Grundriss des Österreich'schen Strafrechts mit besonderer Berücksichtigung der historischen Entwicklung. Allg. Teil. I. Hälfte. Wien, 1947, S. 83, 84.

⁶⁹ См. Hélie F. Указ. соч., с. 133.

⁷⁰ По его мнению, точка зрения, согласно которой иностранец, убивший за границей немца, может в Германии проживать безнаказанно, заслуживает сожаления. Главным образом его возмущала возможность такого случая, когда иностранец, высланный из Германии, вторично совершает аналогичное преступление за границей и возвращается в Германию, причем и при этих условиях ему грозит только наказание за нарушение положения о высылке. Выдать такое лицо для привлечения его к уголовной ответственности и наказания можно только в том случае, если иностранное государство проявит должную заинтересованность в наказании этого лица, — тогда можно еще рассчитывать на то, что преступник будет наказан. Однако этот путь Р. Гиппель считал практически затруднительным и ненадежным для достижения желаемой цели. Поэтому он пришел к выводу о том, что такое положение не на пользу интересам иностранного государства, а скорее на пользу преступнику (см. Hippel, Указ. соч., с. 75).

⁷¹ См. Jenuil S. Das österreichische Kriminalrecht, nach seinen Gründen und seinem Geist dargestellt. 2. Auflage. Wien, 1820, S. 328.

⁷² См. Schwarze. Указ. соч., с. 43—45.

⁷³ Ст.ст. 5 Швейцарского УК (Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. М., 1947); п. 3 ч. 1 § 8 УК Дании (Датский уголовный кодекс 15 апреля 1930 г. Л., 1938 г., рукопись; Маркус Ф. Указ. соч., с. 133); ст. 7 Нидерландского УК 1881 г. (Нидерландское Уложение от 3 марта 1881 г. СПб., 1881; Hazevinkel-Suringa D. Указ. соч., с. 324—326); ст. 3 Шведского УК 1965 г. (The Penal Code of Sweden. Stockholm, 1965); ст. 7 УК ФРГ (Strafgesetzbuch mit 77 Nebengesetzen. München, 1970); ст. 7 Греческого УК 1950 г. (см. Мангакис Г. А., Гафос И. Указ. соч., с. 384); § 6 Турецкого УК 1926 г. (Önder A. Указ. соч., с. 440, 441).

⁷⁴ В 1886 г. Каттинг — гражданин США — был арестован в Мексике по обвинению в клевете на мексиканского гражданина Эмилио Медина за то, что Каттинг напечатал в газете «Эль Пасо» в Техасе (США) пасквиль. Мексика утверждала, что она имеет право подвергнуть Каттинга наказанию, потому что согласно ее уголовному законодательству преступные деяния,

совершенные иностранцами за границей против мексиканских подданных, наказуемы в Мексике. США потребовали освободить Каттинга, но Мексика отказывалась это требование вынудить (см. Оппенгейм Л. Указ. соч., с. 304, 305; Mendelssohn-Bartholdy. Указ. соч., с. 135—143).

⁷⁵ См. Гроуи Г. Указ. соч., с. 480.

⁷⁶ См. Bulmerincq A. Das Asylrecht und die Auslieferung flüchtiger Verbrecher. Dorpat, 1853, S. 140 ff.; Mohl R. Die völkerrechtliche Lehre vom Asyl. 1853.

⁷⁷ См. Mohl R. Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. 1830.

⁷⁸ См. Schmid R. Die Herrschaft der Gesetze nach ihren räumlichen und zeitlichen Grenzen im Gebiete des bürgerlichen und peinlichen Rechts. Jena, 1863, S. 162.; Schwarze. Указ. соч., с. 30, 34; Lammasch. Auslieferungspflicht und Asylrecht. Leipzig, 1887; Ullmann E. Lehrbuch des österreichischen Strafprozessrechts. Innsbruck, 1882; Ullmann E. Lehrbuch des deutschen Strafprozessrechts. München, 1893; Martitz. Internationale Rechtshilfe im Strafsachen. Leipzig, 1888; Jenuil S. Указ. соч.; Hälschner H. Указ. соч.,

⁷⁹ См. Ortolan J. Eléments de droit pénal. T. I., Paris, 1875.

⁸⁰ См. Carrara F. Указ. соч.; Brusa. Saggio di una dottrina generale, 1887; Brusa. Prolegommi al diritto penale. 1888.

⁸¹ См. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1913, с. 348.

⁸² См. Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 318—321.

⁸³ См. Donnedieu de Vabres H. Указ. соч., с. 135—170. Так, Ортолан предлагал ограничить применение универсального принципа, распространив его только на наиболее тяжкие преступления и преступления, послужащие на подданных данного государства. Ламмасч рекомендовал предоставить государству право выбора: выдать преступника государству, в котором совершено преступление, или применить к нему наказание на основании своего закона, если имеются препятствия к выдаче.

⁸⁴ См. Lammasch. Указ. соч., с. 35, 36 и 43.

⁸⁵ См. Никольский Д. Указ. соч., с. 14.

⁸⁶ См. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов., с. 395.

⁸⁸ См. Шнейдер Л. А. Советское уголовное право. Часть общая. Учебное пособие. М., 1955, с. 46, 47; Дурманов П. Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с. 241, 242. Еще в тридцатых годах отмечалось, что назначение универсальной теории в какой-то мере действительно состояло в попытке объединить весь аппарат буржуазной юстиции для борьбы с растущей в период империализма уголовной преступностью, главным же образом — для борьбы с переросшей национальные рамки классовой борьбой пролетариата и национально-освободительной борьбой угнетенных народностей (см. Красильников М. К вопросу о принципах действия советского социалистического уголовного закона в пространстве. — «Социалистическая законность», 1938, № 7, с. 63).

⁸⁹ См. Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., 1969, с. 28.

⁹⁰ См. Шнейдер М. А. Указ. соч., с. 46—48.

⁹¹ Ленин В. И. Под чужим флагом. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 26, с. 143.

⁹² См. Минасян М. М. Сущность современного международного права. Ростов-на-Дону, 1962, с. 10; Лукашук. Программа КПСС и современное международное право. Саратов, 1962, с. 49; Бобров Р. П. Основные проблемы теории международного права. М., 1968, с. 241.

⁹³ См. Bar L. Gesetz und Schuld im Strafrecht. Bd. I. Berlin, 1906, S. 125; Finger A. Lehrbuch des deutschen Strafrechts, Bd. I. Berlin, 1904, S. 164; Janka K. Указ. соч., S. 35; Garraud R. Указ. соч., с. 400, 401. Ф. Лист охарактеризовал универсальный принцип как «научно необоснованный и практически неосуществимый.» Он упрекал защитников этого принципа, во-первых, в том, что они упускают из виду глубокое различие уголовно-правовых постановлений даже в соседних государствах; во-вторых, отмечал, что этот принцип принуждает судью применять чужое и неизвестное ему право; в-третьих, что он не принимает во внимание всех трудностей уголовного производства, которому не хватает непосредственности проверки доказательств, и, наконец, он не оеспечивает правопорядку более действенной защиты, чем высылка подозрительных или уличенных иностранцев (Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 25. Auflage, besorgt von Schmidt E., Berlin—Leipzig, 1927, S. 125). Э. Гафтер назвал универсальный принцип утопическим, походясь на ирисе интернациональной солидарности, облывающей к интернациональной борьбе с преступностью. Осуществление этого принципа в настоящее время невозможно, но он предполагает схождение культурных уровней и далеко идущее совпадение в уголовных законах различных государств, от чего в настоящее время мы еще весьма далеки (см. Hafter E. Указ. соч., S. 50, 51). М. Э. Майер назвал универсальный принцип псевдо-принципом, который неосуществим, а попытка его осуществления могла бы вызвать только столкновение между конкурирующими властями и повлечь расточение карательной энергии (См. Mayer M. E. Der allgemeine Teil des deutschen Strafrechts. Heidelberg, 1915, S. 77).

⁹⁴ С. В. Познышев в 1912 г. указывал на следующие недостатки универсальной теории: во-первых, общего правопорядка для всех государств не существует, правовые нормы и обрисовка преступлений различны, но даже если и считать правовой порядок общим благом, то каждое государство само должно у себя его охранять, а не заботиться о правопорядке своего соседа; во-вторых, каждое государство заинтересовано в том, чтобы остальные государства не препятствовали в его борьбе с преступностью, не скрывали бы у себя преступников, однако отсюда вытекает лишь обязанность взаимопомощи государств путем взаимной выдачи преступников; и, наконец, процессуальное соображение — раскрытие истины в суде всего лучше будет обеспечено, если преступника будут судить в той стране, где он совершил преступление (см. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права, Общая часть. М., 1912, с. 100).

⁹⁵ Ф. Мартенс также отметил, что универсальная теория не имеет под собой почвы, потому что даже не у всех цивилизованных народов существуют тождественные уголовные законы. Космополитическая теория грешит, по его мнению, против основного положения современной международной права — она не учитывает того, что не все государства на земном шаре состоят между собой в правовом общении, а потому нельзя их обязать следовать за преступлениями, совершенные вне пределов данного государства (см. Мартенс Ф.). Современное международное право цивилизованных народов, с. 395).

⁹⁶ См. Bouzat P., Pinatel I. Указ. соч., p. 1314; Merle R., Vitu A. Указ. соч., p. 200, 201, 217; Ronieri S. Указ. соч., p. 66; Maugach R. Указ. соч., S. 96.

⁹⁷ См. Kohler J. Указ. соч., S. 187 ff.

⁹⁸ См. Hafter E. Указ. соч., с. 49, 50.

⁹⁹ См. Meili F. Lehrbuch des internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts.

¹⁰⁰ См. Stooss K. Lehrbuch des österreichischen Strafrechts, 1909, S. 158.

¹⁰¹ См. Mayer H. Strafrecht. Allg. Teil. Stuttgart—Köln. 1953, S. 93; Welzel H. Das Deutsche Strafrecht. Berlin, 1957, S. 26.

¹⁰² См. Mayer H. Указ. соч., с. 93.

¹⁰³ См. Никольский Д. Указ. соч., с. 7—8.

¹⁰⁴ См. Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 315.

¹⁰⁵ Р. Маурас, известный своим стремлением непомерно расширить компетенцию уголовного закона ФРГ, признает компетенцию западно-германского уголовного закона в соответствии с представительным принципом в качестве исключительной, полагая, что такое вмешательство в карательную деятельность иностранного государства, лишенного возможности реализовать свою компетенцию или не заинтересованного в ее осуществлении, может быть оправдано исключительными обстоятельствами. Как и многие другие авторы, он полагает, что к совершенному иностранцем за пределами западногерманского государства уголовно наказуемому деянию, не попадающему под действие уголовного закона ФРГ ни на основании реального, ни на основании универсального принципа, применяется западно-германский уголовный закон, если преступник застигнут на территории ФРГ и, несмотря на допустимость выдачи, не выдается. В качестве иллюстрации он приводит следующий случай, когда, по его мнению, допустимо осуждение по законам ФРГ: британский гражданин, после совершения убийства мексиканца на территории США, бежит в ФРГ. Ни США, ни другие государства, имеющие право требовать выдачи преступника для суда над ним, не предъявляют такого требования (см. Maugach R. Указ. соч., с. 97).

¹⁰⁶ См. §§ 39 и 40 Австрийского УК (Das österreichische Strafgesetz. Wien, 1906); п. 4в. ст. 12 и ст. 13 Норвежского УК 1902 г. (The Norwegian Penal Code. In. «The American series of Foreign Penal Codes». N. J., 1961); ч. 2 ст. 10 Итальянского УК (Итальянский уголовный кодекс 1930. М., 1941); ст. 7 УК ФРГ (Strafgesetzbuch mit 77 Nebengesetzen. München, 1970); § 6 Турецкого УК 1926 г. (Önder A. Указ. соч., с. 440, 441).

¹⁰⁷ В ст. 175 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных царской России 1845 г. указывалось, что российские подданные, находящиеся в Турции или Персии, за учиненные там преступления против прав российской подданного или подданного Турции, Персии или иной иностранной державы подлежат ответственности по данному уложению, причем уголовное дело рассматривалось на месте его совершения российским посланником, министром, поверенным в делах или консулом, а позже консулами. В примечании к ст. 175 Уложения 1845 г. говорилось о подсудности сулам России русских подданных в Китае, Японии, Бухаре и Корее на основании этого же Уложения. (Подробнее см.: Мартенс Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873; Юзефович. Договоры России с Востоком. СПб., 1869).

¹⁰⁸ Румынские ученые называли такую законодательную регламентацию установлением смешанной системы (sistemul mixt) или эклектической системы (sistemul eclectic). Подробнее точку зрения румынских ученых на принципы действия уголовного закона в пространстве см. в следующих работах: Dan-goroz V. Drept penal. Bucuresti, 1939; Pop Tr. Drept penal comparat. Partea generală. Vol. II, Cluj, 1923; Tanoviceanu I. s. a. Tratat de drept și procedură penală. Vol. I. Bucuresti, 1924; Pella V. Noile concepțiuni de drept penal în internațional care izvorăsc din opera recentă a Societății Națiunii-log. «Revista penală», 1924.

Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. в ст. 7 также устанавливало, что его действие распространяется на преступления, совершенные российскими подданными в Турции, Персии, Китае, Корее или иных странах, в которых они не подсудны местной власти; в отношении Бухары в ст. 8 Уложения было записано, что оно распространяется на преступные деяния, совершенные в

Бухаре не только Российскими подданными, но и иностранцами христианского вероисповедания. Эти законоположения были включены в Уложение на основании неравноправных договоров. Характерно, что Особое совещание при Государственном Совете признало, что данный в ст. 7 перечень стран, в которых российские подданные должны были быть освобождены от подчинения местной юрисдикции, не может быть признан исчерпывающим, что и в прочих малокультурных странах на азиатском и африканском материках (упомянулись Афганистан, Сиама, Марокко, Абиссиния, Занзибар), не может быть допущена подсудность русских подданных местной власти (несмотря на отсутствие договоров). В соответствии с этим в ст. 7 было записано, что действие уголовного уложения распространяется также на преступные деяния, совершенные российскими подданными и в иных странах, в которых они не подсудны местной власти (см. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министрства Юстиции в Государственный Совет и журналов. По изданиям Н. С. Таганцева, Рига, 1922, с. 31). В Уложении не было указано, что оно распространяется на Хиву, однако в Хивинском ханстве не только русские подданные, но и все иностранцы-христиане, а также местное население за преступления против русских подданных были судимы по русским законам. (См. Таганцев Н. С. Указ. соч., 304, 305).

К ГЛАВЕ II

¹ Постановление НКЮ (СУ РСФСР, 1919, № 66).

² См. Шаргородский М. Д. Уголовный закон М., 1948, с. 278—279.

³ Из ст. 15 союзного договора между РСФСР и Хорезмской Советской Народной Республикой от 13 сентября 1920 г. вытекало, что хорезмийские граждане в России и российские граждане в Хорезме подчиняются всем декретам и распоряжениям того Правительства и его органов, на территории которого они находятся (СУ РСФСР, 1921, № 29, ст. 161). Аналогичен договор между РСФСР и Бухарской Советской Республикой от 4 марта 1921 г. (СУ РСФСР, 21, № 73, ст. 595).

⁴ В ст. 5 предварительного русско-итальянского соглашения, заключенного в Риме 26 декабря 1921 г., было оговорено, что граждане одной стороны, допущенные на территорию другой стороны, все время остаются по-прежнему общим законом, действующим в соответствующих странах (СУ РСФСР, 1922, № 11, ст. 95). Аналогично этот вопрос был решен в соглашениях между правительствами Великобритании и РСФСР (СУ РСФСР, 1921, № 74, ст. 600).

⁵ СУ РСФСР, 1921, № 73, ст. 597.

⁶ СУ РСФСР, 1921, № 73, ст. 598.

⁷ В постановлении НКЮ, Комвнешторга, НКВД, Наркомвнешторга и Главконцескома от 12 мая 1923 г., утвердившем «Исструкцию об операциях и представительствах иностранных фирм в РСФСР и союзных с нею Республиках», изданную на основании постановления ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 г., указывалось, что иностранная фирма в своей деятельности на территории РСФСР и союзных с ней республик обязана подчиняться как ныне действующим, так и будущим быть изданным законам и распоряжениям Правительства РСФСР и союзных с ней советских республик («Известия ВЦИК» № 115 от 26 мая 1923 г.; СУ РСФСР, 1923, № 43, ст. 464).

⁸ СУ РСФСР, 1922, № 15, ст. 153.

⁹ К преступлениям, совершенным на территории РСФСР, были отнесены также преступления, совершенные на судах РСФСР. Так, ст. 1 декрета СНК РСФСР от 5 сентября 1921 г. «О преступлениях и проступках, совершенных на судах, плавающих под Российским флагом», установила, что преступления на проступки, совершенные на правительственных и частных судах, плавающих в открытом море под Российским флагом, считаются совершенными на территории РСФСР («Известия ВЦИК» № 207 от 17 сентября 1921 г.; СУ РСФСР, 1921, № 64, ст. 471).

¹⁰ См. также «Положение о Дипломатических представительствах иностранных государств, аккредитованных при Рабоче-Крестьянском Правительстве РСФСР» — Декрет СНК от 20 июня 1921 г. «Известия ВЦИК» № 146 от 7 июля 1921 г.; СУ РСФСР, 1921, № 52, ст. 303.

¹¹ См. ст. 10 Мирного договора между Россией и Эстонией от 2 февраля 1920 г. (СУ РСФСР, 1920, № 7, ст. 4); ст. XX Мирного договора между Россией и Латвией от 11 августа 1920 г. (СУ РСФСР, 1920, № 95, ст. 514; см. также циркуляры НКЮ № 19 от 20 августа 1920 г., № 27 от 18 октября 1920 г., № 15 от 1921 г.); ст. XV Мирного договора между Россией и Литвой от 12 июля 1920 г. (СУ РСФСР, 1920, № 96, ст. 515); ст. VI Мирного договора между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, подписанного в Риге 18 марта 1921 г. (СУ РСФСР, 1921, № 41—42, ст. 219; см. также циркуляр НКЮ № 32 от 29 октября 1920 г.); ст. 35 Мирного договора между РСФСР и Финляндской Республикой от 14 октября 1920 г. (СУ РСФСР 1921, № 71, ст. 573) и ст. 2 Соглашения между РСФСР и Финляндской Республикой об эвакуации на родину граждан обоих государств от 12 августа 1922 г. (СУ РСФСР, 1922, № 50, ст. 634), см. также циркуляр НКЮ № 84 от 21 сентября 1922 г. («ЕСЮ» № 35 1922 г.).

¹² См. ст. 6 Конвенции между РСФСР и Турцией от 28 марта 1921 г. о возвращении на родину пленных (СУ РСФСР, 1921, № 43, ст. 221), см. также Циркуляр НКЮ № 4 от 10 января 1922 г. («ЕСЮ» № 3, 1922 г.).

¹³ См. ст. 6 Соглашения между Германией и РСФСР об отправлении на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц той или иной стороны, заключенное в Берлине 19 апреля 1920 г. (СУ РСФСР, 1921, № 10, ст. 70). Аналогичные соглашения были заключены с Австрией, Венгрией, Великобританией, Францией, Бельгией, Италией (см. СУ РСФСР, 1922, № 3, ст. 39; СУ РСФСР, 1922, № 7, ст. 86; Вестник НКВД от 27 февраля 1920 г. № 3; Вестник НКВД от 20 июня 1920 г., № 3, Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами, вып. 1, ст. 119).

¹⁴ Указанные соглашения предусматривали на условии взаимности некоторые исключения из установленного в законодательстве РСФСР права применения начальных уголовных законов и права наказывать, основанного на территориальном принципе, относящиеся к определенным категориям иностранцев, совершивших преступления в пределах РСФСР.

¹⁵ Эстрин А. Уголовное право. М., 1924, с. 29.

¹⁶ В постановлении специально подчеркивается, что за основу принят УК РСФСР в целях установления единого уголовного законодательства союзных республик (Борьба с преступностью в Украинской ССР, Т. 1. Киев, 1966, с. 451, 452).

¹⁷ См. Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. (СЗ СССР, 1924, № 24).

¹⁸ См. Уголовное право. Общая часть. М., 1939, с. 42.

¹⁹ См. Уголовный кодекс УССР. Принят второй сессией ВУЦИК X созыва (СУ УССР, 1927, № 58—59, ст. 232); введен в действие с 1 июля 1927 г. постановлением ВУЦИК от 8 июня 1927 г. (СУ УССР, 1927, № 26—27, ст. 131).

²⁰ См. Уголовный кодекс Грузинской ССР. Принят третьей сессией ВЦИК IV созыва. Введен в действие постановлением ВЦИК 27 марта 1923 г. (СУ ГрузССР, 1923, № 4, ст. 34).

²¹ См. Уголовный кодекс Узбекской ССР. Введен в действие постановлением Президиума ЦИК Советов Узбекской ССР 16 июля 1926 г. № 40 (СУ УССР, 1926 № 11—12, ст. 54).

²² См. также Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с. 196.

²³ Уголовный кодекс РСФСР. Принят второй сессией ВЦИК XII созыва. Введен в действие с 1 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (СУ РСФСР, 1927, № 80, ст. 600).

²⁴ См. Уголовный кодекс Армянской ССР. Принят второй сессией ЦИК АрмССР V созыва. Введен в действие с 1 ноября 1927 г. постановлением ЦИК АрмССР 18 сентября 1927 г. (СЗ и Расп. АрмССР, 1927, № 11, ст. 74—75).

²⁵ См. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР. Введен в действие постановлением ЦИК и СНК АзССР 3 декабря 1927 г.

²⁶ См. Уголовный кодекс БССР. Утвержден ЦИК БССР на третьей сессии VIII созыва 23 сентября 1928 г. (СЗ БССР, 1928, № 30, ст. 287).

²⁷ См. Уголовный кодекс Таджикской ССР. Введен в действие постановлением второй сессии ЦИК ТаджССР 20 августа 1926 г.

²⁸ См. Уголовный кодекс Туркменской ССР. Утвержден второй сессией ЦИК ТССР второго созыва 28 сентября 1927 г.

²⁹ См. также Герцензон А. А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948, с. 231.

³⁰ СЗ СССР, 1927 г., № 5, ст. 47, 48.

³¹ См. СУ РСФСР, 1918, № 41.

³² См. Уголовное право. Общая часть. М., 1929, с. 143.

³³ См. Шаргородский М. Д. Проблемы проекта уголовного кодекса СССР. — «Советская юстиция», 1940, № 5, с. 10; См. Шаргородский М. Д. Великая Отечественная война и вопрос о пределах действия советского уголовного закона. — Тр. Военно-юрид. акад. Вып. 6, М., 1947, с. 129.

³⁴ См. Герцензон А. А. Указ. соч., с. 221, 222.

³⁵ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 1.

³⁶ О проблемах государственного суверенитета см.: Трайнин И. П. Проблема суверенитета в советской федерации. — «Изв. АН СССР», 1945, № 3; Дорогин В. А. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948; Левин И. Д. Суверенитет. М., 1948; Ошеров С. Я. Союзная республика в социалистической федерации. М., 1948, с. 71—75; Султанцын Ю. Г. Национальный суверенитет в СССР. М., 1958; Равин С. М. Суверенитет в советском союзном государстве. — «Вести Ленингр. ун-та», 1959, № 11, вып. 2; Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР. М., 1960; Златопольский Д. Л. СССР — федеративное государство. М., 1967, с. 197—276; Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. Т. 1. М., 1961, с. 266—279; Лепешкин А. И., Ким А. И., Мишин Н. Г., Романов П. И. Курс советского государственного права. Т. 2. М., 1962, с. 76—88; Дябло В. К. К вопросу о теоретической сущности государственного суверенитета и его реализации в Союзе ССР. — В кн.: «Некоторые теоретические вопросы советского права». Кишинев, 1968.

³⁷ Если советский законодатель желает ограничить применение какого-либо уголовного закона определенной категорией лиц в зависимости от их государственно-правового статуса, т. е. в зависимости от того, совершено ли преступление гражданином СССР или лицом без гражданства либо иностранцем, то он во всех случаях оговаривает это в самом законе, устанавливая специальный субъект преступления. Так, например, в ст. 1 Закона СССР

1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» сказано, что за измену Родине отвечает только гражданин СССР, а в ст. 2 этого же Закона — что за шпионаж отвечает только иностранец или лицо без гражданства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1966 г. «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злоумышленное нарушение правил передвижения на территории СССР» также предусмотрел применение этого Указа только в отношении иностранцев и лиц без гражданства. Во всех этих или подобных случаях советский законодатель дает различную социально-политическую, юридическую и моральную оценку деяния в зависимости от государственно-правового статуса виновного. Однако эти случаи ограничения в применении какого-либо закона в зависимости от государственно-правового статуса лица, совершившего данное деяние, вовсе не являются исключениями из права применения советского уголовного закона в соответствии с территориальным принципом действия советского уголовного закона в пространстве. Это возмозы установления круга преступных деяний, вопросы учения о составе преступления и основаниях уголовной ответственности, которые выходят за рамки данной работы, но не противоречат положению о том, что советские уголовные законы полностью распространяются на всех лиц, совершивших преступления в пределах Союза ССР.

³⁸ В УК Казахской ССР сказано, что все лица, совершившие преступления на территории Казахской ССР, подлежат ответственности по настоящему кодексу и другим уголовным законам, действующим на территории Казахской ССР (ст. 4).

³⁹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1968, № 6, ст. 40.

⁴⁰ См. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. 1968, с. 121—123; Курс советского уголовного права в шести томах. Т. 1. М., 1970, с. 202, 207—216; Шаргородский М. Д. Уголовный закон. с. 234—244; Трайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967, с. 155—157; Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 198 и сл.

⁴¹ См. ст. 3 УК НРБ. 1968 г. (Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. М., 1970); ч. 1 § 4 УК ВНР 1961 г. (Уголовный кодекс Венгурской Народной Республики. Будапешт, 1962); ч. 1 § 80 УК ГДР 1968 г. (Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. М., 1972); ст. 3 УК ПНР 1969 г. (Уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики. М., 1973); ст. 3 УК СРР 1968 г. (Codul penal al republicii socialiste România, București. 1968); § 17 УК ЧССР 1961 г. (Бюллетень чехословацкого права, 1962, № 1—2); ч. 1 ст. 91 СФРЮ 1951 г. (Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Федеративная Народная Республика Югославии. М., 1957).

⁴² См. Sliwowski J. Le principe de la territorialité du droit pénal. — Rapports polonais présentés au Huitième Congrès international de droit comparé. Varsovie. Polska Akademia Nauk. Komitet nauk prawnych, 1970, s. 237—253.

⁴³ Так записано в УК всех республик, за исключением Узбекской, Казахской, Латвийской и Армянской ССР.

⁴⁴ Так записано в УК Узбекской, Казахской, Латвийской и Армянской ССР.

⁴⁵ В УК Казахской ССР говорится не о гражданах СССР, а о гражданах Казахской ССР и гражданах других союзных республик.

⁴⁶ См. Левин И. Д., Суверенитет, с. 64; Дорогин В. А. Суверенитет в советском государственном праве, с. 40; Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР, с. 122—142; Лепешкин А. И. Курс со-

ветского государственного права. Т. 1, с. 266—272; Шевцов В. С. Гражданство в советском союзе государств. М., 1969, с. 45—50.

⁴⁷ См. Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. Т. 1, с. 279.

⁴⁸ Курс советского государственного права. М., 1971, с. 196.

⁴⁹ Там же, с. 196; Воеводин Л. Д. Правовое положение личности в советском общенародном государстве. — «Советское государство и право», 1963, № 2, с. 13.

⁵⁰ Герцензон А. А. Указ. соч., с. 231.

⁵¹ См. Герцензон А. А. Указ. соч., с. 228—232. Параграф, в котором излагается вопрос об ответственности советских граждан за преступления, совершенные ими за границей, озаглавлен «Реальный принцип», хотя советское уголовное законодательство отказалось от этого принципа еще в 1924 г.

⁵² См. главы IX и X данной работы.

⁵³ См. Уголовное право. Общая часть. М., 1939, с. 145.

⁵⁴ «Проблемы советского права», 1938, № 6, с. 12.

⁵⁵ См. Шаргородский М. Д. Проблемы проекта уголовного кодекса СССР, с. 10.

⁵⁶ См. Красильников М. К. вопросу о принципах действия советского социалистического уголовного закона в пространстве. — «Социалистическая законность», 1938, № 7, с. 63.

⁵⁷ «Правда», № 283 от 10 октября 1942 г.

⁵⁸ См. Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., 1969, с. 199.

⁵⁹ См. Шаргородский М. Д. Уголовный закон, с. 276.

⁶⁰ См. также Шнейдер М. А. Советское уголовное право. Общая часть М., 1955, с. 44.

⁶¹ Шаргородский М. Д. Уголовный закон, с. 276; Шаргородский М. Д. Великая Отечественная война и вопрос о пределах действия советского уголовного закона. с. 129.

⁶² Н. Д. Дурманов также считает, что в целях предупреждения наиболее опасных преступлений со стороны иностранных граждан было бы целесообразно, учитывая опыт ряда зарубежных социалистических государств, установить наказуемость некоторых, особо опасных посягательств на основы советского строя и на личность советских граждан. (Указ. соч., с. 240). Такого же мнения придерживаются авторы учебной литературы шестидесятых годов. Подчеркивается, что реальный принцип, устраняя недостатки, имеющиеся при применении только принципов территориального и гражданства, обеспечивает охрану интересов того государства и граждан, против которых направлены преступления, совершенные иностранцами. Указывается, что установление реального принципа в зарубежных социалистических государствах (наряду с территориальным и принципом гражданства) наилучшим образом обеспечивает охрану интересов этих государств (Советское уголовное право. Часть общая. Л., 1960, с. 183; Уголовное право. Часть общая. М., 1969, с. 51).

⁶³ См. Уголовное право. Часть общая, М., 1969, с. 51.

⁶⁴ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1970, с. 305.

⁶⁵ Подробнее о социалистических международно-правовых принципах см. Курс международного права. 3-е изд. М., 1972, с. 52—65; Курс международного права в шести томах. Т. 1, М., 1967, с. 98—114. Лисовский В. И. Международное право. М., 1970, с. 48—56. Тункин Г. И. Социалистический интернационализм и международное право. — «Новое время», 1957, № 51; Шуршалов В. М. Международно-правовые принципы сотрудничества социалистических государств. — «Советское государство и право»,

1962, № 7, с. 97—101; Международно-правовые формы сотрудничества социалистических государств. М., 1962; Бобров Р. П. Современное международное право. Л., 1962; Бобров Р. П. Основные проблемы теории международного права. М., 1968; Коровин Е. А. Пролетарский интернационализм в международной практике. — «Международная жизнь», 1958, № 2; Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. М., 1962, с. 326; Тункин Г. И. Новый тип международных отношений и международное право. — «Советское государство и право», 1959, № 1, с. 88—89; Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. М., 1958, ст. 40; Graefrath В., Zapf H. Die Dialektik von Internationalem und Nationalem in den sozialistischen internationalen Beziehungen. — «Neue Justiz», Berlin, 1973, № 1, S. 1—5.

⁶⁶ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 15.

⁶⁷ «Известия» от 18 декабря 1956 г.

⁶⁸ «Правда» от 14 марта 1957 г.

⁶⁹ «Известия» от 17 апреля 1957 г.

⁷⁰ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1968, № 43, ст. 388.

⁷¹ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1958 № 1 ст. 4; № 5 ст. 93; № 6 ст. 126 и 127; № 7 ст. 138; № 21 ст. 329; № 35 ст. 424; № 10 ст. 72; 1963, № 21 ст. 236.

⁷² См. Шнейдер М. А. Указ. соч., с. 48.

⁷³ См. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972, с. 43; Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 69, 70; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1, Л., 1968, с. 136—138.

⁷⁴ Подробнее см. Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972.

⁷⁵ См. Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. с. 205.

⁷⁶ См. с. 181—193 настоящей работы.

⁷⁷ См. также Герцензон А. А. Указ. соч. М., с. 232, 233; Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 69, 70.

⁷⁸ См. также: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1, Л., 1968, с. 135.

⁷⁹ См. Шнейдер М. А. Указ. соч., с. 46, 47; Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 241.

⁸⁰ См. п. 2 ч. 3 § 80 УК ГДР; ч. 2 ст. 6 УК НРБ; п. 2 ст. 115 УК ПНР.

⁸¹ См. п. 1 ч. 3 § 80 УК ГДР; ч. 1 ст. 6 УК НРБ.

⁸² См. главу XI настоящей работы.

⁸³ См. Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik. Lehrkommentar B. 1, Berlin, 1939, s. 273, 274.

⁸⁴ Там же, с. 272—274.

⁸⁵ См. ст. 6 УК CPP 1968 г. (Codul penal al republicii socialist România. București. 1968).

⁸⁶ Европейская конвенция о преследовании дорожных преступлений от 20 ноября 1964 г. в ст. 3 установила для государств — участников этого соглашения, что «власти государства места проживания имеют право преследовать по просьбе государства, где совершено преступление, дорожные преступления, совершенные на территории этого государства». Участниками этой конвенции являются Франция, Бельгия, Люксембург, ФРГ, Австрия и др.

⁸⁷ См. Schultz H. Compétence des juridictions pénales pour les infractions commises à l'étranger. — «Revue de Science Criminelle et de Droit pénal compare». 1967, T. XXII, Nr. 2, IV—VI. Paris, p. 325—327. Значимость этого принципа подчеркивалась в основном докладе на данной конференции, а также в прениях по этому докладу. Так, Марк Ансель (Франция) в своем выступлении положительно оценил принцип представительной компетенции и с боль-

шим одобрением отозвался в этом плане о конвенции 1964 г. о дорожных преступлениях, в которой рассматриваемый принцип нашел широкое отражение. Он пророчит в дальнейшем ограничение территориального принципа за счет принципа представительной компетенции. По его мнению, в случаях, когда иностранец долгое время проживает в определенной стране, его родина, где им было совершено преступление, за которое он не понес наказания, может прогнать государство, в котором виновный проживает, исполнить вынесенный в отношении него приговор. Границы между государствами, по его мнению, вовсе не должны препятствовать отбытию наказания и ретрибуции. В защиту принципа представительной компетенции выступили также Либнер (Австрия) и др. (См. *Revue de Science criminelle et de droit pénal comparé*, 1957, Nr. 3, VII—IX, Paris, p. 735).

⁸⁸ Так, в западногерманской литературе указывается на то, что западногерманские граждане должны отвечать за дорожные преступления, совершенные за границей, по УК ФРГ в соответствии с закрепленным в законе национальным принципом, однако только в тех случаях, когда были поставлены под угрозу интересы конкретного потерпевшего (См. *Schröder H. Zur Strafbarkeit von Verkehrsdelikten deutscher Staatsangehöriger im Ausland. Neue Juristische Wochenschrift*, 1958, 7 Heft, S. 283—285).

⁸⁹ *Separovic Z. Medunarodni kolokvij o saobraćajnim deliktima stranaca. — Jugoslovenska revija za kriminologiju i krivično pravo*, 1971, Nr. 3, 505—510.

К ГЛАВЕ III

¹ См. Лисовский В. И. *Международное право*, М., 1970, с. 133; *Международное право. «Международные отношения»*, М., 1964, с. 188; *Международное право. «Юридическая литература»*, М., 1954, с. 174; *Курс международного права*, М., 1936, с. 188; *Курс международного права в шести томах*, Т. 3, М., 1967, с. 115—169; *Курс международного права*, 3-е изд., М., 1972, с. 100—160; Барсегов Ю. Г. *Территория в международном праве*, М., 1958.

² Полярным сектором Советского Союза является пространство, основанием которого служит северная граница Советского государства, вершиной — Северный полюс, а боковыми границами — меридианы, соединяющие Северный полюс с крайними точками северной границы государства. В современном международном праве суверенитет над землями и островами полярных секторов со стороны прилегающих к ним государств не вызывает возражения (см. *Радионова В. А. Территория в международном праве*, М., 1955, с. 4).

³ См. Положение об охране государственной границы Союза Советских Социалистических республик. — *«Ведомости Верховного Совета СССР»*, 1960, № 34, с. 747—756.

⁴ Ст. 4 «Положения об охране государственной границы Союза ССР» относит к внутренним морским водам Союза ССР воды портов Союза ССР, ограниченные со стороны моря линией, проходящей через наиболее удаленные в сторону моря точки гидротехнических и других сооружений портов. Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне, принятой на Женевской конференции 29 апреля 1958 г. как часть берега рассматриваются наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения, являющиеся составной частью системы данного порта (см. ст. 8 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне. Современное международное право, Сборник документов, М., 1964, с. 190).

⁵ См. также Уусталь А. Т. *Международноправовый режим территориальных и внутренних морских вод*. Автореф. докт. дис. М., 1961, с. 21.

⁶ См. также Джавад Ю. Х., Жудро А. К., Самойлович П. Д. *Морское право*, М., 1934, с. 107.

⁷ Отдельные вопросы, касающиеся режима пребывания иностранных судов в порту и условий плавания во внутренних водах другого государства, решаются в международных конвенциях и соглашениях, но вопросы уголовной юрисдикции решены менее других.

⁸ См. *Курс международного права*, М., 1936, с. 216; 217.

⁹ См. Шаргородский М. Д. *Уголовный закон*, М., 1948, с. 234—244; Дурманов Н. Д. *Советский уголовный закон*, М., 1967, с. 200; *Курс советского уголовного права*. Часть общая. Т. 1, Л., 1968, с. 124; *Курс советского уголовного права в шести томах*. Часть общая. Том 2, М., 1970, с. 204.

¹⁰ См. Кейдлин А. Ж. *Советское морское право*, М., 1954, с. 105; Николаев А. И. *Проблема территориальных вод в международном праве*, М., 1954, с. 227; Уусталь А. *Уголовная юрисдикция прибрежного государства в отношении находящихся в его портах иностранных торговых судов*. — Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 44. Таллин, 1956, с. 33; Уусталь А. *Международноправовый режим территориальных и внутренних морских вод*, с. 36; *Курс международного права в шести томах*, Т. 3, М., 1967, с. 133; *Курс международного права*, 3-е изд., М., 1972, с. 119.

¹¹ См. Джавад Ю. Х. *Международные соглашения по морскому судоходству*, М., 1968, с. 19.

¹² Там же.

¹³ См. *Курс международного права*, М., 1972, с. 120; Джавад Ю. Х., Жудро А. К., Самойлов П. Д. *Указ. соч.*, с. 107.

¹⁴ Как убедительно подчеркивает А. Т. Уусталь, право ограничивать свою уголовную юрисдикцию также вытекает из суверенитета государства во внутренних водах, однако никому не дано права предъявлять к прибрежному государству требование об ограничении его уголовной юрисдикции или пригнать его к этому; такие действия должны расцениваться как грубое вмешательство во внутренние дела других государств (См. Уусталь А. *Уголовная юрисдикция прибрежного государства в отношении находящихся в его портах иностранных торговых судов*, с. 24).

¹⁵ См. Уусталь А. И. *Международноправовый режим территориальных и внутренних морских вод*, с. 23.

¹⁶ См. Джавад Ю. Х. *Указ. соч.*, с. 137—138.

¹⁷ В ст. 16 договора о торговом судоходстве между Союзом ССР и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии заявлено, что «судебные и административные власти одной Стороны не будут, иначе как по просьбе или с согласия компетентного консульского должностного лица, осуществлять юрисдикцию или вмешиваться в какие-либо дела, происходящие на борту судна другой Стороны, включая случаи задержания на судне любого лица при условии, что такое задержание является правомерным согласно законодательству первой Стороны».

Эти общие положения не относятся только к любым действиям властей в отношении вопросов таможенных, иммиграционных, санитарных, охраны человеческой жизни на море, загрязнения моря нефтью, радиосвязи и любых подобных вопросов или в связи с любым правонарушением, совершенным на борту судна одной из Сторон: 1) если последствия правонарушения распространяются на территорию другой Договаривающей Стороны; 2) если правонарушение затрагивает спокойствие территории или добрый порядок в территориальных водах или в любом порту другой Стороны; 3) если оно совершено гражданином или против гражданина другой Стороны или любым лицом против любого лица, помимо капитана или члена экипажа судна; 4) если оно является тяжелым правонарушением по законам другой Стороны» (см. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1972, № 20, ст. 161).

¹⁸ СЗ РСФСР, 1927, № 52, с. 348.

¹⁹ Подчинение уголовной юрисдикции прибрежного государства заключается в том, что расследование и рассмотрение дел о преступлениях, совершенных членами экипажа и другими лицами, находящимися на иностранном судне, осуществляется компетентными органами прибрежного государства. Они имеют право производить обыск и арест на иностранном судне, уведомив об этом консульское учреждение государства флага судна, чтобы кто-либо из его должностных лиц мог присутствовать при совершении этих действий. В тех случаях, когда эти следственные действия не терпят отлагательства, соответствующие власти прибрежного государства уведомляют консульское учреждение государства флага судна во время совершения этих действий или в кратчайший срок после их совершения.

²⁰ См. Кейлин А. Д. Указ. соч., с. 109; Уусталь А. Уголовная юрисдикция прибрежного государства в отношении находящихся в его портах иностранных торговых судов, с. 25, 35.

²¹ См. Черепихина Г. В. Борьба «двух лагерей» в вопросе о международно-правовом режиме территориального моря. Автореф. канд. дис. Свердловск 1950, с. 4; Кейлин А. Д. Указ. соч., с. 61; Николаев А. Н. Указ. соч., с. 14; Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных вод. — Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 66. 1953, с. 50—145; Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных и внутренних морских вод, с. 8; Курс международного права в шести томах. Т. 3. М., 1967, с. 170, 190—205; Курс международного права. 3-е изд. М., 1972, с. 121—122.

²² Подробный анализ взглядов отдельных буржуазных авторов см. Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных вод, с. 41—50.

²³ См. подробнее Курс международного права в шести томах. Т. 3. М., 1967, с. 190—2.0; Фердросс А. Международное право. М., 1959, с. 249.

²⁴ Поскольку Женевская конвенция о территориальном море не установила ширину территориальных вод, это делает само прибрежное государство с учетом исторических условий и экономических интересов. Однако отчет территориальных вод регламентируется Конвенцией. В ней указывается, что пограничной исходной линией для измерения ширины территориального моря является линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально признанных прибрежным государством морских картах. В местах, где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега или в непосредственной близости к нему цепь островов, для проведения исходной линии, от которой отмеряется территориальное море, может применяться метод прямых исходных линий, соединяющий соответствующие пункты, причем могут приниматься в расчет особые экономические интересы района, реальность и значимость которых доказаны их длительным осуществлением (ст. 4); Конвенция установлена и внешняя граница территориального моря — ею признается линия, каждая точка которой находится от ближайшей точки исходной линии на расстоянии, равном ширине территориального моря (ст. 6).

²⁵ «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», № 191, от 16 августа 1968 г.

²⁶ Проход через территориальные воды Союза ССР считается мирным, если суда следуют обычным навигационным курсом или курсом, рекомендованным компетентными органами, с соблюдением установленного режима и в местах, где нет закрытых для плавания районов, объявленных в «Извещениях мореплавателям». Все вопросы, связанные с заходом иностранных невоенных судов в территориальные и внутренние морские воды Союза ССР, регламентируются законодательством Союза ССР и союзных республик, спе-

циальными правилами и инструкциями, издаваемыми компетентными органами и публикуемыми в «Извещениях мореплавателям» и других официальных изданиях.

²⁷ Такие соглашения заключены с Финляндией, Норвегией, Японией и другими государствами («Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 14, ст. 87; 1962, № 34, ст. 362).

²⁸ В 1950 г. английский рыболовный траулер «Этрурия», производивший незаконный лов рыбы в советских территориальных водах недалеко от Мурманского побережья был задержан пограничной охраной. По приговору народного суда на капитана траулера был наложен штраф, а незаконно выловленная рыба была изъята (см. Курс международного права. М., 1972, с. 126). В январе 1952 г. за незаконный морской промысел в территориальных водах СССР советскими судебными органами были осуждены шкиперы японских судов «Пунэ-Мару-2», «Тайе-Мару-8», «Ханасаки Мару» и владелец судна «Тайе-Мару-8» (см. Международное право. «Юридическая литература», М., 1964, с. 197).

²⁹ См. подробнее Гуреев С. Коллизионные проблемы морского права. М., 1972.

³⁰ См. Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных и внутренних морских вод, с. 15.

³¹ См. ст. 19 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне от 29 апреля 1958 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 43, ст. 472).

³² Подробнее о режиме территориальных вод см. в работах: Кейлин А. Д. Указ. соч.; Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных вод, 1958; Колодкин А. Л. Правовой режим территориальных вод и открытого моря. М., 1961; Очерки международного морского права. М., 1932, с. 47—143.

³³ Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне требует от местных властей при решении вопроса о производстве ареста лица, совершившего преступление, учитывать интересы судоходства (пункт 4 ст. 19).

³⁴ Курс международного права в шести томах. Т. 3. М., 1967, с. 211.

³⁵ См. Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных вод, с. 124—126; Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных и внутренних морских вод, с. 16.

³⁶ См. Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных вод, с. 139.

³⁷ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 20, ст. 161.

³⁸ См. п. «д» ст. 36 Положения об охране государственной границы («Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 14); также Джавад Х. Ю. Морское право. М., 1964, с. 107.

³⁹ См. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1960, № 34.

⁴⁰ Международное право. «Юридическая литература», М., 1964, с. 178.

⁴¹ О правовом режиме недр Советского Союза подробнее см. Сыродоев Н. А. Правовой режим недр. М., 1969.

⁴² См. Горное положение Союза ССР, утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 ноября 1927 г. (СЗ СССР, 1927, № 68, ст. 688); Положение о Министерстве Геологии СССР № 834, утвержденное постановлением СМ СССР от 24 октября 1968 г. (СП СССР, 1968, № 20, ст. 144); Положение СМ СССР от 24 октября 1968 г. по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору при СМ СССР (Госгортехнадзор СССР), утвержденное постановлением СМ СССР № 69 от 1 февраля 1968 г. (СП СССР, 1968, № 4, ст. 17); Инструкция о порядке представления горных отходов для разработки месторождений общераспространенных полезных ископаемых, утверждена Постановлением СМ РСФСР № 1385 от 8 сентября 1960 г. (СП РСФСР, 1960, № 22, ст. 153); Инструкция о порядке утверждения

площадок под строительство промышленных предприятий, городов, поселков, сооружений, водоемов и других объектов размещения их на площадях залежания месторождений общераспространенных полезных ископаемых, утвержденная постановлением СМ РСФСР № 907 от 10 ноября 1936 г. (СП РСФСР, 1966, № 32, ст. 162).

⁴³ См. Сыродоев Н. А. Указ. соч., с. 161.

⁴⁴ См. Курс международного права. 3-е изд. М., 1972, с. 149.

⁴⁵ Шоукросс, Бьюмонт. Воздушное право, М., 1937, с. 258.

⁴⁶ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1961, № 5, ст. 538.

⁴⁷ См. Верещагин А. Н. Основы проблемы международного воздушного права. Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 12.

⁴⁸ См. решение этого вопроса в различных странах мира в работе Air laws and treaties of the world. United States, Wash. 1935, Vol. 1—3.

⁴⁹ См. Prawo lotnicze (Ustawa z dnia 31 maja 1932 r.) — «Dziennik ustawow Polskiej Rzecz y Paspolitej ludowej», Nr. 32 1932, poz. 153).

⁵⁰ См. Верещагин А. Н. Международное воздушное право, М., 1966, с. 29.

⁵¹ См. Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френчиса Г. Пауэрса. М., 1969.

⁵² См. Верещагин А. Н. Международное воздушное право, с. 29—34.

⁵³ См. Ковалев Ф. Н., Чепров И. И. На пути к космическому праву, М., 1962, с. 23—73; Верещагин А. Н. Международное воздушное право с. 39; Осницкая Г. А. Освоение космоса и международное право, М., 1962, с. 40—51.

⁵⁴ Существует мнение о распространении суверенитета государства только на то воздушное пространство, которое может быть контролируемо государством. Так, Г. Задорожный полагает, что верхняя атмосфера, находящаяся за пределами эффективного воздушного контроля государства, может рассматриваться в качестве зоны открытого воздуха (Задорожный Г. П. Атом, космос и мировая политика, М., 1958, с. 65). А. Верещагин убедительно показал, что принцип эффективного контроля неприемлем и неверен по существу. Он предлагает как возможный вариант установления границы между двумя режимами (воздушного пространства и космоса) наименьшую возможную высоту полета спутника, запущенного с Земли. Такая критическая точка могла бы, по мнению автора, послужить основой для определения верхней границы воздушного пространства, где действует принцип полного и исключительного государственного суверенитета (см. Верещагин А. Н. Международное воздушное право, с. 29—36). Точку зрения Г. Задорожного отвергли также и другие советские ученые, работающие в области международного воздушного и космического права (см. Осницкая Г. А. Указ. соч., с. 47—50). С. Бересфорд в статье «Разведывательные самолеты и спутники — проблема международного права» утверждает, что ни американские спутники-шпионы «Тирос», «Мидас» и «Самос», запущенные Соединенными Штатами в 1960 г. с разведывательными целями, ни разведывательный самолет У-2, пилотируемый Пауэрсом, не нарушили воздушного пространства Советского Союза. Для обоснования своей точки зрения он, наряду с другими аргументами, выдвигает соображение о том, что понятие «воздушное пространство» не определено ни в Чикагской конвенции, ни в Воздушном кодексе СССР, ни в других советских законодательных актах (Beresford S. M. Surveillance Aircraft and Satellites — a Problem of International Law. — «The Journal of Air Law and Commerce» vol. 27, 1960, nr. 2).

⁵⁵ См. Эмин В. Г. Проблема высотного предела государственного суверенитета. Автореф. дис. М., 1970, с. 16, 17.

⁵⁶ См. Жуков Г. П. Космическое право, М., 1966, с. 282.

⁵⁷ См. Эмин В. Г. Указ. соч., с. 16, 17.

⁵⁸ См. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1961, № 52, ст. 538.

⁵⁹ Верещагин А. Н. Международное воздушное право, с. 41.

⁶⁰ Этой конвенции предшествовала большая работа Юридического комитета Международной организации Гражданской авиации, в течение десяти лет разрабатывавшего вопросы уголовной юрисдикции государств в отношении преступлений, совершенных на борту воздушного судна (см. проекты конвенции: J. of Air Law and Commerce, 1958, Nr. 4, p. 455—458; 1959, Nr. 3, p. 283—285; 196, Nr. 1, p. 65—68; «International Civil Aviation Organization Bulletin», 1962, Nr. 10, p. 223).

⁶¹ О различных системах приоритетов см. в работах: Fauchille P. Traité de droit international. T. 1. Paris, 1922, p. 597—603; Kroell I. Traité de droit international public aérien. T. 1. Paris, 1934, p. 15—25; Chauveau P. Droit aérien. Paris, 1951 p. 25—26; Le Goffi Manuel de droit aérien. Paris, 1954, p. 65—71; Saint-Alary R. Le droit aérien. Paris, 1955, p. 25—30; Pepin E. The Legal Status of the Airspace in the Light of Progress in Aviation and Astronautics. Montreal, 1957; Габровски Т. Международные воздушные правовые отношения. Автореф. канд. дис. М., 1963.

⁶² Здесь и далее см. Convention on offences and certain other acts committed on board aircraft signed at Tokyo, September 14, 1933 — «The American Journal of International Law», 1934, vol. 58, Nr. 2, April. Published by the American Society of International Law, p. 556—573.

⁶³ О выдвинутых различными учеными предложениях подробнее см. Габровски Т. Международные воздушные правовые отношения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. София, 1965, с. 42—44.

⁶⁴ О конференции в Токио подробнее см. Клименко Б. М. Право прохода через иностранную территорию, М., 1967, с. 128—133.

⁶⁵ Эта Конвенция ратифицирована («Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1971, № 32, ст. 327) и вступила в силу 14 октября 1971 г. Гагская конвенция была принята в связи с тем, что проблема воздушного бандитизма, изменения маршрута полета самолета путем применения насилия в отношении экипажа, выросла в последние годы в международную проблему. В этой связи Совет Безопасности 9 сентября 1970 г. принял резолюцию, в которой призвал государства принять все возможные меры для предотвращения дальнейших угонов самолетов и любого другого вмешательства в международные гражданские воздушные полеты. По этому же поводу Генеральная Ассамблея 25 ноября 1970 г. приняла резолюцию, в которой осуждает все акты захвата самолетов в воздухе или иное вмешательство в полеты гражданской авиации и предлагает государствам принять надлежащие меры для недопущения совершения или для подавления таких актов и предусмотреть судебное преследование и наказание лиц, виновных в их совершении («Правда» № 332 от 28 ноября 1970 г.; «Известия» № 215 от 10 сентября 1970 г.).

⁶⁶ См. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1973, № 1, ст. 3.

⁶⁷ Текст Гагской конвенции см. в приложении II к работе «Актуальные вопросы международного воздушного права» под ред. А. С. Пирадова, М., 1973, с. 185—190; О Гагской конвенции см. Galicki Z. Konwencja o zwalczeniu bezprawnego zawladnięcia statkami powietrznymi. — «Sprawy Międzynarodowe miesiecznik», Zeszyt 2 (227), Lity 1971, s. 58—68.

⁶⁸ Эта конвенция ратифицирована Советским Союзом 27 декабря 1972 г. (см. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1973, № 1, ст. 2). Текст Монреальской конвенции см. в приложении III к работе «Актуальные вопросы международного воздушного права», с. 191—197.

⁶⁹ См. Осетров Н., Колосов Ю. Международное право на страже безопасности гражданской авиации. — «Советская юстиция», 1971, № 24, с. 15—16.

⁷⁰ См. Merle R. Droit pénal général. Paris, 1957, p. 50; Bouzat P., Pinatel J. Traité de droit pénal et de criminologie. T. 2 Paris, 1963, p. 1312.

⁷¹ См. Актуальные вопросы международного уголовного права, с. 159, 170, 171; Малеев Ю. Н. Международно-правовые аспекты борьбы с незаконным захватом воздушных судов. Автореф. канд. диссер. М., 1973, с. 14.

⁷² См. Маховский Я. Захват гражданского воздушного судна в свете международного права. — «Советское государство и право». М., 1971, № 8, с. 65.

К ГЛАВЕ IV

¹ См. Ковалев М. И., Фролов Е. А., Ефимов М. А. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Практический комментарий. Свердловск, 1960, с. 12; Советское уголовное право, Часть общая. М., 1964, с. 34; Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 67; Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с. 204—206; Уголовное право. Часть общая. М., 1969, с. 46; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969, с. 51.

² Такого мнения в течение многих лет придерживался А. А. Герцензон (см. Герцензон А. А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948, с. 223, 224; Уголовное право. Общая часть, М., 1948, с. 258; Советское уголовное право. Общая часть. 1959, с. 75); эту же точку зрения отстаивают С. Г. Келина (см. Советский уголовный закон. М., 1961, с. 27; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1964, с. 34), и Ю. И. Ляпунов (см. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 67, 68; Ляпунов Ю. И. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1968, с. 17, 18). Территорию посольств СССР в иностранных государствах относят к территории СССР также М. И. Ковалев, Е. А. Фролов и М. А. Ефимов (см. Ковалев М. И., Фролов Е. А., Ефимов М. А. Указ. соч., с. 12).

³ См. также Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 206, 207.

⁴ В консульских конвенциях между Союзом ССР и зарубежными социалистическими странами (см. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», № 6, ст. 50; № 11, ст. 89; № 24, ст. 208; № 46, ст. 435), как и с капиталистическими странами (см. «Ведомости Верховного Совета СССР», № 51, ст. 1042; 1967, № 32, ст. 437; 1968, № 29, ст. 261; № 37, ст. 334; № 41, ст. 370; 1969, № 41, ст. 363) также установлено, что здания и земельный участок консульств, как и жилое помещение главы консульства за границей, являются неприкосновенными. Из этого, конечно, не следует, что эти помещения и участки не являются территорией государства пребывания консульства.

⁵ См. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. СПб, 1905, с. 44—50.

⁶ См. Курс международного права. 2-е изд. М., 1966, с. 390—401; Лисовский В. И. Международное право. М., 1970, с. 211—215; Зорин В. А. Основы дипломатической службы. М., 1964, с. 202; Курс международного права в шести томах. Т. 4. М., 1968, с. 46—60; Курс международного права. М., 1972, с. 243—247.

⁷ См. Liszt F. Das Völkerrecht. Elfte, umgearbeitete Auflage. Berlin, 1920, S. 120—122; Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, полумом 2. М., 1949; Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение

Соединенными Штатами Америки. Т. 4. М., 1952; Фердросс А. Международное право. М., 1959.

⁸ См. Зорин В. А. Указ. соч., с. 202; Блищенко И. П. Дипломатическое право. М., 1972, с. 32—46.

⁹ См. Советское уголовное право. Часть общая. Л., 1960, с. 180; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1964, с. 34; Уголовное право. Часть общая. М., 1960, с. 50; Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Свердловск, 1964, с. 6.

¹⁰ См. ст. 1 УК РСФСР 1922 г. (СУ РСФСР, 1922, № 15); ст. 1 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик (СЗ СССР, 1924, № 24); ст. 5 УК РСФСР (СУ РСФСР, 1926, № 80) и др.

¹¹ К. А. Аджаров высказался по этому вопросу совершенно определенно: «В прошлом весьма распространенной была теория экстерриториальности (внеземельности), согласно которой предполагается, что дипломатическое представительство и его персонал как бы находятся на территории посланного государства, вне пределов государства пребывания. Это была искусственная конструкция, создававшая юридическую фикцию и на практике способствовавшая злоупотреблениям, выразившимся в укрывательстве в помещениях дипломатических представительств лиц, преследуемых властями страны пребывания» (Международное право. М., 1964, с. 249).

¹² Венской конвенцией о дипломатических сношениях установлено положение, согласно которому помещения представительств не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительств, предусмотренными настоящей конвенцией или другими нормами общего международного права, или же какими-либо специальными соглашениями, действующими между аккредитующим государством и государством пребывания (п. 3 ст. 41 Конвенции. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 18). Эта норма означает недопустимость убежища в дипломатических резиденциях, поэтому представительства иностранных государств не должны представлять дипломатического убежища в случаях, если не получено согласие государства пребывания представительства. Действия государств, нарушающих это положение, должны расцениваться как злоупотребление дипломатическим иммунитетом, как вмешательство во внутренние дела государства пребывания. Так, в 1956 г. в здании американского посольства в Будапеште было предоставлено дипломатическое убежище кардиналу Миндсенти — участнику контрреволюционного мятежа в Венгрии. Он пользовался этим убежищем до 1971 г., когда Венгерское правительство разрешило ему уехать в Рим («Циня» № 297 от 23 декабря 1971 г.).

¹³ См. сноску на стр. 219 данной работы.

¹⁴ См. стр. 55, 56 настоящей работы.

¹⁵ В ст. 13 Договора между СССР и Финляндской республикой о передаче в аренду Финляндской республике советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий записано, что на арендуемых территориях будут действовать советское законодательство и советские органы власти. Однако дела о правонарушениях, совершенных на арендуемых территориях гражданами Финляндии в отношении финляндских физических и юридических лиц или финляндскими гражданами в отношении физических и юридических лиц третьих стран, или гражданами третьих стран в отношении финляндских физических и юридических лиц и не затрагивающих интересы СССР и его суверенитет, передаются советскими органами власти на рассмотрение и решение финляндских органов власти на территории Финляндии (см. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1963, № 36).

¹⁶ См. Лазарев М. И. Преступления американских военнослужащих на чужих территориях. М., 1961, с. 32—54; Дурманов Н. Д. Указ. соч.,

с. 245—246; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968, с. 139.

¹⁷ См. Stanger R. J. Criminal Jurisdiction over Visiting armed forces. Washington., 1965, p. 25—79; Советское уголовное право. Часть общая. Л., 1960, с. 186.

¹⁸ См. Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1940, с. 259—260.

¹⁹ См. там же.

²⁰ См. Маньковский Б. С. Реорганизация судебной системы в Германии. — «Советское государство и право», 1946, № 1, с. 69.

²¹ Международное право в избранных документах. Т. 3. М., 1957, с. 51.

²² Там же, с. 76—104.

²³ В 1944—1945 гг. после вступления советских войск на территорию Чехословакии, Польши, Китая были заключены соглашения об отношениях между советским главнокомандующим и соответственно чехословацкой, польской и китайской администрацией. Во всех этих трех соглашениях вопросы юрисдикции были решены одинаково, поэтому для их оценки достаточно привести выдержки из одного из них. Так, в соглашении, заключенном Союзом ССР с Польским комитетом национального освобождения, было записано, что после вступления советских войск на территорию Польши в зоне военных операций верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, в течение времени, необходимого для осуществления военных операций, сосредотачиваются в руках Главнокомандующего советскими войсками. Однако как только какая-либо часть освобожденной территории Польши перестает быть зоной непосредственных военных операций, руководство всеми делами гражданского управления берет на себя полностью Польский комитет национального освобождения. Вопросы юрисдикции в Соглашении были регламентированы следующим образом: лица, принадлежащие к советским войскам, на территории Польши должны подчиняться юрисдикции советского Главнокомандующего; лица, принадлежащие к польским вооруженным силам, должны подчиняться польским военным законам и уставам; гражданское население на польской территории должно также подчиняться польской юрисдикции, даже в тех случаях, когда это касается преступлений, совершенных против советских войск, за исключением преступлений, совершенных в зоне военных операций. Последние подлежат юрисдикции советского Главнокомандующего (см. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. 2. 1946, с. 123—125; там же с. 157—159; Т. 3. М., 1947, с. 471—473).

²⁴ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 28, ст. 329.

²⁵ Так, на основании Женевской конвенции 1958 г. между Союзом ССР и Финляндской республикой было заключено соглашение о границах морских вод и континентального шельфа в Финском заливе и в северо-восточной части Балтийского моря (см. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 33, ст. 740; 1968, № 13, ст. 104).

²⁶ См. Молодцов С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа. М., 1960, с. 226—346. Очерки международного морского права. М., 1962, с. 260—290; Курс международного права. М., 1966, с. 224—226; Курс международного права в шести томах. Т. 3. М., 1967, с. 285—293; Курс международного права. М., 1972, с. 134—135.

²⁷ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1968, № 6, ст. 40.

²⁸ В целях обеспечения рационального использования естественных богатств континентального шельфа СССР СМ Союза СССР 18 июля 1969 г. издал постановление «О порядке проведения работ на континентальном шельфе СССР и охране его естественных богатств». В этом постановлении СМ регламентировал все наиболее существенные вопросы использования кон-

тинентального шельфа и охраны его богатств, возложив соответствующие обязанности на Министерство геологии СССР, Госгортехнадзор СССР и органы рыбоохраны Министерства рыбного хозяйства СССР и определив их права в осуществлении государственного надзора, как и права и обязанности Главного управления гидрометеорологической службы при СМ СССР и органов государственного санитарного надзора. Указанные органы при обнаружении нарушений соответствующих правил и требований дают обязательные указания об их устранении, оформляют документы о выявленных нарушениях, а если нарушения угрожают жизни людей, могут привести к возникновению аварий, причинить существенный ущерб естественным богатствам шельфа или живым ресурсам моря, дают обязательные указания о приостановке работ. Эти органы передают материалы на виновных лиц для привлечения их к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

²⁹ См. также «Очерки международного морского права», с. 272.

³⁰ См. Молодцов С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа, с. 301, 303.

³¹ См. Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР «О континентальном шельфе Союза ССР». — «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1969, № 34, ст. 303.

³² Полный текст этой конвенции опубликован в Сборнике международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959, с. 220—223.

³³ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1962, № 46.

³⁴ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1958, № 6, ст. 40.

³⁵ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 23, ст. 329.

³⁶ См. Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972, с. 79.

³⁷ Там же.

³⁸ Советский Союз неоднократно отвергал претензии некоторых государств (Англии, Франции, Норвегии, Аргентины, Чили и др.) на установление своего суверенитета в определенных секторах Антарктики, а также протестовал против попытки США решить проблему Антарктики в узком кругу государств без учета интересов Советского Союза, подчеркивая, что «сохраняет за собой все права, основанные на открытиях и исследованиях русских мореплавателей и ученых (имеются в виду русские мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев, впервые в 1819—1821 гг. открывшие Антарктику и положившие начало исследования этого материка — М. Б.), включая право на предъявление соответствующих территориальных претензий» (Письмо посольства СССР в США государственному департаменту США от 2 июня 1958 г. — «Правда» от 4 июня 1958 г.). Об Антарктике подробнее см. Дурденевский В. Н. Проблема правового режима приполярных областей (Арктика и Антарктика). — «Вестник МГУ», № 7; Кострицын Б. В. К вопросу о режиме Антарктики. — «Советское государство и право», 1951, № 3; Молодцов С. В. Современное международно-правовое положение Антарктики. М., 1954; Гуслицер Г. М. Международно-правовой режим Арктики и Антарктики. Автореф. канд. дис. М., 1954; Мовчан А. П. Правовой статус Антарктики — международная проблема. — «Советский ежегодник международного права 1959». М., 1960; Слевич С. Б. Антарктика должна стать зоной мира. Л., 1960; Молодцов С. В. Договор об Антарктике. — «Советское государство и право», 1960, № 5; Хайд Ч. Ч. Указ. соч. М., 1951, Т. 3, с. 55—67;

³⁹ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1961, № 31, с. 329. Договор вступил в силу 23 июня 1961 г. См. Тункин Г. И. Хороший пример международного сотрудничества. — «Международная жизнь», 1960, № 2.

Из Договора следует, что он не ущемляет и не затрагивает прав любого государства, признанные международным правом в отношении открытого моря в пределах района южнее 60-й параллели южной широты. В нём также установлено, что никакие действия или деятельность государств не дают оснований для заявления, поддержания или отрицания какой-либо претензии на территориальный суверенитет в Антарктике и не создают никаких прав в этом плане. Антарктика свободна для научных исследований всех стран, в том числе и не принявших участие в Договоре (см. Ляхс М. Многосторонние договоры. М., 1960, с. 190—194; Клименко Б. М. Демилитаризация и нейтрализация в международном праве. М., 1963, с. 201—220; Хайд Ч. Указ соч. Т. 4, с. 329; Фердросс А. Указ. соч., с. 581, 582).

⁴⁰ См. Курс советского международного права в шести томах. Т. 3. М., 1967, с. 398. На Вашингтонской конференции Советский Союз поддержал предложение о закреплении сложившейся практики, однако, поскольку некоторые государства продолжали настаивать на распространении своей юрисдикции в пределах своих притязаний в Антарктике, это положение в договоре не нашло отражения (см. Молодцов С. В. Договор об Антарктике, с. 71).

⁴¹ См. Курс международного права в шести томах. Т. 3. М., 1967, с. 399.

⁴² См. Пирадов А. С. Космос и международное право. М., 1970, с. 12.

⁴³ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1962, № 46.

⁴⁴ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1968, № 38, ст. 351.

⁴⁵ Все советские ученые как в области международного права, так и в области уголовного права сходятся на том, что свобода открытого моря была бы немыслимой без признания исключительного права на юрисдикцию флага судна (см. Кейлин А. Д. Советское морское право. М., 1954, с. 117—134; Молодцов С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа, стр. 137—181; Очерки международного морского права. М., 1962, с. 143—194; Богуславский М. М. Иммунитет государства. М., 1962, с. 185—208; Шаргородский М. Д. Указ. соч., с. 240; Лурманов Н. Д. Указ. соч., с. 204; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1963, с. 128). Такого же мнения придерживается американский международник Ч. Хайд и др. (см. Хайд Ч. Указ. соч. Т. 3, с. 142).

⁴⁶ СУ РСФСР, 1921, № 64, ст. 471.

⁴⁷ В советской литературе по международному праву неоднократно отмечалось, что «поход» против признания иммунитета государственных торговых судов обусловлен появлением на международной арене социалистического государства и нового типа государственных торговых судов, являющихся социалистической собственностью (Уусталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных и внутренних морских вод. Автореф. докт. дис. М., 1961, с. 23—29). Отказ от признания иммунитета государственных торговых судов имел определенную политическую подоплеку и свидетельствует об определенной антисоциалистической направленности против государственного торгового флота СССР и других социалистических стран (Молодцов С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа, с. 154; см. также Мешера В. Ф. Иммунитет государственных морских судов СССР. М.—Л., 1950; Кейлин А. Д. Иммунитет государственных морских торговых судов. — «Морской флот», 1959, № 2; Уусталь А. Т. Основные вопросы правового режима территориальных вод. — «Советское государство и право», 1957, № 6, с. 79; Лебедев С. Н. Современная буржуазная практика по вопросу об иммунитете иностранных государственных морских судов. — Информ. сб. ЦНИИМФ, вып. 29, 1958.

⁴⁸ См. «Международная жизнь», 1958, № 12, стр. 113, 114.

⁴⁹ См. Международное право. М., 1957, с. 187.

⁵⁰ См. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Рига, 1923, с. 117; Хайд Ч. Ч. Указ. соч. Т. 3, с. 50, 102; Guggenheim P.

traité de droit International Public. T. 1, 1953, p. 451; Kelsen H. The principles of International Law. N. Y., 1952, p. 223.

⁵¹ См. Кейлин А. Д. Советское морское право, с. 118, 119; Очерки международного морского права. М., 1962, с. 184—187.

⁵² См. Хиггинс и Коломбос. Международное морское право. М., 1953, с. 208—212; Фердросс А. Указ. соч., с. 251; Jessup P. C. A modern Law of Nations. N. Y., 1948, p. 85; Brierly J. L. The Law of Nations. Oxford, 1955, p. 238—239.

⁵³ См. Молодцов С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа, с. 159; Международное право. М., 1947, с. 217, 218; Международное право. М., 1951, с. 300—302; Международное право. М., 1957, с. 187; Курс международного права. М., 1972, с. 103, 104.

⁵⁴ Кейлин А. Д. Советское морское право, с. 118, 119.

⁵⁵ См. Кейлин А. Д., Виноградов П. П. Морское право. М., 1939, с. 39.

⁵⁶ Так, А. А. Колодкин полностью отрицает доктрину территориальности судна, полагая, что для того, чтобы признать юрисдикцию государства флага в открытом море, вовсе не обязательно считать судно плавающей частью государственной территории. По его мнению, достаточно лишь указать на то, что такое подчинение судна закону государства флага происходит благодаря его национальности, его прямой принадлежности данному государству и реальной связи с ним. А. Л. Колодкин убедительно показывает, что невоенное судно перестает быть территорией государства, когда оно входит не только в иностранный порт, но и в территориальное море, когда в отношении него иностранным государством осуществляется право преследования.

Следует прислушаться также к мнению А. Л. Колодкина о том, что признание судна территорией государства может повлечь далеко идущие последствия в случае столкновения судов в открытом море, когда потерпевшее от столкновения государство станет рассматривать свое судно как территорию государства, а наступившие на судне последствия как последствия преступления, наступившие на территории самого государства, и будет считать себя вправе осуществлять свою юрисдикцию по отношению к виновному на иностранном судне. А. Л. Колодкин ссылается на широко известное решение по делу судна «Лотос». По мнению А. Л. Колодкина, решение по делу «Лотос» создало опасный прецедент осуществления юрисдикции в отношении иностранцев, совершивших преступления в открытом море; с использованием доктрины «территориальности судна» может быть нанесен ущерб интересам международного плавания. (См. Колодкин А. Л. Правовой режим территориальных вод и открытого моря. М., 1961, с. 88—95).

⁵⁷ См. Очерки международного морского права. М., 1962, с. 184—187.

⁵⁸ См. Информационный сборник Центрального научно-исследовательского Института Морского Флота. Вып. 40. Л., 1959.

⁵⁹ Характерно, что даже в тех отдельных случаях, когда заинтересованные государства в конвенционном порядке предоставляют военным кораблям или специально назначенным судам друг друга некоторые ограниченные полномочия по контролю над невоенными судами, право наказывать виновных за нарушение постановлений конвенции они сохраняют за государством флага. В таком духе решены вопросы уголовной юрисдикции в ст. 8 Международной конвенции 1984 г. по охране подводных телеграфных кабелей, в двусторонних соглашениях вопросы уголовной юрисдикции решены таким же образом. (См. Конвенция о рыболовстве между СССР и Японией 1956 г. В сб. «Международные соглашения по рыболовству». М., 1958, с. 64).

⁶⁰ Подробнее о правовых вопросах освоения космоса см. Задорожный Г. П. Атом, космос, мировая политика. М., 1953; Осницкая Г. А., Освоение космоса и международное право. М., 1962; Ковалев Ф. Н.,

Чепров И. И. На пути к космическому праву. М., 1962; Коровин Е. А. О мирном сотрудничестве в космосе. — «Международная жизнь», 1962, № 3, с. 85; Современные проблемы космического права. М., 1963; Жуков Г. П. Космическое право. М., 1966; Колосов Ю. М. Борьба за мирный космос. М., 1968; Пирадов А. С. Указ. соч.

⁶¹ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1967, № 21, ст. 272; № 44, ст. 588.

⁶² «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1969, № 4, ст. 31.

⁶³ См. Курс международного права. М., 1972, с. 159.

⁶⁴ См. Курс международного права. М., 1972, с. 156.

⁶⁵ Е. А. Коровин, Г. П. Жуков, А. С. Пирадов и другие проводят в этом отношении аналогию с режимом Антарктики. На Луне и других небесных телах государство должно распространить свою юрисдикцию на своих граждан, входящих в состав научного и обслуживающего персонала на небесном теле (см. Коровин Е. А. Указ. соч., с. 89; Жуков Г. П. Указ. соч., с. 258—266; Пирадов А. С. Указ. соч., с. 12—13). Э. Василевская, как и некоторые другие советские ученые, полагает, что в основу правового регулирования вопросов, связанных с разработкой ресурсов Луны, могут быть положены правила об использовании прибрежным государством естественных богатств континентального шельфа. (См. Василевская Э. Космос и право. — «Известия» № 53 от 4 марта 1970 г.).

⁶⁶ См. подробнее Жуков Г. П., Василевская Э. Г., Лукин П. И. Правовые аспекты использования искусственных спутников для целей метеорологии и радиосвязи. М., 1970, с. 5—24.

⁶⁷ В советской литературе по международному праву в последние годы поднят вопрос о юрисдикции над космическим объектом и экипажем во время прохождения через воздушное пространство иностранного государства. В решении этого вопроса безусловно заинтересована и наука советского уголовного права. Г. П. Жуков считает теоретически возможными два пути решения этого вопроса: признание, что государство, запустившее космический объект, сохраняет над ним контроль и юрисдикцию на всем протяженном космическом объекте, в том числе и во время пролета через воздушное пространство иностранного государства; и признание того, что во время пролета космического объекта через воздушное пространство иностранного государства последнее осуществляет контроль и юрисдикцию над таким объектом и его экипажем. Более правильным он считает первый путь. Следует согласиться с Г. П. Жуковым в том, что целесообразно сохранить юрисдикцию над космическим объектом и его экипажем за запускающим государством на продолжении всей трассы полета, в том числе и в случае пролета через воздушное пространство иностранного государства (с разрешения последнего на пролет) главным образом в виду значительной скорости движения космического объекта. (См. Жуков Г. П., Василевская Э. Г., Лукин П. И. Указ. соч., с. 33, 34).

⁶⁸ Корабельный Устав Военно-Морского Флота Союза ССР, ч. 2, ст. 4. М., 1946, с. 159.

⁶⁹ См. п. 2 § 4 УК ВНР; ст. 3 УК ПНР; ч. 2 ст. 91 УК СФРЮ; ст. ст. 3 и 143 УК СРР.

⁷⁰ См. ст. 1 УК Японии; § 5 УК ФРГ; ст. 4 УК Италии п. 2. ст. 4 УК Индии и др.

⁷¹ См. § 4 УК ВНР; ст. 3 УК ПНР; ст. 143 УК СРР; ч. 2 ст. 91 УК СФРЮ.

⁷² См. п. 2 ст. 4 УК Индии; ст. 1 УК Японии; § 3 УК ФРГ; ст. 4 УК Италии.

⁷³ См. Международное право. М., 1964, с. 178, 179; Курс международного права. М., 1966, с. 196; Курс советского уголовного права. М., 1972,

с. 103, 104; Усталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных вод, с. 131.

⁷⁴ См. Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 67; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968, с. 124; Уголовное право. Часть общая. М., 1969, с. 46; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1969, с. 51; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972, с. 39—40; Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 204.

⁷⁵ См. Усталь А. Т. Международно-правовой режим территориальных вод, с. 131.

⁷⁶ См. Курс международного права. М., 1972, с. 103, 104.

⁷⁷ См. также Джавад Ю. Х. Международные соглашения по морскому судоходству. М., 1968, с. 19—20.

⁷⁸ В ст. 6 Датского уголовного кодекса 15 апреля 1930 г. указано, что то, в какой мере должны быть преследуемы преступления, совершенные на борту иностранных судов, находящихся в датских территориальных водах, лицами или против лиц, принадлежащих к экипажу или пассажирам упомянутых судов, решает министр юстиции (Ленинград, 1938, Рукопись.)

⁷⁹ См. Джавад Ю. Х. Указ. соч., с. 81—82.

⁸⁰ См. Jessup P. C. The law of Territorial waters and maritime jurisdiction. N. Y., 1927, p. 170, 171.

⁸¹ Практика английских властей и после принятия Закона 1878 г. была различной. В случаях, когда порядок в порту не мог быть нарушен, английские власти вмешивались в основном только при наличии соответствующей просьбы представителя государства, под флагом которого судно плавает, либо судовой администрации, либо потерпевшего от преступления. Однако, как показывает анализ английской практики, английские власти не всегда внимают просьбе потерпевшего, т. е. не применяют своих законов, если порядок в порту не нарушен (см. Кейлин А. Д. Советское морское право, с. 197, 193; Усталь А. Т. Уголовная юрисдикция прибрежного государства в отношении находящихся в его портах иностранных торговых судов. — Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 44. Таллин, 1956, с. 26—27). Английские ученые в области международного морского права отмечают, что юрисдикция английских судов, как правило, не осуществляется в тех случаях, когда дело касается отношений между капитаном, командой и пассажирами. (См. Хиггинс и Коломбос. Указ. соч., с. 241).

⁸² Эту позицию отстаивают французская доктрина и практика французских судов на основании авиза Государственного Совета от 20 ноября 1806 г. Французские авторы истолковывают авиз 1806 г. таким образом, что признают юрисдикцию Франции во всех случаях, когда преступление на борту иностранного судна совершают пассажиры (не члены экипажа) против пассажиров и членов экипажа. По мнению французских авторов, совершение особо тяжких преступлений на борту иностранного судна одним членом экипажа против другого члена экипажа дает основание считать, что нарушено «спокойствие» в порту, и применить уголовную юрисдикцию Франции, хотя преступление не направлено против Франции и непосредственно не касается французских граждан (Подробнее см. Gidel G. Le Droit International public de la mer. Vol. 2. Paris, 1932, p. 207—232).

⁸³ См. Хиггинс и Коломбос. Указ. соч., с. 243—246.

⁸⁴ Кейлин А. Д. Советское морское право, с. 108, 109.

⁸⁵ См. Джавад Ю. Х. Указ. соч., с. 76—82.

⁸⁶ См. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1972, № 20, ст. 161.

⁸⁷ См. также Усталь А. Т. Международно-правовой режим территориального моря. Тарту, 1958, с. 138.

⁸⁸ См. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1968, № 39, ст. 351.

⁸⁹ Представляется правильным решение данного вопроса в ст. 3 УК ПНР, где сказано, что польский уголовный кодекс применяется к лицам, совершившим преступления на польских водных судах. Так же этот вопрос решен в новом УК СРР (ст. 3, ст. 143), в УПК ГДР (§ 172).

⁹⁰ П. 3 ч. 1 § 6 УК Дании 1930 г. (см. Датский уголовный кодекс 15 апреля 1930 г. Ленинград, 1938 г., рукопись); ст. 1 УК Японии. (См. The Criminal Code of Japan. As amended in 1954 and The Minor Offenses Law of Japan. Tokyo, 1954); § 5 УК ФРГ (См. Schönke-Schröder. Strafgesetzbuch. Kommentar, 10. Auflage. München—Berlin, 1931). Ст. 4 УК Италии рассматривает итальянские корабли с точки зрения уголовного закона как территорию государства, если они согласно международному праву не подчиняются иностранному территориальному закону (см. Итальянский уголовный кодекс. 1930 г. М., 1941).

⁹¹ Ф. Мейли еще в 1908 г. писал, что создано новое место для совершения преступлений. Он предлагал все преступления, связанные с передвижением самолетов, разбить на следующие группы: 1) преступления, совершенные на борту воздушного судна, против объектов, находящихся на судне; 2) преступления, совершенные с борта воздушного судна против правоохраняемых ценностей в другом месте (на других воздушных судах, на земле, на морских судах в открытом море, на морских судах в береговых водах или в морских портах); 3) преступления против воздушного судна с другого воздушного судна, с земли, с открытого моря, с береговых вод, или морских портов. Ф. Мейли считал воздушное судно «передвигающимся объектом национального государства», а преступления на борту воздушного судна совершенными на территории того государства, которому оно принадлежит (Meili F. Das Luftschiff im internen Recht und Völkerrecht. Zürich, 1908, S. 36).

⁹² См. Projet de Règlement sur le Régime juridique des aerostats. Art. 15, опубликованный в приложении к книге Ф. Мейли (См. Meili F. Указ. соч., с. 58; Fauchille P. Traité de droit international, t. I, Paris, 1922, p. 597—603).

⁹³ См. Pepin E. The Legal status of the Airspace in the Light of Progress in Aviation and Astronautics. Montreal, 1957; Cossa A. Normativazione dei Derecho Interplanetario — «Revue Ciencia Aeronautica», 1950, dec.; Le Goff. Manuel de droit arien. Paris, 1954; Saint-Alary R. Le droit arien, Paris, 1955.

⁹⁴ См. стр. 108, 109 данной работы.

⁹⁵ Подробнее см. Осетров Н., Колосов Ю. Международное право на страже безопасности гражданской авиации. — «Советская юстиция», 1971, № 24, с. 15, 16; Актуальные вопросы международного воздушного права. М., 1973, с. 157—160.

⁹⁶ В УК ПНР указано, что положения кодекса применяются к лицам, совершившим преступления на польских воздушных кораблях. Воздушный кодекс СРР предусматривает, что на румынские воздушные суда, находящиеся вне пределов ее территории, распространяется румынская уголовная юрисдикция. УПК НРБ (в соответствии со ст. 22 Закона об изменении Уголовно-процессуального кодекса от 10 ноября 1961 г.) предусматривает, что уголовные дела о преступлениях, совершенных на самолете, находящемся за границей, подсудны суду аэропорта, в котором зарегистрирован самолет. Несколько ограничил рамки своей уголовной юрисдикции УК ВНР, установив, что венгерский уголовный закон должен применяться в отношении преступлений, совершенных за пределами страны во время полета на гражданском самолете. Только УК СФРЮ установил применение кодекса к любому лицу, совершившему преступление на пассажирском самолете, находящемся над открытым морем.

⁹⁷ По английскому закону 1949 г. (Civil aviation act, 1949) каждое преступление, совершенное на борту британского воздушного судна, где бы оно ни находилось, считается совершенным на территории Соединенного Королевства, где преступник к моменту привлечения к ответственности будет обнаружен (см. Archbold. Pleading, Evidence, Practice in Criminal cases. Thirty-fourth edition. London, 1959, p. 37—38). УК ФРГ (§ 5) распространяет свое действие на все немецкие воздушные суда, где бы они ни находились, в том числе и за пределами ФРГ в иностранном воздушном пространстве и даже на иностранных аэродромах (см. Schönke-Schröder. Strafgesetzbuch, Kommentar, 10. Auflage. Berlin, 1961, S. 76). Подробнее о применении уголовного законодательства ФРГ к преступлениям, совершенным на борту воздушного судна см. Schnorr L. von Carolsfeld. Straftaten in Flugzeugen. Erlangen, 1965. Также решаются вопросы уголовной юрисдикции в Испании. Испанские воздушные суда рассматриваются в любом воздушном пространстве, а также на иностранных аэродромах как испанская территория. Бельгийский закон 1934 г., Голландский уголовный кодекс (ред. 1952 г.) и французское законодательство тоже распространяют свою уголовную юрисдикцию на преступления, совершенные на борту своего воздушного судна, находящегося вне пределов этого государства (см. Honig I. P. The legal status of Aircraft. Nijhoff, 1956, p. 168—172). В таком же плане данный вопрос решен в уголовных кодексах Индии, Японии и Турции. В этих кодексах указывается, что их действие распространяется на любое преступление, совершенное на воздушном судне, где бы такое судно ни находилось (см. ст. 4 Уголовного кодекса Индии. М., 1958, с. 39, 40; The Criminal Code of Japan as amended in 1954 and The Minor Offenses Law of Japan. Tokyo, 1954).

⁹⁸ См. Italian Code of Navigation (including Air Navigations) as approved by Royal Decree No 327 on March, 30, 1942 with amendments up to 1951 in «Air laws and treaties of the world. Vol. 1. Washington, 1965; также Итальянский уголовный кодекс 1930 г. М., 1941.

⁹⁹ См. The Norwegian Penal Code. In: «The American series of Foreign Penal Codes. N. 7., 1961, p. 16, 17.

¹⁰⁰ См. §3 The Penal Code of Sweden. Stockholm, 1965.

¹⁰¹ См. Martin's Annual Criminal Code. Canada. Toronto, 1936, p. 18; Lagarde. Droit pénal Canadien. Montreal, 1962, p. 43.

¹⁰² См. Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht, 1967, Heft 2, Bd. 88, S. 203.

¹⁰³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 52, с. 538.

К ГЛАВЕ V

¹ См. Государственное право СССР. М., 1967, с. 299.

² «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1969, № 34, ст. 303.

³ См. Циркуляр Военной коллегии Верховного Суда СССР, утвержденный 9-м Пленумом Верховного Суда СССР 29 апреля 1926 г. «О применении военными трибуналами уголовных и уголовно-процессуальных кодексов союзных республик при совершении лицами плавающего состава Союзного флота преступления во время нахождения на море» (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970. М., 1970, с. 318).

⁴ В анкете были поставлены вопросы: Какой уголовный закон должен быть применен к военнослужащему, совершившему преступление на военном корабле военно-морской части, расположенной в Латвийской ССР, если преступление совершено: 1) во время нахождения корабля в открытом море; 2) во время нахождения корабля в иностранном порту. Из заполнивших

анкеты 63 ученых (Москва, Минск, Вильнюс, Тарту, Рига, Владивосток, Свердловск и др.) 59 человек (93,6%) ответили, что в обоих случаях должен быть применен уголовный закон Латвийской ССР; 2 человека (3,2%) на первый вопрос ответили, что должен быть применен Закон Латвийской ССР, а на второй — уголовный закон РСФСР; 2 человека (3,2%) на этот вопрос не ответили.

⁵ Из 223 заполнивших анкеты судей, прокурорско-следственных работников, следователей МВД и адвокатов Латвийской ССР 199 (87,3%) высказались за применение к преступлениям, совершенным на борту военного судна, находящегося вне пределов СССР, уголовных законов той союзной республики, где расположен порт дислокации военно-морской части; 11 человек (4,8%) высказались за применение во всех этих случаях УК РСФСР; 8 человек высказались за применение уголовного закона той союзной республики, где расположен военно-морской порт, если преступление совершено в открытом море, а в случае совершения преступления в иностранных водах и портах — УК РСФСР; 10 человек (4,4%) не ответило на поставленный вопрос.

⁶ «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1968, № 39, с. 83.

⁷ См. с. 82 настоящей работы.

⁸ Мы полагаем, что под «общесоюзными уголовными законами» следует понимать не только специальные уголовно-правовые акты, а все законодательные акты, содержащие уголовно-правовые нормы.

⁹ См. с. 120, 121 настоящей работы.

¹⁰ См. с. 55, 56 настоящей работы.

¹¹ См. Кобликов А. С. Правовое регулирование порядка уголовного судопроизводства в органах военной юстиции. — Тр. Военно-полит. акад. им. В. И. Ленина. 49. М., 1965, с. 112; Кобликов А. С. О совершенствовании порядка судопроизводства в органах военной юстиции. — «Советское государство и право», 1967, № 2, с. 109—111.

¹² Там же.

¹³ См. Шаргородский М. Д. Великая Отечественная война и вопрос о пределах действия советского уголовного закона. — Тр. Воен.-юрид. акад. Красной Армии, Т. 6. М., 1947, с. 147.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мы не приводим обоснования автора в пользу этой точки зрения потому, что многие из его аргументов отпали в связи с принятием в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, внесших значительные изменения в регламентацию многих вопросов, о которых говорил М. Д. Шаргородский.

¹⁶ Аналогично решены подобные правовые вопросы реализации уголовной юрисдикции в зарубежных социалистических государствах. Так, например, УПК ГДР в § 173 устанавливает, что для работающих за границей служащих ГДР, не имеющих местожительства в ГДР, территориально компетентным является суд в Берлине, в центральном городском округе (см. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. М., 1972, с. 191). Понятно, что такое решение вытекает из необходимости определенной регламентации вопроса об ответственности этой категории лиц.

К ГЛАВЕ VI

¹ Этот вопрос обойден большинством комментариев к уголовным кодексам союзных республик и учебной литературой, изданной в последние годы (см. Советское уголовное право. Общая часть. М., 1972; Уголовное право БССР. Часть общая. Минск, 1973).

² См. Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 65.

³ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. М., 1968, с. 14.

⁴ См. там же, с. 9.

⁵ Теория осуществления преступного деяния (Ausführungstätigkeitstheorie) или теория местонахождения преступника во время совершения преступления (Aufenthalstheorie) стала господствующей во второй половине XIX в. Представителями этой теории были немецкие криминалисты Г. Гельшнер, А. Меркель, В. Роланд, Г. Зейфферт, К. Биркмейер, Э. Белинг и другие. Многие авторы, защищавшие «теорию действия», утверждали, что установленный государственной волей порядок нарушается только там, где совершается само действие, что только деятельность лица имеет значение для установления виновности, последствие же имеет значение только для установления объема вреда (Kitzinger F. Ort und Zeit der Handlung. Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts. Allg. Teil. Bd. 1. Berlin, 1908, S. 145, 146).

⁶ Там же, с. 171—190.

⁷ Именно так предлагал Ф. Китцингер решить вопрос об ответственности иностранцев, совершивших за границей преступные деяния, повлекшие последствия внутри страны (Kitzinger F. Указ. соч., с. 146, 147).

⁸ См. Fitzgerald P. J. Criminal Law and Punishment. Oxford, 1962, p. 166—168.

⁹ См. Уголовное право. Часть общая. М., 1969, с. 48; Курс советского уголовного права. Часть общая. Л., 1963, с. 122.

¹⁰ См. Советское уголовное право (общая и особенная части). М., 1962, с. 20.

¹¹ В свое время теория последствий в буржуазной доктрине уголовного права имела много приверженцев. Ее защищали также Г. Гельшнер и Ф. Лист, которые затем от нее отказались (см. Liszt F. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Besorgt von Schmidt, E. Berlin—Leipzig, 1921 S. 138). Круг защитников этой точки зрения, т. е. ученых, признающих место наступления последствий единственным местом совершения преступления, в настоящее время за рубежом весьма ограничен, тем более, что в законодательстве многих стран этот вопрос решен иначе.

¹² См. Герцензон А. А. Уголовное право. Общая часть. М., 1918, с. 225; Шнейдер М. А. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1955, с. 40; Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1937, с. 219; Курс советского уголовного права в шести томах. Т. 1. М., 1970, с. 214; Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967, с. 155.

¹³ См. Герцензон А. А. Указ. соч., с. 225.

¹⁴ См. Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 219; также Курс советского уголовного права. Т. 1. Л., 1963, с. 122.

¹⁵ См. Garraud R. Traité théorique et pratique du Droit pénal Français. Paris, 1913, p. 364, 365; Binding K. Grundriss des deutschen Strafrechts. Allg. Teil. Leipzig, 1913, S. 82; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб, 1913, с. 345, 346.

¹⁶ См. ст. 693 УПК Франции (Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1968 г. с изменениями и дополнениями на 1 января 1965 г. М., 1977, с. 217); Schönke-Schröder. Strafgesetzbuch (§ 3, 111). Kommentar, 10. Auflage. München—Berlin, 1961, S. 71; Швейцарский уголовный кодекс (т. 7). М., 1947, с. 5; The penal Code of Sweden. Stockholm, 1965, sec. 4; Итальянский уголовный кодекс 1930 (ст. 6). М., 1941, с. 5; Andenaes J. Oslo. Das norwegische Strafrecht. «Das ausländische Strafrecht der Gegenwart». Bd. 4. Berlin, 1962, S. 278; Уголовный кодекс Греции 1951 г. (ст. 16). — «Современное зарубежное уголовное право». Т. 3. М., 1961, с. 392, 393; Уголовный

кодекс Аргентины 1922 (ч. 1 ст. 1). — «Современное зарубежное уголовное право». Т. 1, М., 1957, с. 45; Турецкий уголовно-процессуальный кодекс (§ 8, 3); Onder A. Istanbul. Das türkische Strafrecht. Das ausländische Strafrecht der Gegenwart. Bd. 4. Berlin, 1962, S. 437.

¹⁷ Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949, с. 467, 468; Грюнхут. Английское уголовное право. — «Современное зарубежное уголовное право». Т. 3, М., 1961, с. 251, 252; Merle R. Droit pénal général. Paris, 1957, p. 53; Bouzat P., Pinatel J. Traité de droit pénal et de criminologie. T. 2. Paris, 1963, pp. 1302—1305; Merle R., Vitu A. Traité de droit criminel. Problèmes généraux de la législation criminelle. Droit pénal général. Procédure pénale. Paris, 1967, p. 204—207; Ranieri S. Manuale di Diritto penale. Vol. I. Parte generale. Padova, 1956, p. 61; Baumann J. Strafrecht. Allg. Teil. Tübingen, 1931, S. 56; Hinüber O. L. Strafrecht. Allg. Teil. Stuttgart, 1955, S. 24; Maurach R. Deutsches Strafrecht. München, 1958, S. 95, 93; Mezger E. Strafrecht. Allg. Teil. München-Berlin, 1955, S. 67; Welzel H. Das deutsche Strafrecht. Berlin, 1957, S. 26 ff.; Rittler T. Lehrbuch des österreichischen Strafrechts. Bd. I Allg. Teil. Wien, 1954, S. 52; Nowakowski F. Das österreichische Strafrecht in seinem Grundzügen. Wien—Köln, 1955, S. 38; Hafer E. Lehrbuch des schweizerischen Strafrechts. Allg. Teil. Berlin, 1926, S. 80; Пфеннингер Г. Ф. Швейцарское уголовное право. — «Современное зарубежное право». Т. 2, М., 1958, с. 311—314; Hazewinkel-Suringa D. Inleiding tot de studie van het Nederlandse Strafrecht. Vierde druk. Haarlem, 1968, S. 316; Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права. М., 1969, с. 33, 34; Dando S. Japanese Criminal Procedure. N. Y. 1955, p. 63; Onder A. Указ. соч. S. 437; Daftary A. A. K. Geschichte und System des iranischen Strafrechts nebst einer Übersetzung des iranischen Strafgesetzbuchs. Rechtsvergleichende Untersuchungen zur gesamten Strafrechtswissenschaft. Heft 3. Bonn, 1935, S. 70.

¹⁸ Lehrbuch des Strafrechts der DDR. Allg. Teil. Berlin, 1959, S. 226; Strafrecht der DDR. Lehrkommentar zum Strafgesetzbuch. Bd. I. Berlin, 1959, S. 237; Reyman G. Prawo karne materialne, Cześć I—Ogolna. Warszawa, 1961, s. 27; Ненов И. Наказательно право на народна република България. Обща част. София, 1972, с. 125; Oancea Y. Drept Penal. Partea generală Bucuresti, 1965, p. 87; Dangeroz V., Kahane S., Oancea J., Fodor J. Explicatii Teoretice ale codului penal Român. Partea generala Vol. I. Bucuresti, 1959, p. 53—59; Stănoiu R.-M. Problema locului infracțiunii în aplicarea principiului teritorialității legii penale. «Studii și cercetări juridice». 1967, nr. 2, p. 184—185; Barbu C. Aplicarea legii penale în spațiu și timp. Bucuresti, 1972, p. 32—47.

§ 13 УК Чехословацкой республики. 1950 г. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Чехословацкой республики. М., 1951; § 17 УК Чехословацкой республики 1961 г. — Бюлл. Чехословацкого права, 1962, № 1—2; ч. 1 ст. 15 УК ФНРЮ 1951 г. — Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Федеративная Народная Республика Югославия. М., 1957; § 80 УК ГДР 1963 г. — Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической республики. М., 1972; § 2 ст. 4 УК ПНР 1969 г. — Уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики. М., 1973; ч. 3 ст. 6 УК Румынии. — Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Румынская Народная Республика. М., 1962; § 143. Codul penal al republicii socialiste România. Bucuresti, 1938.

¹⁹ В английской литературе по уголовному праву этой категории преступлений уделяется особое внимание. Они относятся к категории преступлений, совершаемых с использованием невинного посредника (innocent agent), т. е. почта, телеграф и подобные средства перевозки или доставки докумен-

тов или предметов рассматриваются как innocent agent. Большинство авторов считает, что, если виновное лицо из-за границы посылает корбительное по содержанию письмо или лисьмо, содержащее угрозу, в Англию, это преступление должно рассматриваться как совершенное в Англии, ибо почта в качестве невинного посредника доставляет в Англию это письмо. В этом случае, по их мнению, имеет место конструктивное присутствие виновного в Англии (См. Кенни К. Указ. соч., с. 457; Блум М. Место совершения преступления в английском уголовном праве. — В кн.: «Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Уч. зап. ЛГУ. Вып. 188. Рига, 1973, с. 171—175.

²⁰ Спор сводился к тому, может ли государство считаться местом совершения преступления, если его территорию пересекло без остановок какое-либо транспортное средство (поезд, паром, самолет), которое использовалось для совершения преступления, следовавшее с территории одного иностранного государства, где совершено определенное действие, на территорию другого иностранного государства, где должны были наступить желаемые последствия или достигнуто желаемое воздействие (например, из Парижа через ФРГ и Данию посылается в Швецию письмо или посылка, содержащие какой-либо предмет или механизм, которые должны повлечь определенные вредные последствия или иметь определенное отрицательное воздействие на правопорядок в Швеции). Большая часть зарубежных авторов не соглашалась с тем, что государство, территорию которого транзитным путем пересекло какое-нибудь транспортное средство, в этих случаях может быть признано местом совершения преступления (См. Maurach R. Указ. соч., с. 96). Пока защитниками противоположной концепции приводилась в качестве примера пересылка транзитным путем письма, содержащего клеветнические измышления или угрозы, или даже посылки с отравленными продуктами, их точка зрения отвергалась большинством зарубежных ученых. Когда же защитники признания «транзитного преступления» сжали в качестве примера приводить пересылку транзитным путем взрывчатых и т. п. веществ, они встретили меньше возражений (Schönke-Schröder. Указ. соч., с. 73).

²¹ См. постановление Пленума Верховного суда СССР от 14 марта 1963 г. «О внесении изменений в постановление Пленума от 14 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям». — Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, М., 1970, с. 332.

²² Подробнее о делящемся преступлении см. Блум М. И. Применение советского уголовного закона к продолжаемым и делящимся преступлениям. — В кн.: «Вопросы уголовного права и процесса». Рига, 1969, с. 47—50, 80—141.

²³ Подробнее см. там же, с. 47—79, 97—129.

²⁴ См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, с. 322.

²⁵ См. также Плавский С. Вопросы уголовного права в практике Верховного Суда Польской Народной Республики. — В кн.: «Вопросы уголовного права стран народной демократии». М., 1963, с. 370.

²⁶ Такую позицию занял трибунал города Тимиша (СРР). Румынский гражданин незаконно перешел румыно-югославскую границу и был осужден в Югославии к лишению свободы. После отбытия им наказания он был передан румынским властям. В СРР ему было предъявлено обвинение в незаконном переходе румынской границы из СРР в СФРЮ. За это преступление он был осужден Тимишским трибуналом (приговор № 863 от 9 сентября 1970). Осужденный заявил ходатайство об освобождении в связи с тем, что за переход границы он уже понес наказание в Югославии и не может

быть вторично осужден за то же самое преступление в Румынии. В кодификации было отказано в связи с тем, что любое лицо, совершившее преступление на территории СРР отвечает по румынским законам: незаконный переход румыно-югославской границы — незаконное пересечение румынской границы и выезд с территории СРР — является самостоятельным преступлением, охватываемым умыслом виновного. М. Сирбу, комментируя данный приговор трибунала города Тимиша, согласился с его решением по данному делу, указав, что в СРР и в СФРЮ виновный привлекался за разные преступления (см. Сирбу М. Aplicarea legii penale in spațiu și efectele unei hotărâri de condamnare pronunțate de o instanță străină pentru infracțiunea de trecere frauduloasă a frontierei. — «Revista română de drept», 1972, 1, p. 66—74).

²⁷ Наибольшие споры вызвало дело о столкновении в открытом море 2 августа 1926 г. между французским пароходом «Лотус» и турецким пароходом «Боз-Коурт», о котором уже говорилось в настоящей работе (см. «Revue internationale de droit penal», 1927, V, 4, p. 353).

²⁸ См. Кейлин А. Д. Советское морское право. М., 1954, с. 324—326; Колодкин А. А. Правовой режим территориальных вод и открытого моря. М., 1961, с. 93—95; Шаргородский М. Д. Уголовный закон. 1948, с. 241.

²⁹ См. Bergmann L. Der Begehungsort im internationalen Strafrecht Deutschlands, Englands und der Vereinigten Staaten von Amerika. Berlin, 1966, S. 5—21; Moore I. B. Report on extraterritorial crime and the Cutting case. Washington, 1887; Robin A. L'affaire Cutting. Conflit entre les Etats-Unis de l'Amérique du Nord et le Mexique en 1886. — «Revue de droit internationale». 1888, 20, p. 559—577.

К ГЛАВЕ VII

¹ Понятием «интернациональное, или интертерриториальное, коллизийное уголовное право» мы охватываем установленные уголовным законодательством основные положения, в соответствии с которыми разграничивают пространственные пределы действия двух или нескольких имею их силу региональных уголовных законов. Подробнее о проблеме внутрисударственной («интерлокальной») коллизии законов см. Тилле А. А. Время, пространство, закон. М., 1965, с. 141—156. О сущности коллизийной нормы, ее строения и особенностях см. Тилле А. А. Указ. соч., с. 157—181; Луиц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть. М., 1973, с. 171—203; Луиц Л. А. Международное частное право. М., 1970, с. 136—166.

² Там же, с. 150.

³ На территории Югославии после первой мировой войны до принятия Уголовного кодекса 1929 г. действовало шесть уголовно-правовых систем. До 1930 г. на территории Польши действовали три уголовно-правовые системы. В Чехословакии до 1938 г. действовало австрийское и венгерское уголовное законодательство. Наиболее актуальными, а поэтому и наиболее разработанными оказались вопросы интерлокального уголовного права в уголовно-правовой литературе Швейцарии, на территории которой до 1942 г. действовало 25 различных кантональных уголовно-правовых систем. Вопросы интерлокального уголовного права решались и решаются в ФРГ в отношении т. н. уголовных законов западногерманских земель.

⁴ См. Roger D. American interstate law. 2nd ed. Chicago, 1893, p. 294, 327, 328. Уголовные и уголовно процессуальные кодексы отдельных штатов США содержат определенную систему коллизийных норм (Colorado Criminal Code, 1972, p. 238, 259; Criminal procedure Law of New York (1971—

1972), p. 9—14; Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права. М., 1969, с. 33—35. Систему коллизийных норм содержит также проект нового Федерального Уголовного Кодекса США (Final report of the National Commission on Reform of Federal Criminal Laws. A Proposed new Federal Criminal Code (Title 18. United States Code). U. S. Congress. Senate, Committee on the Judiciary. Hearings on Criminal Laws and Procedures. Washington, 1971, Part 1, p. 165—180).

⁵ См. Leask S. Das Australische Strafrecht. Sammlung ausserdeutscher Strafgesetzbücher. Berlin, 1939, S. 1—203, а также австралийское уголовное законодательство — Crimes Act, 1914—1932, как и законодательство штатов — The Criminal Code of Western Australia, 1913 (The Criminal Code of Western Australia (reprinted pursuant to the Amendments incorporation Act, 1938) and the Criminal Practice rules (reprinted pursuant to the reprinting of regulations act, 1954); The Criminal Code of Queensland, 1899; The Criminal Code and the criminal Practice Rules of 1900 (as amended at 30 th March, 1959.) 1961.

⁶ См. Блум М. И. Некоторые вопросы соотношения общесоюзного уголовного законодательства и уголовного законодательства союзных республик. — В кн.: «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики». Уч. зап. ЛГУ, вып. 93, Рига, 1968, с. 33—64, см. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1937, с. 180, 181.

⁷ Это положение вытекает из ст. 4 Основ уголовного законодательства, в которой установлено, что к лицам, совершившим преступление в СССР, применяются уголовные законы, действующие в месте совершения преступления, т. е. применяется уголовное законодательство той союзной республики, на территории которой совершено преступление.

⁸ Такое положение содержится в ст. 4 УК БССР, в ст. 4 УК КазССР, в ст. 4 УК МССР, в ст. 4 УК ЛатвССР, в ст. 4 УК Арм ССР, в ст. 4 УК ТССР.

⁹ Например, виновный всыпал яд в пищу потерпевшего в Ленинграде, а смерть последнего наступила во Владивостоке; оружие изготовлено во Владивостоке, хранилось в различных городах РСФСР и было реализовано в Ленинграде; отец в Красноярском крае злостно уклоняется от уплаты алиментов на содержание своего ребенка, проживающего в Пскове. Во всех этих и подобных им случаях преступление совершено только на территории РСФСР, поэтому к виновному в совершении любого из упомянутых преступлений, лицу может быть применен только уголовный кодекс РСФСР, даже если оно привлекается к уголовной ответственности в Белорусской ССР в связи с совершенным там другим преступлением.

¹⁰ См. ст. 4 Основ уголовного законодательства и с. 42, 43 настоящей работы.

¹¹ Так, например, если бы в одной союзной республике местом совершения преступления было признано только место осуществления самого преступного действия (бездействия), а в другой — только наступление последнего действия (бездействия), то невозможно было бы применить уголовный закон из первой и из второй республики в случаях, когда преступное действие (бездействие) имело место во второй республике, а последствия его наступили в первой.

¹² См. Брайнин Я. М. Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, с. 8, 9; Научно-практический комментарий уголовного кодекса РСФСР под ред. Б. С. Никифорова. М., 1964, с. 8; также Келли С. Г. Советский уголовный закон. М., 1961, с. 27; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 271; Советское уголовное право. Часть Общая. Киев, 1973, с. 27—29 (автор главы Н. В. Володько).

¹³ По мнению Н. Д. Дурманова, местом совершения преступления (определяющим применение уголовного закона) является территория, на которой наступило общественно опасное последствие (см. Советское уголовное право. Часть общая, М., 1962, с. 45, 46; также Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 218). Такого же мнения придерживается И. И. Горелик (см. Горелик И. И., Тишкевич И. С. Вопросы уголовного права (общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 74).

¹⁴ См. Комментарий к уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 11.

¹⁵ См. Советское уголовное право. Часть общая, М., 1972, с. 40; Брайнин Я. М. Указ. соч., с. 156; Келина С. Г. Указ. соч., с. 27; Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, с. 8.

¹⁶ См. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968, с. 122; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, 1960. Л., 1962, с. 17; Комментарий к Уголовному Кодексу Молдавской ССР. Кишинев, 1964, с. 22.

¹⁷ Так, например, Г., работая на основании договора в колхозе «Прапор Ленина» Тернопольской области Украинской ССР начальником участка заготовки лесоматериалов, находившихся в Лимбажском районе Латвийской ССР, получал для заготовки древесины лично или через работника колхоза Д. как на территории УССР, так и на территории Латвийской ССР лимитированные чековые книжки и наличные деньги. Г. сам принимал на территории Латвийской ССР работу по заготовке древесины, составлял ведомость на выдачу заработной платы, оплачивал наличные денежные счета, а также ежемесячно представлял в колхоз «Прапор Ленина» отчеты о ходе заготовки древесины. Из полученных 66450 рублей он обратил в свою собственность 11672 рубля путем злоупотребления служебным положением, подделок в платежных ведомостях подписей фактически не работающих лиц и т. п. деяний, совершенных на территории Латвийской ССР. Г. осужден по ст. 89¹ УК Латвийской ССР, хотя деньги изъяты из колхозных средств в УССР.

¹⁸ В этом плане известный интерес представляет уголовное дело по обвинению Р., который отпустил 824 м³ пиломатериалов по безналичному расчету совхозу «Мирный» Краснодарского края за взятку в сумме 3355 рублей, переданную ему директором и другими работниками совхоза из средств совхоза, о чем Р. был информирован до получения взятки. Получение и дача взятки на территории Латвийской ССР были квалифицированы по УК Латвийской ССР, а действия работников совхоза и Р., похитивших деньги из кассы совхоза, были квалифицированы по УК РСФСР — ч. 3 ст. 92. Такая практика представляется нам правильной.

¹⁹ Например, виновный, находясь в г. Валке (Латвийской ССР), из хулиганских побуждений выстрелил в потерпевшего, находящегося в г. Валге (Эстонской ССР), тяжело ранив последнего; в больнице (на территории РСФСР) потерпевший скончался. Виновный был задержан на территории Литовской ССР в связи с совершенным там групповым изнасилованием. Суду в Литовской ССР надлежит в этом случае решить вопрос о применении к виновному за совершенное им убийство соответствующей статьи уголовного кодекса одной из трех республик — Латвийской, Эстонской или РСФСР.

²⁰ Коммерческое посредничество тогда является дистанционным преступлением, если оно совершается на территории нескольких союзных республик. Например, когда лицо, осуществляя коммерческое посредничество, получает товары от предприятия, находящегося на территории одной союзной республики и продает их предприятию, находящемуся на территории другой, получая при этом определенное вознаграждение от двух предприятий, интересы которых он представляет.

²¹ Занятие запрещенным промыслом осуществляется на территории двух союзных республик, если запрещенная переработка сырья или полуфабрикатов в готовую продукцию осуществляется на территории одной союзной рес-

публики, а ее перепродажа, охватываемая этим же составом преступления, — на территории другой союзной республики.

²² Посредничество во взяточничестве совершается на территории двух республик, если посредник получает материальные ценности от лица, дающего взятку, на территории одной союзной республики, а передает ее на территории другой союзной республики. Дача взятки также может быть совершена на территории двух союзных республик, если взятка отправляется по почте или багажом из одной союзной республики в другую.

²³ См. Комментарий к уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 11; Уголовный Кодекс Эстонской ССР. Комментированное издание. Таллин, 1968, с. 9; Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, с. 12; Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, с. 8; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, 1960. Л., 1962, с. 17; Комментарий к Уголовному кодексу Молдавской ССР, с. 21; Курс советского уголовного права. Часть общая, Т. 1. Л., 1968, с. 122; Брайнин Я. М. Указ. соч., с. 156.

²⁴ А. Утевский утверждает, что все исполнители грунтовой спекуляции, независимо от того, на территории каких союзных республик они действуют, должны отвечать по закону той союзной республики, где были перепроданы товары, т. е. окончено преступление. Однако даже приведенный А. Утевским пример, когда работники транспорта скупают и перепродают различные товары в пути следования, оказываясь во время скупки, транспортировки и продажи товаров на территориях нескольких союзных республик, не исключает возможности различного решения вопроса. Работник транспорта скупает определенные товары на территории одной союзной республики (например, фрукты в Грузинской ССР), а затем в пути следования перепродает их по завышенным ценам на территории нескольких других союзных республик (например, в РСФСР, БССР и ЛатвССР). Где же в этом случае будет законена спекуляция, чтобы обосновать применение уголовного законодательства только одной союзной республики? Практика транспортной милиции, на которую ссылается А. Утевский, знает немало случаев, когда проводники и другие работники железнодорожного транспорта, как и пассажиры, скупают дефицитные товары на территории одной союзной республики, а продают их на территории нескольких других республик по завышенным ценам. Вряд ли можно установить единое место совершения преступления и в том случае, если работник транспорта в примере А. Утевского скупает товары в одной союзной республике и продает их по завышенным ценам на территории другой союзной республики, а в последней скупает другие товары, которые на обратном пути продает в первой союзной республике (см. Утевский А. Как квалифицировать спекуляцию, совершенную в ряде союзных республик. — «Социалистическая законность», 1971, № 9, с. 65).

²⁵ См. Уголовное право. Часть особенная. М., 1969, с. 267; Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1971, с. 255; Уголовное право. Часть особенная М., 1968, с. 323.

²⁶ Например, работник детского сада, отправляясь на время своего отпуска из Риги в Сочи, решила «подзаработать», для чего скупила в Латвийской ССР значительное количество импортных кофточек и остановилась в Сухуми (Грузинская ССР), чтобы там их перепродать по более дорогой цене. В Сухуми она была задержана после того, как уже успела часть кофточек распродать по высокой цене. Там было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 165 УК Грузинской ССР (спекуляция). В качестве меры пресечения была избрана подписка о невыезде с постоянного места жительства. Дело было переслано в Латвийскую ССР. Следовательно, принявший дело к своему производству, переквалифицировал деяние по ч. 1 ст. 149 УК ЛатвССР (спеку-

ляния). По этой статье виновная и была осуждена. В данном конкретном случае был применен уголовный закон той союзной республики, на территории которой скупались дефицитные товары.

²⁷ По вопросу о том, уголовное законодательство какой из союзных республик применимо в этом случае, отсутствует то единство мнений, которое имелось при оценке оконченной спекуляции. Значительная часть ученых полагает, что в этом случае должен отдаваться приоритет союзной республике, где имела место скупка товаров (См. Утевский А., Указ. соч., с. 65; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972, с. 40; Уголовное право. Часть общая, М., 1966, с. 63; КИтма А. Nusikalimo padaryta veicta. — «Socialistine teise», 1972, Nr. 3, l. 41. Имеется и противоположная точка зрения (см. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1, Л., 1968, с. 122).

²⁸ Пленум Верховного Суда СССР удовлетворил протест Генерального Прокурора СССР и указал в постановлении, что «осужденные, начав совершение преступления в одном месте, продолжали его, на стадии покушения, в другом месте, где оно и было пресечено. Эти действия, поскольку они совершались в месте задержания виновных, представляли собой дальнейшую реализацию того же самого преступного умысла, должны квалифицироваться по законам союзной республики, на территории которой они были пресечены» (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 1, с. 17).

²⁹ Например, в Латвийской ССР рассматривается дело о спекуляции, совершенной в Литовской ССР и Белорусской ССР, когда виновный в спекуляции систематически скупал одни товары в Литовской ССР и перепродавал их в Белорусской ССР, другие же товары скупал в Белорусской ССР и перепродавал в Литовской ССР. При этом последняя скупка товаров имела место на территории Белоруссии, и перепродать их виновный уже не успел, так как она задержан и привлечен к уголовной ответственности в Латвийской ССР за другое преступление.

Другой пример. Виновный скупал товары только в Литовской ССР, а перепродавал их только в Белорусской ССР, но последнюю партию скупленных в Литовской ССР товаров не успел продать, так как был задержан и привлечен к уголовной ответственности в Латвийской ССР.

В Латвийской ССР изложенное в первом примере преступление следовало бы квалифицировать по УК БССР, изложенное во втором примере — по УК ЛитССР.

³⁰ Такими преступлениями являются похищение, хранение, изготовление и сбыт огнестрельного оружия без соответствующего разрешения (ч. 1 ст. 218 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); изготовление, сбыт, хранение с целью сбыта и приобретение с целью сбыта наркотических веществ без специального разрешения (ч. 1 ст. 224 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); заранее не обещанные сбыт или хранение с целью сбыта, а равно приобретение с целью сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ч. 3 ст. 208 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); изготовление, распространение, рекламирование предметов порнографического характера, а также торговля ими или хранение с целью их продажи или распространения (ст. 228 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 24 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик). Поскольку такая конструкция составов преступлений зависит от роли законодателя (общесоюзного и союзных республик), в уголовных кодексах одних союзных республик таких составов преступлений больше, в других меньше. В УК

Латвийской ССР таким преступлением является подделка официальных документов или их использование (ст. 190 УК ЛатвССР).

³¹ Таким преступлением является хищение путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (ст. 92 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик). Следует согласиться с Г. А. Кригером в том, что большое сходство хищений в форме присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением, а зачастую и наличие признаков всех этих преступлений в одном и том же деянии обусловили объединение уголовными кодексами союзных республик всех этих деяний в одном составе и соответственно в одной статье УК (См. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1971, с. 185).

³² Всякое иное решение, т. е. признание совокупностью преступлений двух стадий оконченного преступления, совершенных в различных союзных республиках, приведет к нарушению ст. 25 Основ уголовного законодательства. Эта статья понимает под совокупностью преступлений совершение преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона и, конечно, не имеет в виду различную нумерацию статей в уголовных кодексах союзных республик. Насколько обоснованно в этих случаях признание совокупности преступлений, можно проследить на примере изготовления поддельных денег на территории одной союзной республики и их сбыта на территории другой. Если каждое из этих действий квалифицировать самостоятельно, а наказание определять в соответствии со ст. 25 Основ, то единое преступление, предусмотренное общесоюзным законом, расчлениется на два самостоятельных, чем искажается содержание общесоюзного закона. Кроме того, необоснованно уже и само применение ст. 25.

³³ В. Н. Кудрявцев полагает, что в случае совершения предусмотренных законом альтернативных преступных деяний на территории различных союзных республик действия виновного надо квалифицировать по закону той республики, которая расценивает содеянное как сравнительно более тяжкое преступление, либо — при равной ответственности — по закону места совершения последнего преступного действия (Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступления с. 276).

³⁴ Перед всеми опрашиваемыми был поставлен вопрос о том, уголовные законы какой республики должны быть применены судом Латвийской ССР к лицу, которое незаконно изготовило огнестрельное оружие на территории РСФСР, хранило и послало его на территории Латвийской ССР, а затем сараило на территории Литовской ССР. Из 377 опрошенных 143 человека, или 37,9%, ответили, что виновный должен быть привлечен к уголовной ответственности по УК ЛатССР, 120, или 31,8%, — по УК РСФСР, 60, или 15,9%, — по УК ЛитССР, 52, или 13,8%, — по уголовным кодексам всех трех республик, 2 человека, или 0,6%, — по уголовному кодексу той республики, который предусматривает наиболее строгое наказание. Анализ ответов, полученных только от практических работников и только от ученых, не меняет общей картины.

³⁵ Как следует из судебной практики Латвийской ССР, хищение социалистического имущества, совершенное путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением на территории нескольких республик, квалифицируется по УК Латвийской ССР, если преступная деятельность виновного была пресечена на территории Латвийской ССР. Эта практика нам представляется правильной. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. дается указание квалифицировать несколько хищений, совершенных любым способом, и образующих в общей сложности хищение в особо крупном размере, по закону той союзной республики, где совершено последнее хищение. Однако, если хищение совершено путем присвоения, рас-

траты или злоупотребления служебным положением, часто бывает трудно установить, где совершено последнее, потому что несколько хищений совершаются в разных республиках одновременно.

³⁶ См. «Бюллетень Верховного суда СССР», 1968, № 5, с. 28, 29.

³⁷ В. Н. Кудрявцев полагает, что в случае совершения длящегося преступления на территории двух или более республик возможны четыре варианта решения: 1) длящееся преступление квалифицируется по закону той союзной республики, которая признает данное преступление сравнительно более тяжким; 2) длящееся преступление квалифицируется по закону той республики, где начато его осуществление; 3) длящееся преступление квалифицируется по законам той республики, где оно закончилось; 4) при квалификации длящегося преступления учитываются интенсивность действий лица на разных территориях, продолжительность деяния, характер и степень общественной опасности этих действий и т. д. (Кудрявцев В. Н. Квалификация преступлений, совершенных на территории нескольких союзных республик. — «Социалистическая законность», 1966, № 6, с. 51, 52; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 272—274). Нам представляется, что, кроме предлагаемых Кудрявцевым В. Н. четырех решений, возможны еще три решения: 1) длящееся преступление квалифицируется по закону той союзной республики, в которой предусмотрено наименее тяжкое наказание; 2) длящееся преступление квалифицируется по закону той союзной республики, на территории которой объекту преступления по воле виновного причиняется вред; 3) длящееся преступление квалифицируется по уголовным законам той союзной республики, на территории которой преступление частично совершалось, если оно рассматривается судом данной республики.

³⁸ См. Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 223.

³⁹ См. Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий, с. 8, 9. Такая точка зрения защищалась и автором данной работы в предыдущих публикациях (см. Блум М. И. Применения советского уголовного закона к продолжаемым и длящимся преступлениям, с. 109).

⁴⁰ Для иллюстрации приведем два примера из судебной практики Латвийской ССР. К., работая летом 1963 г. в мастерских совхоза Ульяновской области, изготовил, а потом носил при себе и хранил мелкокалиберный пистолет. Этот же пистолет он носил при себе и хранил в 1966 г., находясь в Латвийской ССР. В марте 1966 г., имея при себе этот самодельный пистолет, он уехал в Литовскую ССР, где его спрятал. Эти действия К. следственные органы и Верховный суд Латвийской ССР квалифицировали по ст. 218 УК Латвийской ССР. Таким образом, действия К., выразившиеся в изготовлении, пошении и хранении мелкокалиберного пистолета на территории РСФСР, Латвийской и Литовской ССР, были квалифицированы по УК Латвийской ССР в соответствии с уголовными законами места предания суду виновного и его осуждения (без учета строгости наказания, предусмотренного за это преступление уголовными кодексами всех трех республик).

Другую позицию по аналогичному делу М. занял народный суд Пролетарского района гор. Риги. М., привлеченный в Риге к уголовной ответственности за кражу государственного имущества, решил скрыться от суда. С этой целью он взял у своего знакомого Т. его паспорт и студенческий билет. С 25 ноября по 14 декабря 1965 г. М., используя документы Т., предъявил их в кассу Рижского агентства Аэрофлота, а затем в кассу Центрального агентства МТА в Москве для полета в Магадан. Прибыв в Магаданскую область в декабре 1965 г., он поселился в поселке Ягодное, где использовал почтовый паспорт Т., слав его для прописки. Следственные органы квалифицировали эти действия М. по статье 190 УК ЛатССР и по ч. 3 ст. 196 УК РСФСР, т. е. применили уголовные законы тех союзных республик, в пределах которых осуществлялась какая-то часть длящегося пре-

ступления. Народный суд Пролетарского района г. Риги указал в приговоре, что квалификация преступных действий М. одновременно по ст. 190 УК ЛатССР и по ч. 3 ст. 196 УК РСФСР является неправильной, поскольку действия по использованию подложных документов на территории Латвийской ССР и РСФСР являются одним длящимся преступлением и подлежат квалификации лишь по ч. 3 ст. 196 УК РСФСР — по месту окончания преступной деятельности.

⁴¹ Если военнослужащий самовольно оставил воинскую часть или место службы и в течение определенного времени проживает на территории различных республик, то местом самовольного оставления части или места службы является только территория одной союзной республики — той, где расположена соответствующая войсковая часть или где военнослужащий должен проходить службу. Место преступления не зависит от места задержания военнослужащего. Когда дело о самовольном оставлении воинской части рассматривается военным трибуналом другого округа — по месту задержания военнослужащего, все равно должны применяться уголовные законы той союзной республики, на территории которой расположена войсковая часть или где виновный должен проходить службу, так как только здесь он нарушил установленный порядок и обязанности, связанные с несением службы. Эта практика военных трибуналов представляется нам единственно правильной.

⁴² В качестве иллюстрации представляет известный интерес дело Ш., рассмотренное в 1968 г. народным судом Пролетарского района г. Риги. В 1955 г. у Ш. родилась дочь. Он оставил семью и с момента рождения ребенка в течение 12 лет уклонялся от уплаты алиментов на ее содержание. За это время Ш. восемь раз менял место жительства, переселяясь из одной союзной республики в другую. В 1964 г. он был обнаружен в Казахской ССР, где был предупрежден органами милиции об уголовной ответственности по ст. 112 УК КазССР за злостное уклонение от уплаты алиментов. В 1962 г. он вторично предупреждался об уголовной ответственности по ст. 122 УК РСФСР, по месту своего проживания. В третий раз он вновь предупреждался об уголовной ответственности по ст. 112 УК КазССР. В августе 1967 г. Ш. был задержан в Коми АССР в связи с возбужденным в Риге уголовным делом по ст. 118 УК ЛатССР и этапирован в Ригу, где и был осужден.

⁴³ Перед всеми опрашиваемыми нами был поставлен вопрос: уголовный закон какой из союзных республик должен быть применен к лицу, которое оставляет своего малолетнего ребенка в Риге и злостно уклоняется от его содержания на протяжении 12 лет, разбегаясь с целью уклонения от уплаты алиментов по городам РСФСР, БССР, УССР и КазССР, если в результате розыска это лицо обнаруживаются на территории РСФСР и этапируются в Ригу в связи с возбужденным против него уголовным делом. Из 377 опрошенных 320 (84,9%) высказались за применение УК ЛатССР; 43 (11,4%) — за применение УК РСФСР; 12 (3,18%) — за применение уголовных кодексов нескольких союзных республик; двое (0,52%) высказались за применение уголовного закона той республики, в которой предусмотрено более строгое наказание.

⁴⁴ См. Стручков Н. А. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., 1957, с. 14; Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960, с. 14—34. Ткешеладзе Г. Г. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1961, с. 7, 8; Пшонтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961, с. 6*2—6*38; Никифоров А. С. Совокупность преступлений. М., 1965, с. 62—78; Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963, с. 305—308; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 304—303. Кри-

гер Г. А. Указ. соч., с. 18; Малков В. П. Повторность преступлений. Казань, 1970, с. 81—94.

⁴⁵ См. постановление № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 4, с. 9—15. См. также ранее действовавшее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1961 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». — Сб. постановлений Пленума Верховного Суда Союза ССР. 1924—1970. М., 1970, с. 412, 413.

⁴⁶ См. Кудрявцев В. Н. Квалификации преступлений, совершенных на территории нескольких союзных республик, с. 52. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 275.

⁴⁷ См. Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, с. 9.

⁴⁸ См. Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 225.

⁴⁹ И. И. Горелик предлагает квалифицировать продолжаемое преступление и назначать наказание по уголовным законам всех союзных республик, на территории которых преступление совершалось, а затем применять принцип поглощения менее тяжкого наказания более тяжким. (См. Горелик И. И., Тишкевич И. С. Указ. соч., с. 67, 73).

⁵⁰ См. Блум М. И. Применение советского уголовного закона к продолжаемым и длящимся преступлениям, с. 106, 107.

⁵¹ К этому выводу мы пришли на основании изучения судебной практики по делам о хищении государственного или общественного имущества в Латвийской ССР за период с 1961 по 1973 гг.

⁵² Справедливо отметил также Ю. Кореневский, что суды обычно применяют кодекс той союзной республики, где хищение было окончено, либо той союзной республики, где преступление расследуется и дело рассматривается судом (Как квалифицировать преступления, совершенные на территории нескольких союзных республик. — «Социалистическая законность», 1971, № 7, с. 52).

⁵³ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 4, с. 12.

⁵⁴ Например: в Риге предано суду лицо в связи с получением взятки за содействие поступлению в высшее учебное заведение г. Риги. Эта взятка передавалась взяткодателем по частям. Большая ее часть была передана в Латвийской ССР, а последняя часть — в Белорусской. В данном случае то обстоятельство, что дача — получение последней части взятки имело место в Белорусской ССР, не дает основания применять судом Латвийской ССР уголовный закон Белорусской ССР.

⁵⁵ См. Уголовный кодекс Эстонской ССР. Комментированное издание. Таллин, 1968, с. 9.

⁵⁶ Могут быть выдвинуты следующие варианты: 1) применяется тот из нескольких уголовных законов союзных республик, который предусматривает более строгое наказание; 2) применяется уголовный закон той союзной республики, на территории которой преступлением причинен больший ущерб или вред правоохраняемому объекту; 3) применяется уголовный закон той союзной республики, где наступили общественно опасные последствия (если речь идет о материальном составе преступления). Возможен еще один вариант: считать для каждого из соисполнителей местом совершения преступления только то место, где каждый из них действовал — совершал общественно опасные действия. Однако этот вариант означал бы применение судом, рассматривающим уголовное дело, законов двух различных союзных республик к каждому из соисполнителей, т. е. по существу расчленение единого, совершенного в соучастии преступления, на самостоятельные преступления, лишенные внутреннего единства. В действительности, хотя каждый из соисполните-

лей действует на территории одной из двух союзных республик, он совершает преступление частично на территории каждой из этих республик, ибо содействует второму соучастнику в осуществлении общего преступного замысла на территории второй республики.

⁵⁷ См. Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 220; Комментарий к УК РСФСР, М., 1971, с. 12; Комментарий к УК БССР, Минск, 1971, с. 12; Горелик И. И., Меркушев М. Н., Тишкевич И. С., Шкурко В. А. Уголовный кодекс Белорусской ССР, Минск, 1963, с. 8; Горелик И. И., Меркушев М. Н., Тишкевич И. С., Шкурко В. А. Комментарий УК БССР, Минск, 1966, с. 13; Уголовный кодекс ЭССР. Комментарий, с. 9; Уголовный кодекс УССР. Научно-практический комментарий, с. 8; Комментарий к Уголовному кодексу КазССР, Алма-Ата, 1966, с. 10; Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 56.

⁵⁸ Нами была приведена следующая фабула: Из ИТК на территории РСФСР заключенный Е. пересылает в Латвийскую ССР письмо своему неразоблаченному сообщнику Ж. с заданием убить некоего З., выдавшего Е. и могущего выдать иных неразоблаченных сообщников. Ж., выполняя задание, разыскивает З. на территории Белорусской ССР и там убивает его. По возвращении в Латвийскую ССР Ж. совершает другое преступление, здесь привлекается за него к ответственности и одновременно уличается в убийстве З. Был поставлен вопрос: должен ли отвечать организатор убийства — заключенный Е. по уголовному закону: а) РСФСР, б) БССР, в) ЛатССР.

⁵⁹ Было опрошено 377 ученых и практических работников. Из них 250 ответило, что организатор преступления должен отвечать по закону той республики, где совершено преступление исполнителем. Если исполнитель совершил убийство в Белорусской ССР, где он обнародовал свою жертву, то находившийся во время совершения преступления на территории РСФСР организатор убийства должен отвечать также по УК БССР. 84 человека ответили, что организатор преступления должен отвечать по УК РСФСР, где он находился в момент совершения им общественно опасного деяния — отправления письма, в котором был подробно разработан план убийства. 31 человек полагал, что организатор «действовал» в Латвийской ССР, ибо здесь было получено письмо и здесь же по замыслу организатора должно было быть осуществлено убийство. 12 из всех опрошенных признали, что действия организатора следует квалифицировать по уголовным кодексам всех трех республик.

⁶⁰ Нами изучено 97 дел о хищении и спекуляции, рассмотренных в течение последних шести лет.

⁶¹ См. Ковалёв М. И. Соучастие в преступлении. Часть первая. Понятие соучастия. Свердловск, 1960, с. 97—99; Ковалёв М. И. К вопросу о понятии соучастия в советском уголовном праве. — «Правоведение», 1959, № 4; также Солнгарж В. Соучастие по уголовному праву Чехословацкой Социалистической Республики. М., 1962, с. 73 и сл.

⁶² См. Гришаев П. И., Кригер Т. А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959.

⁶³ Так, например, трудно объяснить, почему одним и тем же автором к материальным дистанционным преступлениям предлагается применить уголовный закон места наступления последствий, а к такому же преступлению, совершенному в форме продолжаемого преступления, предлагается применить наиболее строгий из уголовных законов, предусмотренных в тех союзных республиках, на территории которых частично осуществлялось это преступление (См. Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 218, 225). Трудно объяснить также, почему одним и тем же автором предлагается к материальному дистанционному преступлению применить только закон той республики, где совершено само деяние, а к преступлению, совершенному в соучастии, предлагается при-

менить только закон места совершения преступления исполнителем и т. д. (см. Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 65, 66; Ляпунов Ю. И. Советское уголовное право. Часть общая. Советский уголовный закон. Понятие преступления по советскому уголовному праву. М., 1968, с. 15, 16).

⁶⁴ Подробнее см. Блум М. И. Время и место совершения преступления. — В кн.: «Вопросы борьбы с преступностью». Рига, 1974.

⁶⁵ См. Тилле А. А. Указ. соч., с. 143, 144; также Кирилл В. А. Союзный и республиканский уголовный закон. М., 1970, с. 144—149.

⁶⁶ Такое решение предлагается в следующих работах: Кудрявцев В. Н. Квалификация преступлений, совершенных на территории нескольких союзных республик, с. 50—52; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 270—277; Дурманов Н. Д. Указ. соч., с. 225; Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Украинской ССР. Киев, 1969, с. 8, 9.

⁶⁷ Пленум Верховного Суда Союза ССР в постановлении от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» при установлении места совершения единого продолжаемого преступления, хищения в крупном размере не пошел по этому пути (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 4, с. 12).

⁶⁸ Позицию авторов, которые предлагают в случаях коллизии между уголовными законами союзных республик применять статью УК, устанавливающую более строгое наказание, с позиции суверенности каждой союзной республики справедливо критикует А. В. Наумов, указывая на неприемлемость такого решения, несмотря на кажущуюся логичность (см. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973, с. 124—126).

⁶⁹ Такое решение признано законодательством и теорией некоторых буржуазных государств, в частности ФРГ (См. Maugach R. Deutsches Strafrecht. Allg. Teil. München, 1958, S. 100).

⁷⁰ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4.

⁷¹ «Известия» от 22 декабря 1962 г.

⁷² Мы считаем, что практические выводы из нашей концепции совпадают с разъяснением постановления Пленума Верховного суда СССР от июля 1972 г. о квалификации продолжаемого хищения в крупных размерах по закону той союзной республики, в которой преступная деятельность закончилась или была пресечена, так как в союзной республике осуществляется уголовная юрисдикция, главным образом, в отношении тех преступлений, которые закончились или были пресечены в ее пределах.

К ГЛАВЕ VIII

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 22, ст. 387. В связи с утверждением этого Положения утратили силу ранее действовавшие «Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР», утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. (СЗ СССР, 1927, № 5, ст. 48) и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 г. «О порядке предоставления прав и преимуществ техническому, обслуживающему персоналу иностранных посольств и миссий в СССР» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1956, № 12, ст. 256).

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 18, ст. 221.

³ Подробнее см. Романов А. Венская конвенция о дипломатических сношениях и основные вопросы кодификации международного права в области дипломатических привилегий и иммунитетов. — «Советский ежегодник международного права», М., 1961; Мовчан А. П., Ушаков Н. А. Венская конвенция о дипломатических сношениях и иммунитете. — «Советское

государство и право», 1963, № 11; Блищенко И. П. Дипломатическое право. М., 1972, с. 16—47.

⁴ См. Блищенко И. П. Указ. соч., с. 138—157; Хлестов О. Н. Венская конвенция 1963 года по консульским сношениям. — «Советское государство и право», 1963, № 11; Аваков М. М., Ильин Ю. Д. Венская конвенция по консульским сношениям. — «Советский ежегодник международного права 1963». Л., 1965; Ильин Ю. Д. Основные тенденции в развитии консульского права. Л., 1969.

⁵ См. Дурденевский В. Е., Крылов С. Б. Организация Объединенных Наций (сборник документов) Л., 1956, с. 335—343.

⁶ См. Богданов О. В. Иммуниет сотрудника международных организаций в современном международном праве. — «Советское государство и право», 1956, № 4; Богданов О. В. Привилегии и иммунитет ООН. — «Советский ежегодник международного права 1959». М., 1960; Шибалева Е. А. Специализированные учреждения ООН. М., 1966.

⁷ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 15.

⁸ См. Блищенко И. П., Дурденевский В. Н. Дипломатическое и консульское право. М., 1962, с. 376.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 375.

¹¹ См. Международное право М., 1970, с. 371.

¹² См. там же.

¹³ Блищенко И. П. Указ. соч., с. 149.

¹⁴ См. Соглашения СССР с иностранными государствами по консульским вопросам. М., 1962.

¹⁵ Так, в п. 2 ст. 11 Советско-польской консульской конвенции особо подчеркивается, что «в случае совершения консулом действия, наказуемого по законам страны пребывания консула, вопрос о принятии каких-либо мер по отношению к консулу будет в каждом случае предварительно согласовываться с договаривающимися сторонами». В ст. 15 этой конвенции установлено положение о том, что консульские должностные лица, сотрудники консульства и члены их семей, проживающие вместе с ними, пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания («Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 11, ст. 89). Такое же положение имеется в Консульской конвенции между СССР и ВНР, в Консульском договоре между СССР и ГДР, в Консульской конвенции между СССР и МНР и др. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 6, ст. 50; № 24, ст. 208; № 46, ст. 435).

¹⁶ В 1958 г. заключены консульские конвенции с ФРГ и Австрией, в 1964 г. с США, в 1965—1966 гг. с Великобританией и Финляндией, в 1967 г. с Италией, Францией, Японией и Швецией. В п. 1 ст. 7 Консульской конвенции с Финляндией говорится, что консульские должностные лица и сотрудники консульства пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания, причем делается ссылка на ст. 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Такая же ссылка имеется в п. 1 ст. 17 Конвенции с Великобританией. Конвенция с Японией говорит об иммунитете от юрисдикции государства пребывания, этот иммунитет распространяется и на членов семей консульских должностных лиц и сотрудников консульства (п. 2 ст. 18). На членов семей консульских должностных лиц и сотрудников консульства распространяется иммунитет от уголовной юрисдикции также конвенциями с Финляндией и Великобританией. В Конвенции с Францией (п. 3 ст. 11) и Конвенции с Италией (п. 3 ст. 33) указывается, что консульское должностное лицо не подлежит ни аресту, ни задержанию в любой форме, иначе как по предьявленному ему судебными властями обвинению в совершении тяжкого преступления, влекущего в соответствии с законодательством государства пребывания лишение свободы сроком не менее пяти лет, или на

основании вступившего в силу приговора суда. Ст. 18 Консульской конвенции со Швецией предусматривала, что консульское должностное лицо не подлежит на территории государства пребывания ни аресту, ни лишению свободы в любой форме до или в течение судебного процесса в отношении действий, совершенных им не при исполнении служебных обязанностей, если оно не обвиняется в совершении тяжкого преступления, влекущего в соответствии с законодательством государства пребывания лишение свободы сроком не менее пяти лет. Исключение из этого положения возможно по просьбе представляемого государства или с его согласия (подробнее см. Блищенко И. П. Указ. соч., с. 189—216).

¹⁷ Генеральной Ассамблеей ООН 8 декабря 1969 г. был одобрен проект Конвенции о специальных миссиях, которая установила, что глава и члены специальной миссии пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания. Отказаться от иммунитета может только посылающее государство, причем этот отказ должен быть определенно высказан. Данная конвенция предусматривает иммунитет от уголовной юрисдикции семей членов специальной миссии. Конвенция предусматривает изъятие из уголовной юрисдикции государства пребывания также для лиц административно-технического и обслуживающего персонала, если последние входят в состав специальной миссии. Члены семьи административно-технического персонала пользуются теми же иммунитетами, что и сами члены персонала, если они не являются гражданами принимающего государства и не проживают в нем постоянно (подробнее см. Блищенко И. П. Указ. соч., с. 210—137).

¹⁸ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 12. М., 1956, с. 14—17.

¹⁹ См. Современное международное право. Сборник документов. М., 1964, с. 426—435.

²⁰ Подробнее см. Блищенко И. П. Указ. соч., с. 75—81.

²¹ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 15, с. 170—173.

²² Представители стран в Совете и их заместители, кроме того, пользуются иммунитетами, предоставляемыми в данной стране дипломатическим представителям, т. е. полным иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания. Каждая страна — член Совета имеет право и обязана отказаться от иммунитета своего представителя во всех случаях, когда, по мнению этой страны, иммунитет препятствует осуществлению правосудия и отказ от иммунитета не нанесет ущерба целям, в связи с которыми он был предоставлен. Должностные лица Совета на территории каждой страны — члены Совета не подлежат судебной и административной ответственности за все действия, которые могут ими быть совершены в качестве должностных лиц. Секретарь Совета и его заместители пользуются также иммунитетами, предоставляемыми в данной стране дипломатическим представителям. Секретарь Совета имеет право и обязан отказаться от иммунитета, предоставляемого любому должностному лицу, если иммунитет препятствует осуществлению правосудия. В отношении Секретаря Совета и его заместителей право отказаться от иммунитета принадлежит Совещанию Представителей стран в Совете.

²³ См. Блищенко И. П., Дурденевский В. Н. Указ. соч., с. 408, 409.

²⁴ См. Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., с. 244, 245; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1938, с. 130; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1969, с. 49; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972, с. 40, 41; Уголовное право БССР. Часть общая. Минск, 1973, с. 23; Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 68; Уголовное право. Часть общая. М., 1969, с. 49; Герцензон А. А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948, с. 224, 225.

²⁵ Н. Д. Дурманов также полагает, что дипломатический иммунитет не означает исключения преступности и наказуемости деяний, которые совершаются на территории СССР лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом. Исключается только возможность привлечения к уголовной ответственности, рассмотрения уголовного дела советским судом и осуждение виновного. Несмотря на это, он приходит к выводу, что в ч. 2 ст. 4 Основ уголовного законодательства закреплено изъятие из территориального принципа действия уголовного закона в пространстве. (см. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с. 226—233; Также: Курс советского уголовного права в шести томах. Часть общая. Т. 1. М., 1970, с. 216.

²⁶ См. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968, с. 91.

²⁷ Международно-правовые отношения могут возникнуть только при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления лицу, пользующемуся дипломатическим иммунитетом, т. е. при установлении доказательств о наличии события преступления, об умышленном или неосторожном совершении деяния лицом, подлежащим привлечению в качестве обвиняемого, и об отсутствии обстоятельств, устраняющих уголовную ответственность за содеянное.

²⁸ См. Шуршалов В. М. Международные правоотношения. ИМО. 1971, с. 184—194; Генов Г. П. Учебник по международному праву. София, 1947, с. 182—190.

²⁹ См. Шуршалов В. М. Указ. соч., с. 193, 194.

³⁰ В 1960 г. в Нью-Йорке был задержан посол Гватемалы в Бельгии и Нидерландах Морисно Росаль с 116 фунтами наркотика героина на сумму 4 млн. долларов. Полиция сообщила, что этот дипломат давно занимается спекуляцией наркотиками. На следующий день после задержания посла правительство Гватемалы объявило о снятии его с дипломатического поста (см. Блищенко И. П., Дурденевский В. Н. Указ. соч., с. 370); 21 февраля 1964 г. в Нью-Йорке был арестован мексиканский посол в Боливии Сальвадор Прадо-Болланд, у которого был изъят и конфискован 61 кг героина стоимостью 18,5 млн. долларов. Правительство Мексики отказалось от его иммунитета, и он был заключен в тюрьму («Правда» от 23 февраля 1964 г.).

К ГЛАВЕ IX

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1938, № 11.

² Это положение было установлено Конституцией 1924 г., на основании которой были приняты Положение о союзном гражданстве, утвержденное ЦИК СССР 29 октября 1924 г. (СЗ СССР, 1924, № 23, ст. 202). Положение о гражданстве Союза ССР, принятое ЦИК и СНК СССР 13 июня 1930 г. (СЗ СССР, 1930, № 34, ст. 367). Положение о гражданстве Союза ССР, принятое ЦИК и СНК СССР от 22 апреля 1931 г. (СЗ СССР, 1931, № 24, ст. 196).

³ В законе о гражданстве СССР 1936 г. прямо не установлено приобретение гражданства СССР в силу рождения, однако такой вывод можно сделать на основании толкования ст. 6 Закона, поэтому данное положение всегда считалось бесспорным. В настоящее время этот вопрос решен в ст. 30 «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье», принятых 27 июня 1968 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1968, № 27, ст. 241).

⁴ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1940 г. «О порядке приобретения гражданства СССР гражданами Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик» («Ведомости

Верховного Совета СССР», 1940 г., № 31); Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1941 г. «О восстановлении в гражданстве СССР жителей Ессарабии и о приобретении советского гражданства жителями Северной Буковины» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1941, № 13).

⁵ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1946 г. «О выходе из советского гражданства лиц чешской и словацкой национальностей, переселяющихся из СССР в Чехословакию, и приобретение советского гражданства лицами русской, украинской и белорусской национальностей, переселяющихся из Чехословакии в СССР» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1946, № 40); Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О порядке приобретения гражданства СССР лицами литовской национальности, коренными жителями города Клайпеды, Клайпедского, Шилутского и Пагетского уездов Литовской ССР» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1946, № 39).

⁶ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1946 г. «О порядке приобретения гражданства СССР лицами армянской национальности, возвратившимися из-за границы на Родину в Советскую Армению» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1946, № 39).

⁷ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Манчжурии» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1945, № 78); Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1946, № 21). Аналогичные постановления содержатся в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня, 26 сентября, 5 октября 1946 г., 28 мая 1947 г. в отношении лиц, состоявших к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи, а также лиц, состоявших в советском гражданстве и утративших это гражданство, а равно их детей, проживающих на территориях Югославии, Болгарии, Японии, Чехословакии и Бельгии. Лица, проживающие в Японии, должны были направлять соответствующие заявления Члену Союзного Совета по Японии от СССР («Ведомости Верховного Совета», 1946, № 21, 36, 37; 1947, № 16).

⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1946 г. установил, что лица чешской и словацкой национальностей и члены их семей, переселяющиеся из СССР в Чехословакию на основании Соглашения между Правительством СССР и Правительством Чехословацкой Республики от 10 июля 1946 г. об оптане и переселении, признаются вышедшими из советского гражданства с момента их выезда из СССР («Ведомости Верховного Совета СССР», 1946, № 40); Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1944 г. «О праве на переход в польское гражданство военнослужащих польской армии в СССР и лиц, помогающих ей в борьбе за освобождение Польши, а также членов их семей» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. «О распространении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1944 г. «О праве на переход в польское гражданство военнослужащих польской армии в СССР и лиц, помогающих ей в борьбе за освобождение Польши, а также членов их семей» на жителей районов, переданных Советским Союзом в состав Литовской ССР» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1944, № 38).

⁹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 4.

¹⁰ В литературе по советскому государственному праву подчеркивается, что хотя действующее законодательство не устанавливает оснований для лишения гражданства, однако из смысла закона вытекает, что «лишение граж-

данства, это чрезвычайная, исключительная мера, направленная против лиц, недостойных носить высокое звание советского гражданина» (См. Шевцов В. С. Гражданство в Советском союзном государстве. М., 1969, с. 156), что лишение гражданства рассматривается «как тягчайшее наказание и применяется к лицам, выступающим против социалистического строя или подрывающим своими действиями его основы» (см. «Курс советского государственного права». М., 1971, с. 197, также см. Государственное право СССР. М., 1967, с. 185).

¹¹ См. с. 196, 197 данной работы.

¹² См: п. «а» § 5 УК ВНР 1961 г.; § 1 ст. 114 УК ПНР 1969 г.; § 20 УК ЧССР 1961 г.; п. 4 ч. 3 § 80 УК ГДР 1968 г.

¹³ 22 мая 1956 г. была подписана конвенция с Югославией, 24 августа 1957 г. с Венгрией, 4 сентября 1957 г. с Румынией, 18 сентября 1957 г. с Албанией, 5 октября 1957 г. с Чехословакией, 12 декабря 1957 г. с Болгарией, 16 декабря 1957 г. с КНДР, 21 января 1958 г. с Польшей, 25 августа 1958 г. с МНР, 21 января 1963 г. с Венгрией; 31 марта 1965 г. с Польшей, 6 июля 1966 г. с Болгарией (См. «сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Вып. 20. М., 1961, с. 205—230); «Ведомости Верховного Совета СССР», 1956 г., № 16; 1963 г. № 30; 1966 г., № 15; 1967 г., № 7.

¹⁴ См. Черномордик Е. Я. К вопросу о двойном гражданстве в иностранном и международном праве. — «Советское государство и право», 1947, № 1; Шевцов В. С. Указ. соч., с. 55.

¹⁵ Подробнее см. Черниченко С. В. Международно-правовые вопросы гражданства. М., 1963, с. 98—107.

¹⁶ Так, в ст. 5 УК РСФСР сказано, «что граждане СССР, совершившие преступление за границей, если они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду на территории РСФСР, подлежат ответственности по настоящему Кодексу». То же самое записано в соответствующих статьях уголовных кодексов всех союзных республик.

¹⁷ Так, в соответствии со ст. 44 УПК РСФСР в отдельных случаях в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела, а равно в целях наилучшего обеспечения воспитательной роли судебного разбирательства дела оно может быть передано для рассмотрения из одного суда в другой такой же суд. В ст. 31 указывается, что при необходимости передачи уголовного дела в суд другой республики дело направляется через Верховный Суд РСФСР. Аналогичные статьи имеются во всех уголовно-процессуальных кодексах союзных республик.

¹⁸ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, как и уголовно-процессуальные кодексы всех союзных республик, содержат нормы, запрещающие изменение обвинения в суде, если этим ухудшается положение подсудимого (ст. 254 УПК РСФСР).

¹⁹ См. Положение о союзном гражданстве от 29 октября 1924 г. (СЗ СССР, 1924 г., № 23, ст. 202); Положение о гражданстве Союза ССР от 13 июня 1930 г. (СЗ СССР, 1930 г., № 4, ст. 367); Положение о гражданстве Союза ССР от 22 января 1931 г. (СЗ СССР, 1931 г., № 24, ст. 196).

²⁰ См. Черниченко С. В. Указ. соч., с. 145.

²¹ См. подробнее там же, с. 138—140.

²² См. Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР. М., 1960, с. 258.

²³ См. Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. Т. 1. М., 1961, с. 471.

²⁴ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30, ст. 592.

²⁵ См. ч. 2 § 80 УК ГДР 1968 г.; ст. 4 УК СРР 1968 г.; § 18 УК ЧССР 1961 г.

²⁶ См. УК ПНР 1969 г.; УК НРБ 1968 г.; УК ВНР 1961 г.

²⁷ См. ст. 10 Итальянского уголовного кодекса 1930 г.; ст. 694 Уголовно-процессуального кодекса Франции 1953 г.; ст. 5 Уголовного кодекса ФРГ ред. 1969 г.; ч. 2 ст. 3 Швейцарского Уголовного кодекса 1937 г.

К ГЛАВЕ X

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 11. М., 1955, с. 16;—172.

² См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957, с. 66—71.

³ Подробнее о точке зрения представителя СССР см.: Андрохин М. Н. Генцид — тягчайшее преступление против человечества. М., 1951, с. 114.

⁴ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16, с. 101—253.

⁵ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972, с. 6.

⁶ См. Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959, с. 220—222.

⁷ СЗ СССР, 1926, № 22.

⁸ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 9, М., 1954, с. 100—105.

⁹ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 17, 18. М., 1960, 274—279.

¹⁰ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 19, М., 1960, с. 219—232; «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955 г., № 13.

¹¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957 г., № 8.

¹² См. Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 40.

¹³ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16, с. 270—289.

¹⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 7. М., 1933, с. 40—53.

¹⁵ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1963, № 52, ст. 546.

¹⁶ См. Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 66.

¹⁷ Подробнее см. там же, с. 61—73.

¹⁸ Ст. 15 Конвенции об открытом море признает пиратством: 1) любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту; против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства; 2) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, если тот, кто этот акт совершает, знает обстоятельства, в силу которых это судно или этот летательный аппарат является пиратским судном или пиратским летательным аппаратом; 3) любое действие, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действий, предусмотренных в пп. 1 или 2 настоящей статьи.

В международно-правовой литературе высказываются различные мнения по вопросу о т. н. «государственном пиратстве». Следует согласиться с

Л. Н. Галенской, что дело не в принадлежности судна, а в том, совершаются ли пиратские действия по собственному почину капитана или команды корабля или же по специальному полномочию государства (см. Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 84, 85).

¹⁹ См. Фердросс А. Международное право. М., 1959, с. 252.

²⁰ См. Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 92.

²¹ См. «Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания», с. 163—171 и 188—191.

²² СЗ СССР, 1926, отдел 2, № 31, ст. 188, 189.

²³ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1960, № 42. Вопрос о юрисдикции был решен уже Брюссельской конвенцией 1952 г., однако СССР не является ее участником (см. «Москское право и практика». Информ. сб. ЦНИИМФ. Вып. 40, 1959, с. 53—55).

²⁴ См. Молодцов С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентальной шельфа. М., 1960, с. 184, 185.

²⁵ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1971, № 32, ст. 327; Приложение II к работе «Актуальные вопросы международного воздушного права», под редакцией А. С. Пирадова. М., 1973, с. 185—190.

²⁶ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1973, № 1, ст. 1; Приложение III к работе «Актуальные вопросы международного права», с. 191—197.

²⁷ Советская делегация предлагала решить вопрос о конкурирующей юрисдикции в пользу государства регистрации судна (см. Осетров Н., Колосов Ю. Международное право на страже безопасности гражданской авиации. — «Советская Юстиция», 1971, № 24, с. 16; Актуальные вопросы международного воздушного права, с. 136—172; Малеев Ю. Н. Международно-правовые аспекты борьбы с незаконным захватом воздушных судов. Автореферат канд. диссер. М., 1973; Маховский Я. Захват гражданского воздушного судна в свете международного права. — «Советское государство и право». М., 1971, № 8, с. 59—66; Лазарев М., Колосов Ю. Вопреки международному праву. — «Известия от 23 октября 1970 г.; Gji-dara M. «La piraterie acrienne» en droit international et en droit comparé. — «Revue internationale de droit comparé». Paris, 1972, t. 88, N 4, p. 791—844; Hänni O. Luitpiraterie. — «Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht». 1972, Nr. 3, S. 320—330).

²⁸ См. «Сборник международных соглашений по рыболовству». М., 1958, с. 60.

²⁹ Там же, с. 68.

³⁰ См. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1964, с. 36.

³¹ См. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. I. Л., 1968, с. 136.

³² См. также Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1957, с. 240, 241.

³³ Об этом подробнее см. Блищенко И. П. Международное и внутригосударственное право. М., 1960; Миронов Н. В. Правовое регулирование внешних сношений СССР 1917—1970 гг. М., 1971, с. 194—206; Миронов Н. В. Советское законодательство и международное право. М., 1968; Левин Д. Б. Проблема соотношения международного и внутригосударственного права. — Советское государство и право, 1964, № 7; Шуршанов В. М. Основные вопросы теории международного договора, М., 1959, с. 303—364; Фердросс А. Указ. соч., с. 86—99; Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. I. 1950, Введение; т. 4, 1952, с. 317—320.

³⁴ См. Миронов Н. В. Советское законодательство и международное право, с. 29—35; также Смигис К. М. К вопросу о трансформации международноправовых норм в нормы внутригосударственные. — «Ученые

записки ВНИИСЗ», 1967, вып. 12; Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб, 1882, с. 410, 411; Фердросс А. Указ. соч., с. 201.

³⁵ Как справедливо отметил Н. В. Миронов, «отсылка национального права к праву международному означает не только возможность и необходимость применения тех или иных норм международного права к регулированию конкретных правоотношений внутригосударственного порядка, но и... презюмирует изменение субъектов правовых норм применительно к конкретным правоотношениям, определяемым государством, поскольку при этом последнем условии только и возможно применение международно-правовых норм во внутригосударственном праве... национальное право рецепирует содержание и объем нормы для регулирования внутригосударственных отношений без ее инкорпорации во внутригосударственное право...» (Миронов Н. В. Советское законодательство и международное право, с. 59).

³⁶ Мы согласны с теми советскими и зарубежными учеными, которые рассматривают трансформацию норм международного права в качестве правотворческого процесса, усматривают в этом процессе согласование вновь вводимых в национальное законодательство норм с общими принципами внутригосударственного права, подчинение их общим принципам этого права, не считают возможным отождествить трансформацию с простой рецепцией международно-правовых норм, а видят в трансформации качественно иной процесс, более глубокое правовое действие, связанное не только с воспроизведением, но и с переработкой норм международных договоров в соответствии с общими принципами национального права (там же, с. 37—44).

³⁷ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1973, № 1, с. 3.

³⁸ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1944, № 8.

³⁹ См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Вып. 16, с. 280; Белорусская ССР в международных отношениях. Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944—1959). Минск, 1960, с. 217—226.

⁴⁰ Так, например, Советский Союз присоединился 2 февраля 1926 г. к конвенции об охране котиков от 7 июля 1911 г. Новая временная конвенция о сохранении котиков в северной части Тихого океана была подписана Советским Союзом в Вашингтоне 9 февраля 1957 г. и ратифицирована 27 сентября 1957 г. Общесоюзного трансформационного акта не последовало. К сожалению, не все союзные республики издали соответствующие республиканские трансформационные акты. Например, в УК Латвийской ССР по сей день нет нормы, предусматривающей ответственность за незаконный промысел котиков. Это объясняется тем, что в Латвийской ССР, как и в некоторых других союзных республиках, где нет котиков, нет потребности в такой норме; с позиций территориального принципа действия уголовного закона в пространстве такое преступление в этих республиках нельзя совершить. Республиканский трансформационный акт все же необходим, потому что в конкретной республике могут возникнуть трудности с обеспечением выполнения международно-правовой нормы.

К ГЛАВЕ XI

¹ См. Mommsen. Th. Romisches Strafrecht, Leipzig, 1899, S. 458 ff.

² См. Вербловский В. О. О взаимной выдаче преступников и дезертиров. — «Юридический вестник», 1867, № 6; 1868, № 7; Никольский Д. О выдаче преступников по началам международного права. 1884; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1, СПб, 1902, с. 336—366;

Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. 1. Юрьев, 1907; Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб, 1905, с. 419—460; Давневский В. Выдача преступников и принятие о ней в оксфордской сессии гентского института международного права. — «Юридический вестник», 1880, № 12; Степанов А. В. О выдаче преступников. — «Юридический вестник», 1884, № 7; Симсон Е. — О невыдаче собственных подданных. — «Журнал Юридического Общества», 1896, № 10; Шалланд А. Принятие выдачи соевственных подданных. — «Журнал Юридического Общества», 1896, № 10; Ткаченко М. Договоры о выдаче, заключенные Россией с иностранными государствами, и их отношение к ст. 168—174 Уложения о наказаниях. — «Журнал Министерства Юстиции», 1902 г. № 5; Резон А. К. О выдаче по русскому праву. — «Журнал Министерства Юстиции», 1903, № 9; Cornwall Lewis G. On foreign jurisdiction and the extradition of criminal. London, 1859; Fiore P. Effetti internazionali delle penali. Della estradizione. Pisa, 1877, 42 e seg.; Lammasch H. Auslieferungspflicht und Asylrecht. Leipzig, 1887; Lammasch H. Das Recht der Auslieferung wegen politischer Verbrechen. Wien, 1884; Martitz F. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen. Leipzig, 1888; Billot A. Traite de l'extradition. Paris, 1874; Helie F. Traité de procedure criminelle. 1845, p. 373—420; Bernard. Traité théorique et pratique de l'extradition. Vol. 1. Paris, 1883; Kohler J. Internationales Strafrecht. Stuttgart, 1917, S. 159 u. ff.; Bulmerincq A. Das Asylrecht und die Auslieferung flüchtiger Verbrecher. Dorpat, 1853; Mohl R. Die völkerrechtliche Lehre vom Asyle. 1853, S. 637 ff.

³ Merle R, Vitu A. Traite de droit criminel. Paris, 1967, pp. 218—238; Bouzat P., Pinatel J. T. 2, Paris, 1963, p. 1323—1330; Saint-Aubin. L'extradition et le droit extraditionnel. 2 vol., 1913; Mercier. L'extradition. Cours de l'Académie La Haye, T. 33, 1930; Donnedieu de Vabres H. M. Les principes modernes du droit pénal international, Paris, 1928; Schulz. Das schweizerische Auslieferungsrecht, Etudes de droit criminel suisse, T. VII, 1953; Hazewinkel-Suringa. Inleiding tot de studie van het Nederlandse Strafrecht. Haarlem, 1938, biz. 334—339; Baldassarri. L'extradizione nella nuova legislazione penale. Revista diritto internazionale. 1931; Ranieri S. Manuale di Diritto Penale. Vol. 1. Parte generale. Padova, 1956., pp. 67—69; Markees C. Aktuelle Fragen der Internationalen Rechtshilfe. — «Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht», Bern, 1973, № 3, S. 230—271.

⁴ Такие законы были приняты в 1833—1874 гг. в Бельгии, в 1855 г. в Аргентине, в 1870 г. в Англии, в 1875 г. в Голландии, в 1887 г. в Японии, в 1883 г. в Перу, в 1892 г. в Швейцарии, в 1897 г. в Мексике, 1911 г. в России и в Бразилии, в 1913 г. в Швеции, в 1922 г. в Финляндии, в 1927 г. во Франции, в 1929 г. в Германии.

⁵ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972, с. 120.

⁶ См. Markees C. — Die Schweiz und das Europäische Auslieferungsübereinkommen vom 13. Dezember 1957. — «Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht», Bern, 1957, Heft 2, S. 113—130; Grützner H. Internationaler Rechtshilfeverkehr in Strafsachen. Hamburg, 1972.

⁷ Вопросам выдачи преступников уделяется недостаточное внимание в литературе по международному праву; в учебной и монографической литературе освещается только вопрос о выдаче военных преступников. Несколькo шире вопрос о выдаче преступников рассматривается в книге Л. Н. Галенской «Международная борьба с преступностью», где выдаче преступников посвящена специальная глава. Еще меньше внимания уделяется проблемам выдачи преступников теорией советского уголовного права. Специальных монографических исследований по данным вопросам нет. В монографиях, по-

священных учению о советском уголовном законе, авторы не касаются вопросов материального уголовного права выдачи преступников. Некоторые авторы, как следует из их отношения к рассматриваемой проблеме, не причисляют нормы о выдаче преступников к праву применения советского национально-уголовного закона или даже не считают эту проблему относящейся к уголовно-правовым; в учебных курсах и монографиях вообще не касаются вопросов выдачи преступников. Только в монографии М. Д. Шаргородского (Уголовный закон. М., 1948, с. 288—308) рассматриваются отдельные вопросы выдачи преступников, но тоже главным образом в историческом аспекте. Наука советского уголовного процесса почти не занимается разработкой процессуальных вопросов выдачи преступников.

⁸ Зарубежные социалистические государства, которые не регламентировали вопросы выдачи преступников в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, приняли специальные законы о выдаче преступников. Так, например, в СРР Закон о выдаче был принят 18 марта 1971 г. (См. «Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht», Bern, 1972, Heft 4, S. 439).

⁹ См. «Ведомости Верховного Совета Союза ССР», 1958, № 1, ст. 4; № 6, ст. 126; ст. 127; № 7, ст. 138; № 21, ст. 329; № 35, ст. 424; № 10, ст. 72; № 5, ст. 93; 1963, № 21, ст. 236.

¹⁰ См. ст. 58 Договора между СССР и ФНРЮ о правовой помощи 1963 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1963, № 21, ст. 236.

¹¹ Мы полагаем, что понятием «иностранец» в данном случае охватываются и лица без гражданства, точнее — лица, не являющиеся гражданами СССР.

¹² См. также ст. 84 Конституции НРБ; ч. 2 § 58 Конституции ВНР; ст. 35 Конституции СРР; ст. 101 Конституции МНР.

¹³ ПНР ст. 97 УК СФРЮ 1951 г.; ч. 1 § 21 УК ЧССР 1961 г.; ст. 118 УК ПНР 1969 г.; ч. 2 ст. 4 УК НРБ 1968 г.; ст. 17 УК НРР 1948 г.

¹⁴ См. ч. 1 № 8 УК ВНР 1961 г.

¹⁵ См. Закон о выдаче от 18 марта 1971 г. (см. подробнее в работе: Vargu S. Aplicarea legii penale în spatiu și timp. București, 1972, p. 120—146).

¹⁶ См. швейцарский закон о выдаче 1883 г. (ст. 2); французский закон о выдаче от 10 марта 1927 г. (ст. 5); норвежский закон о выдаче 1908 г.

¹⁷ См. ч. 1 ст. 10 Конституции ГДР; ст. 54 Конституции СФРЮ.

¹⁸ См. п. 2 ст. 16 Конституции ФРГ; ст. 141 § 33 Конституции Бразилии. См. также: Vogler Th. Auslieferungsrecht und Grundgesetz. — Schriften zum Strafrecht. Bd. 11. Berlin, 1970.

¹⁹ Вопрос о выдаче лиц, совершивших преступления за границей, до перехода их в соответствующее подданство, в законодательстве зарубежных государств решается по-разному. Так, например, французский закон о выдаче 1927 г. предусмотрел выдачу таких лиц, а бельгийский закон от 15 марта 1874 г. запрещает их выдачу.

²⁰ Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 119.

²¹ См. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968, с. 143.

²² См. Курс международного права. М., 1972, с. 381.

²³ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. 1. М., 1946, с. 418, 419.

²⁴ См. «Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части Первой Сессии». Черч Хауз, Вестминстер. Лондон, 1946, с. 10.

²⁵ См. Официальный отчет Второй Сессии Генеральной Ассамблеи. Резолюции. Лейк Соксес. Нью Йорк, 1947, с. 57.

²⁶ См. Курс международного права. М., 1972, с. 381.

²⁷ Так, в ст. 45 мирного договора с Италией сказано, что Италия обязуется принять все необходимые меры, чтобы обеспечить задержание и выдачу для суда лиц, обвиняемых в том, что они совершили военные преступления и преступления против мира и против человечности, или дали приказ о совершении таких преступлений или содействовали их совершению (См. «Внешняя политика Советского Союза». Ч. 1. М., 1952, с. 64—86).

²⁸ См. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1947, № 29.

²⁹ См. Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. (Сборник документов). М., 1969, с. 90, 91.

³⁰ См. Полянский Н. Н. Международный военный трибунал. М., 1946, с. 11, 12; Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., 1969; Алексеев Н. С. Ответственность националистских преступников. М., 1963; Полторак А. И. Нюрнбергский процесс. М., 1966.

³¹ См. Ледях И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. М., 1973, с. 12.

³² «Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft», Berlin, 1954, Nr. 3, SS. 176, 178.

³³ См. также Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1948, с. 304.

³⁴ См. Трайнин И. П., Грабарь В. Э., Полянский Н. Н., Трайнин А. Н., Дурденевский В. Н., Левин Д. Б. Уголовная ответственность преступников войны. — «Социалистическая законность», 1945, № 6, с. 10.

³⁵ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957, с. 66—71.

³⁶ См. Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956 г.; Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон; Алексеев Н. С. Указ. соч.; Ледях И. А. Указ. соч.; Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967; Трайнин А. Н. Правовые проблемы Нюрнбергского процесса. — «Советское государство и право», 1946, № 11—12.

³⁷ Baumhoff J. Die strafrechtliche Problematik der nationalsozialistischen Gewaltverbrechen. Stuttgart—Berlin, 1964, S. 233.

³⁸ См. Оппенгейм Л. Международное право. Т. 2, полутом 2. М., 1948, с. 132.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Исторический обзор учений о действии уголовных законов в пространстве	8
Глава 2. Принципы действия уголовных законов Союза ССР и союзных республик в пространстве	32
Глава 3. Действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в пределах территории Союза ССР	65
Глава 4. Распространение действия уголовных законов Союза ССР и союзных республик на объекты и зоны вне пределов территории Союза ССР	84
Глава 5. Территориальные пределы действия уголовных законов союзных республик	115
Глава 6. Определение места совершения преступления и действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в пространстве	122
Глава 7. Определение места совершения преступления и применении уголовных законов союзных республик	136
Глава 8. Территориальный принцип действия уголовных законов Союза ССР и союзных республик и ответственность иностранцев, не подсудных советским судебным учреждениям	160
Глава 9. Действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в отношении деяний, совершенных за пределами Союза ССР советскими гражданами и лицами без гражданства	171
Глава 10. Действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в отношении деяний, совершенных за пределами Союза ССР иностранцами	181
Глава 11. Уголовно-правовые вопросы выдачи преступников	194
Примечания	202

Блум Мария Ильинична

ДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

Учебное пособие

Редактор *А. Лиеде*. Техн. ред. *К. Мисиньш*.

Сдано в набор 28 декабря 1973 г. Подписано к печати 12 ноября 1974 г. Формат бумаги 60×84/16. 16,5 физ. печ. л. 19,34 уч.-изд. л. Тираж 700 экз. Цена 80 коп. Отпечатано в Рижской бланочной типографии Государственного комитета Совета Министров Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Рига, ул. Горького № 6. Зак. № 1116. ЯТ 12325.